

В. Кумар

**АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЙ
ЗАГОВОР
против
КАШМИРА**

Виджай Кумар

**АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЙ ЗАГОВОР
ПРОТИВ КАШМИРА**

*Сокращенный перевод
с английского*

Г. ДУБСКОЙ и Н. ЯКОВЛЕВОЙ

И * Л

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва, 1954

VIJAY KUMAR

**ANGLO-AMERICAN PLOT
AGAINST KASHMIR**

BOMBAY

1954

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Книга индийского прогрессивного журналиста Виджая Кумара «Англо-американский заговор против Кашмира» посвящена истории так называемого «кашмирского вопроса». На основе богатого фактического материала Кумар вскрывает цели, которые преследовали Англия и Соединенные Штаты в отношении Кашмира, последовательно характеризует различные этапы англо-американской политики в Кашмире после передачи «кашмирского вопроса» на рассмотрение Организации Объединенных Наций.

Умело обобщая факты, аргументируя свои выводы большим документальным материалом, Кумар разоблачает маневры англо-американской дипломатии, состоявшей на передаче искусственно созданного английскими и американскими империалистами «кашмирского вопроса» на рассмотрение ООН, вскрывает роль англо-американского блока в затягивании разрешения «кашмирской проблемы», приоткрывает завесу над деятельностью комиссии ООН по Индии и Пакистану, стремившейся навязать Индии и Пакистану такое решение «кашмирского вопроса», которое дало бы возможность Англии и США установить свое господство в Кашмире.

Автор книги показывает, как англо-американское большинство в Организации Объединенных Наций использовало обсуждение «кашмирского вопроса» в ООН для поддержания напряженности в отношениях между Индией и Пакистаном, подчеркивая, что все предложения назначенных Советом Безопасности посредников в «кашмирском споре» были направлены на то, чтобы путем установления господства Соединенных Штатов и Англии в Кашмире создать условия для широкого вмешательства империалистических держав в дела Индии и Пакистана.

Говоря об агрессивном характере политики английского и американского империализма в отношении Кашмира, Кумар уделяет большое внимание освещению роли кашмирского народа и его руководителя — Кашмирской национальной конференции в разоблачении вынашиваемых Англией и США планов установления своего господства в Кашмире. Он указывает, что стремление кашмирского народа отстаивать независимость своей страны, поддержка, которую оказывали кашмирскому национальному движению народы Индии, твердая позиция Кашмирской национальной конференции в отношении навязываемых Кашмиру планов империалистических держав явились теми факторами, которые помешали Англии и США осуществить цели, которые они преследовали в Кашмире.

Идея о том, что только единство патриотического фронта народов Кашмира, Индии и Пакистана, только борьба всех слоев населения Кашмира за независимость своей страны смогут опрокинуть планы Англии и США относительно превращения Кашмира в военный плацдарм англо-американского империализма, пронизывает книгу Кумара. В этой идее отражено стремление многомиллионного населения полуострова Индостан бороться и впредь против всех происков империалистических держав в Кашмире.

Острота разоблачений политики Англии и США в отношении Кашмира, богатство фактического материала, убедительность аргументации и обоснованность выводов, — все эти особенности работы Кумара позволяют говорить о ней как о книге, имеющей несомненную ценность. Книга Кумара, безусловно, с интересом будет встречена советской общественностью как документ, разоблачающий планы Англии и США о превращении Кашмира в свою военностратегическую базу, и свидетельствующий о растущей решимости народов Индии и Пакистана противостоять агрессивным замыслам американского и английского империализма в отношении Кашмира.

ОТ АВТОРА

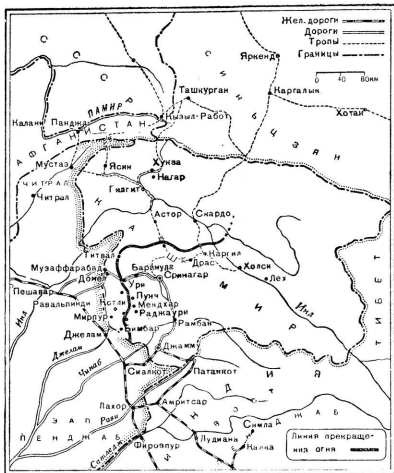
Основная часть настоящей книги написана более года назад, но по некоторым не зависящим от нас обстоятельствам она не могла быть напечатана раньше. В книгу внесены дополнения в соответствии с существующим в настоящее время положением; ею охвачены события, возникшие после ареста шейха Абдуллы.

Первые три главы книги, рисующие исторический фон, не претендуют на исчерпывающее освещение вопроса — они были включены лишь в виде пояснения к основной теме книги. Поэтому читатель должен простить имеющиеся в книге пробелы.

Я хочу выразить искреннюю и сердечную благодарность моему другу из Дели, пожелавшему остаться неизвестным, чья критика и советы оказали мне весьма существенную помощь при подготовке этой книги.

Виджай Кумар.

Дели,
17 ноября 1953 года.

ВВЕДЕНИЕ

Площадь княжества Джамму и Кашмир равна 84 471 квадратным милям (210 880 квадратных километров), население — свыше 4 миллионов человек. Границы княжества соприкасаются с территорией четырех государств: на северо-востоке княжество граничит с Китайской Народной Республикой (Тибет и Синцзян); на северо-западе — с Афганистаном; на западе — с Пакистаном; на юге — с Индией. На северо-западе Кашмир отделен от Советского Союза узкой полосой афганской территории.

Кашмир — страна необычайной красоты, населенная замечательно трудолюбивым и свободолюбивым народом. В древности эта страна была крупным центром науки и культуры, местом встреч видных ученых всех районов Азии. На протяжении многих веков Кашмир славился замечательным мастерством своих кустарей, умелые руки которых создали много прекрасных произведений искусства.

Но эта чудесная страна часто оказывалась пешкой в руках европейских колонизаторов, эксплуатировавших ее так, словно это была их собственность. С тех пор как в Индии установили свою власть иностранцы, мир кашмирского народа был нарушен, его независимость уничтожена.

Больше всего нарушило мир Кашмира стремление английских правителей использовать чрезвычайно выгодное стратегическое положение княжества для расширения своих колониальных владений в Азии. В первой половине XIX века англичане воспользовались Кашмиром как пешкой при порабощении Пенджаба и Афганистана.

Для этой цели они установили над Кашмирской долиной власть Гуляб Синга. Этот предатель и иуда сыграл

в Кашмире такую же роль, как Мир Джафар на севере¹.

Твердо установив свою власть над всей Индией, английское правительство попыталось использовать Кашмир в качестве военного форпоста в Центральной Азии², которую постепенно захватывала в свои руки царская Россия. Ввиду стратегического положения Кашмира ему отводилось значительное место в империалистических и военных планах Англии в Центральной Азии. После первой мировой войны Англия намеревалась использовать Кашмир как базу против только что установленной свободной рабоче-крестьянской власти Советов.

С окончанием второй мировой войны трудности Кашмира не кончились. Готовясь развязать новую мировую войну против мирной страны социализма, враги мира не забывали о стратегическом значении Кашмира. Еще не остыл пепел пожаров, как Соединенные Штаты и Англия приступили к составлению планов создания в Кашмире военных баз, направленных против Советского Союза, а впоследствии — против Китайской Народной Республики. Послевоенная политика Англии в отношении Кашмира диктовалась главным образом этими соображениями.

В послевоенном политическом развитии Кашмира четко различаются три основных этапа, на каждом из которых политика английского империализма в отношении движения кашмирского народа за освобождение имела свои характерные особенности. Первый этап характеризуется политикой зверских репрессий против кашмирского национального движения со стороны автократии и главных агентов английского империализма в Кашмире — бригадного генерала Скотта (главнокомандующий армией Дхамму и Кашмира), генерального инспектора

¹ В 1756—1757 годах Мир Джафар занимал пост главнокомандующего войсками субадара (правителя) Бенгалии Сирадж-ад-доула, выступившего на борьбу с англичанами. Во время битвы при Плэсси Мир Джафар, установивший ранее тайную связь с английским командованием, перебежал в лагерь врага. Сирадж-ад-доул был разбит. В виде платы за измену англичане произвели Мир Джафара в субадары Бенгалии и использовали его в своих интересах. — *Прим. ред.*

² Здесь и далее термином «Центральная Азия» автор называет Среднюю Азию и горный район Гиндукуша — Каракорум. — *Прим. ред.*

Пауэлла (начальник полиции княжества) и полковника Вэбба (английский резидент в Кашмире). Именно в этот период правительственной миссией был выдвинут план расчленения полуострова Индостан (май 1946 года), который вскоре был проведен в жизнь. Английский политический департамент поощрял стремления махараджи Кашмира к «независимости», и тот стал добиваться этой цели, пытаясь, в первую очередь, вступить в молчаливое соглашение по этому вопросу как с Индией, так и Пакистаном. Английское правительство даже не пыталось сделать вид, будто оно собирается позволить кашмирскому народу высказать свою волю. Второй этап начался с вторжения племен в Кашмир. Такие видные английские офицеры, как сэр Джордж Кэннингхем и сэр Фрэнсис Мьюди, как передавали, играли в этом вторжении руководящую и весьма активную роль. Полковник Инголл (начальник Пакистанской военной академии), майор Браун (начальник «Гилгит скаутс») и офицер американской армии Рассел К. Хэйт сопровождали вторгшиеся банды и руководили их действиями. Поддержав вторжение, англичане рассчитывали захватить при помощи племен Кашмирскую долину и установить там угодное Англии правительство. Вопрос о предоставлении кашмирскому народу возможности самому определить судьбу своей страны не был выставлен захватчиками даже в качестве мнимого лозунга. Третий этап начался после того, как вступление индийской армии в Кашмир расстроило планы Англии захватить эту страну вооруженным путем. На этой стадии лорд Маунтбэттен и Исмэй¹ вмешались в дела Кашмира непосредственно, и Индия передала вопрос о Кашмире в ООН.

Третий этап, повидимому, еще не закончился. Кашмирский вопрос стоит на повестке дня Совета Безопасности вот уже более пяти с половиной лет. За эти годы было вынесено множество резолюций, которые обсуждались и принимались большинством членов Совета Безопасности. Время от времени становилось известно, что тот или иной представитель ООН или член кашмирской комиссии выезжает, наконец, в Кашмир, чтобы разрешить

¹ В 1947 году лорд Исмэй был начальником штаба вице-короля Индии.— *Прим. ред.*

проблему. Но каждый шаг большинства в Совете Безопасности, каждая новая формула представителей ООН лишь затачивали конфликт и увеличивали разногласия между Индией и Пакистаном. Эти предложения и резолюции пытаются навязать кашмирскому народу «плебисцит под контролем Объединенных Наций»⁴ — «свободный», «справедливый» и «беспристрастный» плебисцит.

Небезинтересно в связи с этим отметить, что разрешение спора о присоединении Кашмира в будущем к Индии или к Пакистану путем плебисцита совершенно не входило в расчеты английского правительства на первых двух этапах, когда в результате расчленения полуострова вопрос о присоединении княжества к одному из двух доминионов встал особенно остро. Английское правительство и другие западные державы стали ярыми поборниками принципа предоставления народам Джамму и Кашмира права на самоопределение лишь на определенном этапе политического развития Кашмира в период после расчленения полуострова, а именно — после того как потерпели крах планы Англии разгромить национальное движение в Кашмире и установить над княжеством власть империалистов при помощи «независимого» статуса махараджи, а затем при помощи вооруженного вторжения племен.

Почему Англия и Соединенные Штаты подняли вопрос об определении будущего статуса Кашмира путем плебисцита лишь после вмешательства Объединенных Наций? Причину не надо далеко искать. Она становится ясной из характера и сущности предложений, выдвинутых этими державами в течение последних пяти с половиной лет в Совете Безопасности. Главной целью этих предложений было установление в Кашмире «нейтральной» администрации «Объединенных Наций», якобы необходимой для проведения «беспристрастного плебисцита». Установление иностранной администрации во главе с адмиралом Честером Нимицем было основным требованием Соединенных Штатов и Англии. Оно красной нитью проходит через все этапы вмешательства Объединенных Наций в дела Кашмира. Кроме того, эти державы неоднократно предлагали Индии и Пакистану согласиться на ввод в Кашмир иностранных войск, заявляя, что эти войска необходимы для облегчения демилита-

ризации и соблюдения законности и порядка во время плебисцита. Фрэнк Грэхэм и его военный советник американский генерал Джекоб Деверс предложили также увеличить число наблюдателей Объединенных Наций в Кашмире до нескольких тысяч и снабдить их вертолетами, средствами связи и оружием.

История учит, что, если империалистические державы под тем или иным предлогом проникают в слабо развитую страну и посылают туда свои войска, они остаются там навсегда или, вернее, до тех пор, пока их оттуда не выгонят силой. Поэтому установление в Кашмире иностранной администрации во главе с адмиралом Честером Нимицем и оккупация княжества иностранными войсками должна привести к полному захвату страны Англией и Соединенными Штатами.

Возникает вопрос: почему западные державы так заинтересованы в установлении политического и военного господства над Кашмиром? Почему они преследуют эту цель сейчас? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо вспомнить о важном в стратегическом отношении географическом положении Кашмира. Как сказал 24 июля 1952 года в народной палате¹ Пандит Неру:

«Будучи частью Индии, он [Кашмир] фактически является сердцем Азии... Он также связан различными путями с Центральной Азией. Даже сейчас я удивляюсь, как много людей понимает, что Кашмир находится дальше к северу, чем Тибет. Поэтому каждый должен подходить к Кашмиру, имея в виду, помимо других факторов, связанных с вопросом о нем, его своеобразное географическое положение». (Журнал «Трибюн», 25 июля 1952 года.)

Бывший председатель американской комиссии по атомной энергии и председатель управления по строительству гидротехнических сооружений в долине Теннесси Дэвид Лилиенталь писал в журнале «Кольерс»:

«Непосредственно вопрос заключается в том, должна ли исторически сложившаяся область Джамму и Кашмир, территория которой равна территории штата Айдахо, стать частью Индии или частью Пакистана. Это не простой спор по поводу международных границ. По одну

¹ Нижняя палата индийского парламента. — *Прим. ред.*

сторону границ этой спорной области находится красный Китай, а по другую — красный Тибет. Одна из границ соприкасается с Советской Россией». (Перепечатано в газете «Хинду» 26 августа 1951 года.)

В книге «Индия и Соединенные Штаты» Лоуренс К. Розингер пишет:

«Интерес Соединенных Штатов, повидимому, частично объясняется стратегическим местоположением Кашмира, близко расположенного к СССР и граничащего с Афганистаном, Китаем, Туркестаном (Синцзяном), Тибетом, Индией и Пакистаном»¹.

Этой стране, занимающей выгодное стратегическое положение, отводится важное место в военных планах Соединенных Штатов и Англии. Как заявил в 1950 году Пандит Неру:

«Они [Соединенные Штаты и Англия] не считаются с затронутыми здесь принципами... Более того, эти страны часто мыслят об обороне и стратегических базах в Кашмире, исходя из собственной точки зрения. Возможно, что под влиянием страха они хотят ради осуществления своих политических задач поставить на карту судьбу четырехмиллионного населения Кашмира. Это одна из причин, почему такие страны, как Америка и Англия, даже в Объединенных Нациях не сумели занять реалистическую позицию в отношении Кашмира». (Цитировано в публикуемом правительством Индии журнале «Кашмир». Дели, 1 декабря 1950 года.)

Этот факт признал в Народной палате даже смещенный генеральный секретарь Национальной конференции Маулана Саид Масуди, всеми силами старающийся истолковать всякое указание на американскую игру в Кашмире как выражение американофобии. Он заявил:

«Западные державы бросают на Кашмир алчные взоры... Кашмир, таким образом, приобрел очень большое значение с военной точки зрения. Западные державы знают, что самолеты, базирующиеся на территории Кашмира, можно использовать для бомбардировки любого района Азии». («Хиндустан таймс», 18 февраля 1953 года.)

¹ Rosinger Lawrence K., India and the United States, p. 105.

В целях захвата Кашмира как военно-стратегического спорного пункта американские влиятельные круги начали широкую кампанию, требуя передачи территории княжества под опеку Объединенных Наций, что на их языке называлось предоставить Кашмиру независимость. Те способы, при помощи которых представители этих кругов сумели поймать в ловушку лидера такого масштаба, как шейх Абдулла, склонив его к поддержке их плана «независимости» Кашмира, сразу показали всю сущность их программы и их твердое намерение добиться ее осуществления.

Таким образом, план проведения так называемого «беспристрастного плебисцита» под контролем и управлением адмирала Нимица, войск держав англо-американского блока и большого числа военных наблюдателей Объединенных Наций был направлен не к тому, чтобы действительно дать кашмирскому народу возможность спределить свою судьбу и будущий статус своей родины, а к прямому вмешательству в дела Кашмира с целью захвата этого стратегического района и использования его в качестве трамплина для нападения на Советский Союз и Китай.

Англия и Соединенные Штаты преследуют в Кашмире еще одну цель, которую они стремились осуществить после расчленения полуострова, в особенности после передачи Индией кашмирского вопроса на рассмотрение Совета Безопасности. Эта цель — использовать спор между Индией и Пакистаном по вопросу о Кашмире для того, чтобы еще больше расширить пропасть между этими двумя государствами и, таким образом, подготовить путь для иностранного вмешательства в их внутренние дела и, в конечном счете, для установления своего господства над ними. Все последние годы Англия и США старались при помощи своей агентуры в религиозных общинах Индии и Пакистана натравливать их друг против друга.

Соединенные Штаты намереваются использовать Кашмир не только как военную базу против Советского Союза и Китая, а вопрос о Кашмире — как предмет спора, удобный для разжигания вражды между Индией и Пакистаном, но так же, как собственную крепость, из которой их правители смогут осуществлять прямой нажим на Индию и Пакистан. Находящийся под американской

властью и оккупированный американскими войсками Кашмир постараются прежде всего использовать против Индии и ее национальных интересов. Его территория, находящаяся под сильным американским влиянием, будет использована для того, чтобы принудить Индию присоединиться к американской внешней политике. Это создаст серьезную угрозу для индийского народа, который вскорит на своей груди змею. Индийский народ должен остерегаться этой опасности.

Поэтому чрезвычайно важно, чтобы индийский и пакистанский народы вместе с кашмирским народом поняли истинную цель, которую Соединенные Штаты и Англия преследуют в отношении Кашмира. Необходимо, чтобы народы Индии и Пакистана до конца осознали ту глубокую связь, которая существует между урегулированием кашмирского вопроса и их собственной задачей установления мира, свободы и демократии. Всякая тенденция рассматривать кашмирский вопрос лишь как вопрос местного значения будет не только ослаблять народы Джамму и Кашмира в их общем деле, но будет способствовать усилению интриг заинтересованных иностранных держав против индийского и пакистанского народов. Поэтому народы этих стран должны, сплотившись воедино, выступить в качестве защитников права на самоопределение народа княжества Джамму и Кашмир. Они должны единым фронтом требовать мирного урегулирования кашмирского вопроса на основе свободного и независимого волеизъявления кашмирского народа без иностранного вмешательства или нажима. Ключ к разрешению кашмирского вопроса лежит в мобилизации народов всего полуострова Индостан для скорейшего разгрома планов иностранных интервентов в Кашмире.

Глава первая

АНГЛИЙСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО СОЗДАЕТ КНЯЖЕСТВО НА СЕВЕРЕ

Княжество Джамму и Кашмир в том виде, в каком оно существует в настоящее время, было создано английским правительством в конце первой половины XIX века под верховной властью махараджи Гуляб Синга.

В первом десятилетии XIX века Гуляб Синг служил рядовым в кавалерии при дворе махараджи Ранжит Синга. Впоследствии он стал влиятельным раджей княжества Джамму и прилегающих горных районов Пенджаба. Кашмиром в то время управляло сикхское правительство из Пенджаба.

Когда английское правительство начало расширять границы своих колониальных владений, распространяя их на Афганистан, Гуляб Синг заключил с ним союз и оказал Англии помощь людьми, продовольствием и советом.

В 1839 году английская армия вступила в Афганистан. После подавления сопротивления афганского народа армии удалось установить в Афганистане власть слабовольного шаха Шуджа, которая стала удобным орудием для превращения страны в протекторат Англии. Эти действия вызвали среди афганского народа волну возмущения, вылившегося в охватившее всю страну восстание. Английские офицеры были атакованы и сопротивление их войск подавлено. Потерпев тяжелое поражение, английский гарнизон в Джалалабате был осажден восставшим народом. Чтобы освободить гарнизон от осады, английские власти должны были мобилизовать силы в Пешаваре, который в то время входил во владения сикхов. Поэтому в Пешавар был направлен сэр Генри Лоуренс¹, чтобы уговорить сикхов прийти на помощь англичанам, оказавшимся в

¹ Английский генерал, впоследствии английский резидент в Лахоре.— *Прим. ред.*

тяжелом положении. Сикхи, не выразившие особой готовности сотрудничать с англичанами, направили Гуляб Синга для ведения переговоров с Лоуренсом. Синг был очень доволен поручением, так как ждал случая помочь англичанам и, таким образом, заручиться их покровительством. К. М. Паниккар пишет в своей книге «Гуляб Синг»:

«Он прекрасно знал, что власти Лахора вовсе не стремились помочь англичанам в их кабульской экспедиции. Гуляб Синг понимал все преимущества своего положения, а именно, что, если благодаря его влиянию и авторитету англичанам будет оказана действенная помощь, это обеспечит ему их дружбу»¹.

Прежде чем Гуляб Синг прибыл в Пешавар, английская армия потерпела поражение около Хайберского прохода. Батальоны нусибов в армии сикхов восстали, когда им было предложено оказать англичанам помощь в Афганистане. Прибыв в Пешавар, Гуляб Синг принялся успокаивать восставших и одновременно стал сотрудничать с англичанами. В своем первом письме к Лоуренсу он писал, что советует ему не пользоваться прямой дорогой из Пешавара в Атток для предполагавшейся переброски английских войск, ибо там им грозит опасность нападения со стороны батальонов нусибов. Одновременно ему удалось обезвредить батальоны нусибов и убедить сикхов прекратить сопротивление англичанам. «Обеспечив нейтралитет сикхских полков, одно время активно проявлявших свое враждебное отношение к англичанам», Гуляб Синг «таким образом легко мог помочь англичанам продовольствием и советом, а также послать часть своих войск вместе с английской армией»². Это дало генералу Поллаку возможность двинуться 5 апреля 1842 года на Хайберский проход. Дело кончилось тем, что «орудийным порохом был взорван огромный базар в Кабуле³ и на город было поставлено клеймо рабства». («Импириэл газетир оф Индиа», 1908, т. II, стр. 50.)

¹ Panikkar K. M., Gulab Singh, London, 1930, pp. 49–50.

² Op. cit., p. 52.

³ Вступление англичан в Кабул сопровождалось грабежом и разорением города. Ими был взорван крытый базар в Кабуле, являвшийся памятником средневековой таджикской архитектуры.—
Прим. ред.

8 апреля 1842 года английское правительство направило Гуляб Сингу благодарственное послание, в котором признавались услуги Синга, оказанные им английской армии в Афганистане:

«Мы узнали от командующего нашей армией, какой мудрый план вы составили, чтобы помочь нашим войскам, и как вы любезно оказали им помощь... Наконец увидели свет плоды давно посеянных семян дружбы между нами, которые были скрыты в течение долгого времени... Вы — цветок в саду мира... прекрасный плод на древе надежды. Мы помним о тревогах и трудностях, которые вам пришлось преодолеть, чтобы помочь нашей армии. Этого мы никогда не забудем».

Английские власти в Индии начали подумывать о награждении раджи. «Если Гуляб Синг будет оказывать англичанам действительную помощь,— писал сэр Уолтер Лоуренс представителю английского правительства в Лахоре Кларку,— следует помочь ему завладеть долиной Джалалабад и постараться устроить так, чтобы эта долина и Пешавар были закреплены за его семьей».

Гуляб Синг также был уверен в том, что услуги, которые он оказал английской армии, и его преданность английским властителям когда-нибудь принесут ему большие выгоды. Он вступил с ними в переговоры весьма деловым образом. Лорд Хардинг¹ 20 февраля 1845 года писал лорду Элленборо²:

«Гуляб Синг написал нам снова и рад договориться с нами... Раджа только что прислал нам письмо, умоляя не терять времени».

В ноябре 1845 года вспыхнула первая англо-сикхская война. Хорошо вооруженные английские войска разбили войска сикхов, и сикхи предложили Гуляб Сингу пост премьер-министра в правительстве Лахора. Синг принял это предложение и, заключив за спиной сикхов сделку с английскими правителями, использовал свое положение, чтобы нанести правительству Лахора еще один удар.

¹ Хардинг в 1844—1848 годах был генерал-губернатором Индии.— *Прим. ред.*

² Элленборо — генерал-губернатор Индии, занимавший этот пост до 1844 года.— *Прим. ред.*

Паниккар описывает это так: «Гуляб Синг упрекал вождей сикхов в том, что они начали такую серьезную кампанию... он немедленно вступил в переговоры с английским правительством»¹.

Английский генерал-губернатор согласился на переговоры и потребовал роспуска армии сикхов. Однако правительство Лахора отвергло это требование, и планы Гуляб Синга потерпели неудачу, — правда, временную. Вскоре произошло сражение при Субраоне, в котором сикхи были разбиты. Один историограф того времени следующим образом характеризует роль, которую играл в этом сражении Гуляб Синг:

«Англичане поставили Гуляб Синга в известность, что они готовы признать суверенитет сикхов в Лахоре после того, как армия будет распущена, но раджа заявил, что он не в состоянии справиться с войсками... Точки зрения той и другой стороны были примирены в результате соглашения о том, что англичане нападут на армию сикхов и, после того как она потерпит поражение, правительство открыто от нее отречется; затем мосты через реку Сатледж будут оставлены незащищенными и победителю будет открыт путь к столице. В обстановке подобных закулисных переговоров и *бесстыдного предательства* и произошло сражение при Субраоне»² (курсив мой. — В. К.).

Это подтверждает также и другой автор:

«Гуляб Синг призывал армию не пытаться нападать на англичан, пока он с ними не встретится, а от этого он под тем или иным предлогом уклонялся, прекрасно зная, что в нужное время англичане начнут наступление и овладеют укреплениями в Субраоне»³.

Заручившись сначала поддержкой Гуляб Синга, английское правительство решило затем заставить раджу выйти из орбиты влияния сикхов, натравить его на правительство в Лахоре и, таким образом, нанести удар империи сикхов, чтобы добиться ее полного распада и в дальнейшем осуществить аннексию Пенджаба. В соот-

¹ Panikkar K. M., Gulab Singh, p. 92.

² Cunningham J. D., History of the Sikhs, 1849, p. 324.

³ Edwards William, Reminiscences of a Bengal Civilian p. 104.

ветствии с этим 3 февраля 1846 года сэр Генри Лоуренс написал радже, что он хочет сообщить ему «нечто для него чрезвычайно приятное».

В самый разгар военных действий, когда английские политические и военные власти приступили к осуществлению плана аннексии Пенджаба, сэр Уолтер Лоуренс встретился с Гуляб Сингом и имел с ним секретную беседу. Деван Крипа Рам, который был доверенным лицом раджи и впоследствии стал его премьер-министром в княжестве Кашмир, сообщил, что во время этого разговора Гуляб Сингу было обещано, что провинция Кашмир и другие прилегающие к ней районы будут отторгнуты от империи сикхов и переданы ему в полное владение.

В соответствии с этим заключенный сикхами и англичанами Лахорский договор содержал указания, что «суверенитет» Гуляб Синга будет впредь признан на «тех территориях и в тех горных районах, которые будут ему переданы на основании отдельного соглашения между ним и английским правительством», и что английское правительство, «принимая во внимание хорошее поведение раджи Гуляб Синга, согласно также признать его независимость на этих территориях».

Шестнадцатого марта 1846 года английское правительство и раджа Гуляб Синг заключили Амритсарский договор, который в княжестве Кашмир обычно называют договором о продаже княжества Джамму и Кашмир. Договор предусматривал передачу Гуляб Сингу Кашмира и пограничного района Гилгит, находившегося ранее под властью правительства сикхов. Во время официальной церемонии в Амритсаре, когда Гуляб Синг был возведен в сан махараджи, он «встал и, пожав руку английскому вице-королю, выразил ему свою благодарность, добавив без всякой иронии, что он действительно является его зар-кхуридом, то есть купленным на золото рабом»¹.

Под властью махараджи уже находились провинции Джамму, Западный Тибет, или Ладакх, и Балтистан. За то, что к его владениям были присоединены Кашмир и Гилгит, Гуляб Синг уплатил английскому правитель-

¹ Cunningham J. D., History of the Sikhs, p. 382 f.

ству, согласно статье 3 Амритсарского договора, 75 лакхов сикхских рупий¹.

Хотя Гуляб Синг был провозглашен в Амритсаре махараджей Кашмира, он фактически еще не владел этим княжеством. Поэтому в Кашмир был послан близкий советник махараджи Вазир Лакхпат с поручением договориться о «безболезненной» капитуляции княжества. Но армия Лакхпата столкнулась с сильным сопротивлением со стороны народа и сикхских властей. Во время боев под Сринагаром Вазир Лакхпат был убит. Тогда Гуляб Синг обратился к английским властителям с просьбой «передать Кашмир под его власть, ибо свою часть соглашения он выполнил». Англичане быстро откликнулись и поспешили к нему на выручку. При поддержке английских имперских войск махараджа вступил в исторический город Сринагар в качестве нового правителя княжества Кашмир.

Сделка о продаже Кашмира была настолько отвратительна и оскорбительна, что даже апологеты английской империалистической мощи, воспевавшие «цивилизаторскую» миссию Англии, были вынуждены сделать вид, будто они сочувствуют народным массам Джамму и Кашмира.

«Мы нанесли народу Кашмира беспричинное оскорбление, совершили грубую несправедливость, акт тиранического угнетения, попирающий все человеческие благородные чувства, противоречащий самому духу современной цивилизации и идущий вразрез со всеми принципами исповедуемой нами религии»².

«Независимое» княжество Джамму и Кашмир было создано в тот момент, когда в остальной части Индии Англия проводила беспощадную политику аннексии других княжеств. Эта политика была изменена лишь после восстания 1857 года³, когда англичане поняли необходимость сохранения марионеточных княжеств как оплотов реакции против распространявшихся в народных массах Индии антианглийских настроений. Создание «независи-

¹ Лакх — 100 тысяч рупий.—Прим. ред.

² Thorp Robert, *Cashmere Misgovernment*, Longmans Green and Co., London, 1870, p. 65.

³ То есть после восстания сипаев.—Прим. ред.

мого» княжества Кашмир не означало изменения общей английской политики экспансии и аннексии, а было лишь искусным ее приспособлением к частному случаю ввиду сложившегося в тот момент положения на севере и в особенности в Пенджабе. Гуляб Синг был оставлен в качестве монарха и превращен в «независимого» правителя Кашмира лишь потому, что именно это давало английскому правительству возможность легко осуществить свою главную цель на севере, а именно аннексировать Пенджаб. Это легко понять, если вспомнить о ходе событий в Пенджабе.

Английское правительство, быстро создавшее в Индии колонию английского капитализма, было намерено добиться распространения своего политического суверенитета на все области Индии, в том числе и на Пенджаб. Преследуя эту цель, Англия в 1845 году объявила войну империи сикхов. Несомненно, в сражении при Субраоне власти сикхов был нанесен непоправимый удар, и перед англичанами открылась перспектива покорения Пенджаба. Но сопротивление английскому господству в Пенджабе не было еще окончательно ликвидировано. Поэтому Пенджаб и не был аннексирован, хотя английское правительство одержало победу в первой англо-сикхской войне. Следующим дипломатическим шагом английских политических экспертов была организация в империи сикхов внутреннего раскола, что должно было предшествовать нанесению последнего, сокрушающего удара по империи. Расчленение империи сикхов, отторжение от нее ряда территорий и передача их правителю, враждебному правительству Лахора,— таков был единственно верный путь к достижению этой цели. Считалось также, что огромные размеры империи сикхов, простиравшейся от Мултана до Гилгита, таят в себе угрозу для английского господства на севере. Это полностью подтверждается свидетельствами современников:

«Одной из главных задач, которую имел в виду генерал-губернатор, устанавливая на территории Джамму и Кашмира подобный порядок, было *ослабление мощи сикхов путем создания на их флангах независимой от них державы, находящейся под влиянием англичан.* Можно сказать, что эта задача была с успехом осуществлена, ибо, когда в следующий раз сикхи и англичане померя-

лись силами (это произошло через два или три года), Гуляб Синг не оказал помощи стране, к которой принадлежал раньше»¹ (курсив мой.— В. К.).

В письме к королеве, которое было впоследствии опубликовано в книге «Письма королевы Виктории», сэр Генри Хардинг указал на ту же причину передачи Кашмира Гуляб Сингу. Генерал-губернатор подчеркнул, что он считал необходимым «ослабить государство сикхов, оказавшееся слишком сильным, и показать всей Азии, что, хотя английское правительство не считало необходимым аннексировать огромную страну Пенджаб и превратить реку Инд в английскую границу, оно наказало сикхов за предательство и насилие и недвусмысленно продемонстрировало таким образом свою мощь».

Кроме того, англичане рассчитывали, что создание «независимого» княжества Джамму и Кашмир позволит им иметь в лице Гуляб Синга сторожевого пса на северных стратегических границах, поскольку Гуляб Синг взял на себя охрану интересов своей «суверенной державы». Вместо того чтобы послать свои войска в княжество Кашмир для аннексии территорий Центральной Азии и предотвращения захвата этих территорий соперниками, англичане полностью положились на Гуляб Синга и его армию. Знаменательно, что, перед тем как вторгнуться в Западный Тибет, Гуляб Синг «обратился к Ост-Индийской компании с конфиденциальным запросом и, после того как был уведомлен, что *английское правительство не возражает против этой экспедиции*, подготовил хорошо снаряженные войска под командованием генерала Зоравара Синга»² (курсив мой.— В. К.). Англичане не допустили бы завоевания честолюбивым князем этого важного района Центральной Азии, если бы не были уверены в том, что в конечном счете этот район перейдет в их руки. Они считали Гуляб Синга, который присоединил к своим владениям ряд территорий Центральной Азии и продолжал расширять свое господство в этом направлении, надежным орудием осуществления своих экспансионистских устремлений.

¹ Drew Frederic, Jammu and Kashmir Territories 1875, p. 22.

² Panikkar K. M., Gulab Singh, p. 26—27.

Далее, если бы пограничное княжество Кашмир, расположенное в самом сердце Центральной Азии, было присоединено к Британской империи непосредственно, перед английским правительством встала бы необходимость вести новые войны. Англичане, которые вели войны с целью захвата и колонизации территорий в Афганистане и Пенджабе, старались избежать, хотя бы временно, дальнейших военных столкновений. Поэтому английское правительство, не колеблясь, согласилось на предоставление Гуляб Сингу статуса «независимого» монарха. Генерал-губернатор писал в то время:

«Оккупация нами Кашмира была бы невыгодна по ряду причин. Она привела бы нас к столкновению со многими сильными вождями, для покорения которых потребовались бы значительные военные силы на большом расстоянии от наших провинций и военных ресурсов. Это более чем вдвое увеличило бы протяженность наших границ в странах, уязвимых во всех пунктах и крайне трудно защищаемых, причем такое большое расширение территории не сулило соответственного увеличения преимуществ». (Письмо генерал-губернатора секретному комитету 14 марта 1846 года.)

Наконец, даже если бы английское правительство намеревалось аннексировать Кашмир в то время, когда еще не был окончательно завоеван Пенджаб и английские военные базы находились далеко от княжества, для него было бы практически трудно держать в течение долгого времени войска в этом районе. Лорд Хардинг ясно указывает на это в письме к одному своему близкому родственнику:

«В марте прошлого года [1846] оказалось необходимо ослабить сикхов, лишив их Кашмира. Кашмир отделяют от Сатледжа 300 миль труднопроходимой горной местности, которая в течение шести месяцев бывает совершенно недоступна. Держать английские войска на расстоянии трехсот миль от военных баз, откуда они могут получать подкрепления, явилось бы мероприятием, инициатор которого был достоин не звания пэра, а смиренной рубашки. Проведенное мероприятие представляло собою единственный выход»¹.

¹ Life of Lord Hardinge, Oxford, 1891, p. 133.

Именно по этой причине районы Кулу и Манди, которые английское правительство сначала собиралось передать Гуляб Сингу, впоследствии не были включены в его владения. Эти территории были расположены вблизи английской базы, и поэтому их нетрудно было оккупировать или удерживать после того, как они будут завоеваны. Кроме того, оккупация этих территорий требовала небольших затрат и могла принести большие выгоды. (Письмо генерал-губернатора секретному комитету 14 марта 1846 года.)

По окончании второй англо-сикхской войны, театром которой были «роковые поля» Чилианвала, Пенджаб был, наконец, провозглашен английской провинцией (29 марта 1849 года). После опубликования воззвания королевы Виктории от 1858 года («Мы будем уважать права, достоинство и честь наших местных князей») возможность попытки местных феодалов бороться против иностранного господства была навеки уничтожена. Аннексия Пенджаба завершила полное подчинение Индии английскому владычеству. И в этом конечном мероприятии княжество Кашмир сыграло важную роль.

Глава вторая

КАШМИР В РУССКО-БРИТАНСКОМ АНТАГОНИЗМЕ XIX СТОЛЕТИЯ

Во второй половине XIX века, когда царская Россия выступила в качестве соперника Великобритании по колониальным захватам в Центральной Азии, значение Кашмира для Англии сильно возросло.

Стремясь распространить границы своих владений за пределы северной и северо-западной Индии, английское правительство сочло необходимым противодействовать растущей мощи и распространению владычества своего восточного соперника. Англии в значительной степени удалось лишить царскую Россию доступа к Средиземному морю и, таким образом, к английским владениям в Азии. Чтобы совершенно лишить Россию подступов к Британской империи, английское правительство приняло всевозможные меры для сохранения своего превосходства на море. Ворота к английским рынкам в Центральной Азии — Дарданеллы и Босфор — старательно охранялись, чтобы Россия не могла захватить их под свой контроль. Попытки России овладеть этими «военными позициями первостепенной важности» (Маркс) были окончательно сорваны Крымской войной 1854 года.

Антагонизм между двумя названными колониальными державами особенно обострился во второй половине XIX столетия, когда царская Россия опередила своего соперника, аннексировав три центральноазиатских ханства — Коканд, Бухару и Хиву.

После присоединения к России Центральной Азии отряды казаков начали спускаться по склонам Гиндукуша к северным границам княжества Кашмир. Русский офицер Янов провел свои отряды через перевал Корабант в княжество Читрал, находившееся в вассальной зависимости от княжества Кашмир.

Английский политический эксперт, совершивший поездку вдоль этих стратегических границ, писал, что другой русский офицер — капитан Громечерецкий — «спустился с Памира в долину реки Хунза и, если сообщения правильны, возбуждал там народ против нас». Годом позже тот же офицер в сопровождении отряда казаков прошел по территории Читрала и Афганистана. Как сообщали, он сказал сэру Фрэнсису Янгхасбэнду, который в то время производил разведку перевалов через Гиндукуш и Памир, что «Россия замышляет вторжение в Индию».

Северная и северо-западная границы Кашмира (Гилгит, Хунза, Нагар, Читрал), не находившиеся тогда под прямым контролем Англии, привлекали внимание царских военных специалистов. Они намеревались поднять на этих границах и перевалах через Гиндукуш царский флаг, прежде чем Англия сможет водрузить там свой. Русское правительство не скрывало своей цели. Об этом свидетельствует появившееся 9 декабря 1892 года в лондонской газете «Таймс» следующее краткое изложение статьи, напечатанной в русской газете «Свет»:

«Газета называет эту цепь [Гиндукуш] ключом к азиатским владениям Великобритании и указывает, что если бы Россия владела перевалами, ведущими в Читрал, ее войскам понадобилось пройти всего каких-нибудь 250 миль по хорошей дороге, чтобы *войти в Кашмир...*» «Именно этим, — продолжает «Свет», — объясняется стремление Англии достигнуть южных склонов Гиндукуша, которые она намерена сделать неприступными. Вот почему Россия должна воспользоваться остающимся в ее распоряжении коротким временем, чтобы сохранить этот ключ в своих руках...

Газета призывает правительство не медлить с захватом ханства Вахан, чтобы *распространить русское влияние на Гиндукуш и подчинить Читрал влиянию России.*

Перевалы через Гиндукуш должны быть сильно укреплены, — продолжает газета, — чтобы русские в любой момент могли спуститься в долину Читрал».

Английский правящий класс, стремившийся к завоеванию Центральной Азии, не мог равнодушно смотреть на захват ее царской Россией. Он не мог также позволить казачьим офицерам производить разведку местности с целью изучения возможности проникновения на

индийскую территорию через Гиндукуш. Поэтому его представители призывали английское правительство к бдительности, с тем «чтобы быть готовым встретить любую случайность, которая может возникнуть в результате захвата Россией ханств, расположенных в Центральной Азии, если даже эти случайности возникнут в самых отдаленных пунктах наших границ»¹.

Английское правительство боялось продвижения России к восточным склонам Гиндукуша и северным границам княжества Кашмир, ибо это ставило под угрозу английские интересы в Индии. Поэтому оно направило на Памир своих экспертов для выяснения, что можно предпринять, чтобы помешать дальнейшему продвижению казаков к северным границам Кашмира. В 1870 году Лондонское королевское географическое общество послало лейтенанта Хейварда в Гилгит «с целью изучения Памирского нагорья». В 1877 году лордом Литтоном было основано в Гилгите английское политическое представительство.

Княжество Кашмир, расположенное на крайнем севере Индии и названное руководителями лондонского министерства иностранных дел «пограничной областью нашей Империи», соприкасалось с находившимися под владычеством царской России территориями Памира. Поэтому оно занимало важное место на английской стратегической карте.

«Положение этого княжества, его рельеф и другие особенности, несмотря на размеры территории и бесплодные земли, имеют большое значение с точки зрения сохранения нашего господства в Индии. Дело в том, что оно служит для империи как бы скалистым бастионом на ее северных границах и является естественной преградой для любого врага, наступающего с этой стороны»².

Таким образом, английское правительство придавало большое значение северным и северо-западным границам Индии — Гилгиту, Хунзе, Нагару, Читралу. Английский резидент в Гилгите в 1889—1894 годах, впоследствии военный министр при вице-короле, писал:

¹ Wakefield, W., The Happy Valley.

² Op. cit.

«Важное значение этих пограничных районов заключается главным образом в том, что они расположены вблизи русских передовых постов... Поскольку мы являемся державой-покровительницей, мы несем ответственность за Кашмир. Признано, что на протяжении этих сотен миль Гиндукуш должен считаться нашей национальной границей»¹.

Английское правительство ставило своей целью полностью изолировать эти пограничные районы от всякого внешнего влияния и, в первую очередь, от влияния царской России. Оно намеревалось превратить их в свои сильные форпосты, чтобы помешать дальнейшему продвижению русских войск к границам Индии. Это совершенно ясно выразил Дюранд²:

«Гилгит — это скудная долина, отделенная от Индии снежными перевалами и расположенная по ту сторону реки Инд, на самом краю кашмирской территории. Спрашивается, стоит ли нам по любому случаю вмешиваться в ее дела? Следует ответить: конечно, стоит, из-за России. Россия фактически продвинулась до самого Гиндукуша, и необходимо следить, чтобы она не перешла через него»³.

Стремясь сдержать растущее влияние царской России в Центральной Азии, английское правительство придавало этим районам, как стратегически важным пунктам, настолько большое значение, что «все последовательно сменявшиеся в Англии кабинеты — и консервативные и радикальные — были согласны с индийским правительством в том, что в вопросе о границе Гилгита необходимо было осуществить некоторые мероприятия, и ряд мер в этом направлении был предпринят»⁴.

Первое, что сделало английское правительство, — это послало в Кашмир политического представителя для защиты интересов Англии на северных границах. Временный английский представитель был назначен в Кашмир гораздо раньше, но он не имел широких полномочий политического контроля. В 1873 году правительство Ин-

¹ Dur and Col. Algernon, *The Making of a Frontier*, p. 2.

² Подробнее о Дюранде см. стр. 32.— *Прим. ред.*

³ Dur and, Col. Algernon, *The Making of a Frontier*, p. 41.

⁴ *Op. cit.*, p. 3.

дни¹ вторично внесло предложение о назначении резидента в Кашмир (впервые это предложение было внесено в 1848 году). На назначении в Кашмир резидента стало настаивать и английское правительство, в частности потому, что после захвата в 1885 году Россией афганской крепости Кушки владения соперника Англии угрожающе приблизились к границам Индии. В письме английскому министру по делам Индии индийское правительство указывало, что «это мероприятие вызвано не только необходимостью оказывать помощь и осуществлять контроль над проведением административных реформ, но также связано с растущей важностью для правительства Индии *следить за событиями по ту сторону северо-западных границ Кашмира*». (7 апреля 1884 года). Кроме того, вызывало опасения плачевное состояние кашмирской армии, которая была плохо вооружена и располагала слабым офицерским составом, в связи с чем пограничные племена и их вожди вели себя вызывающе и временами не подчинялись властям махараджи. Индийское правительство понимало, насколько важно держать в своих руках при помощи своего политического представителя контроль над органами управления княжеством и в особенности над его армией. Это также подчеркивалось в цитированном выше письме индийского правительства министру по делам Индии:

«Любые волнения, которые могут возникнуть в Кашмире вследствие продолжающегося плохого управления княжеством, окажут большое влияние на положение в районе границ Афганистана; связь между Кашмиром и подвластными ему вождями племен будет, по всей вероятности, прервана, и легко может создаться тяжелая политическая обстановка. Поэтому мы должны учитывать необходимость обеспечения *действенного политического контроля над княжеством Кашмир*».

Министр тотчас же согласился с этим предложением:

«Считаясь как с положением внутри страны, так и с развитием событий за ее рубежами, существенно увеличившими политическое значение Кашмира, назначение просимых вами властей представляется не только

¹ Имеется в виду индийское колониальное правительство. — Прим. ред.

желательным, но и необходимым». (Письмо министра по делам Индии правительству Индии от 23 мая 1884 года.)

Несмотря на то, что английский резидент прочно обосновался в Кашмире, фактический контроль над Гилгитом остался в руках махараджи, войска которого численностью в 6 тысяч человек несли гарнизонную службу на границах Гилгита. На содержание армии княжества общей численностью в 17 тысяч человек с 66 орудиями правительство махараджи тратило половину своих доходов. Но эта многочисленная армия не могла противостоять совместному нападению вождей Хунзы и Нагара, не говоря уже о том, чтобы дать им отпор. Полный разгром этой армии на важных в стратегическом отношении северных границах сильно встревожил английское правительство, ибо оно полагалось на нее как на свою пограничную охрану, способную сражаться с царской армией. Это поражение показало правительству Индии, что войска княжества были всего лишь вооруженной бандой.

Продажные чиновники махараджи клали в свой карман огромные суммы, предназначавшиеся на содержание армии; большинство солдат месяцами не получало жалованья. Продажность достигала огромных размеров. Однажды в Сринагаре стало известно, что в Гилгит направлено несколько тысяч сипаев. И хотя большая их часть существовала только на бумаге, командовавшие ими офицеры требовали деньги и пайки, предназначавшиеся для полного состава войск, а затем эти деньги присваивали. Поэтому английское правительство пришло к заключению, что «недовольные, плохо вооруженные, крайне недисциплинированные, находящиеся под командованием плохих офицеров войска гарнизонов Гилгита были в военном отношении бесполезны». Кроме того, эти вооруженные силы, в прошлом сражавшиеся в малых завоевательных войнах, которые махараджа вел против равного противника, применяя в них только легкое огнестрельное оружие, не могли состязаться с войсками царской России, которые были так же хорошо вооружены, имели таких же хороших офицеров и точно так же были знакомы с современной (1885 год) военной техникой, как армии самой Англии. Поэтому английскому прави-

тельству, необходимо было разработать план создания хорошо вооруженной и хорошо обученной армии, стоящей на современном техническом уровне¹.

Итак, английское правительство приняло немедленные и энергичные меры с целью «модернизации» армии княжества. План предусматривал «сокращение численности огромных масс вооруженных банд... и замену их меньшими компактными соединениями хорошо обученных, дисциплинированных и регулярно оплачиваемых войск». Эти соединения, названные войсками имперской службы, проходили обучение под руководством английских офицеров и состояли из трех полков и одной батареи, общей численностью в 2 тысячи человек, главным образом гурков и догров. Английский офицер полковник Невиль Чемберлен был назначен военным министром Кашмира и совместно с резидентом следил за осуществлением английских военных планов. Это был второй важный шаг, предпринятый английским правительством в отношении гилгитской границы.

Третий и наиболее серьезный шаг состоял в том, чтобы фактически установить над Гилгитом английский контроль, оставив Гилгит формально под управлением махараджи. Эта мера диктовалась необходимостью привести непокорные племена и их вождей (которые, как считали, были расположены в пользу русских) в полное подчинение «державе-покровительнице». «Неспособность» и полное неумение махараджи распространить английское влияние на отдаленные пункты Гиндукуша вынудили английских правителей самим взяться за охрану «своих» границ. Во время пребывания лорда Литтона в Гилгите там было основано английское политическое представительство, но в 1881 году оно было отозвано, так как не могло работать удовлетворительно. Перечисляя причины, требующие вторичной организации политического представительства в Гилгите, правительство Индии в своем

¹ «Но изменение в способах ведения современной войны, требующей в случае надобности мобилизации и отправки многочисленной армии к внешним границам Индии, повлекло за собой необходимость изменения всей системы. Большая эффективность и лучшее оснащение, согласованность действий по заранее разработанному плану — вот что требуют изменившиеся условия XX века». «Импириэл газетир оф Индия», 1908, т. IV, стр. 87.— *Прим. автора.*

официальном донесении английскому министру по делам Индии заявил следующее:

«Продвижение России к самым границам Афганистана и значительное развитие ее военных ресурсов в Азии, по общему признанию, увеличили необходимость укрепления нашей линии обороны. В числе пунктов, требующих особого внимания, находятся северные перевалы через Гиндукуш, представляющие собой трудную, но не непроходимую дорогу для армии, вполне достаточной, чтобы вызвать волнения, если не что-нибудь худшее, в Кашмире и среди племен бахура, а может быть, даже в Джалалабаде и на границе Пенджаба».

В 1886 году в Гилгит был командирован полковник Локкарт (ставший позже генералом). Он представил план, ставивший целью «обезопасить эту часть нашей стратегической границы». Но предложение Локкарта требовало «слишком больших расходов». Вследствие этого в 1888 году в Гилгит был послан известный офицер английской военной разведки полковник Алджернон Дюранд, получивший приказание разработать более умеренную схему, в основе которой должно было лежать использование запроектированной кашмирской армии имперской службы. Английское политическое представительство окончательно было создано в Гилгите в марте 1889 года.

После основания представительства гарнизонную службу в Гилгите начала нести армия имперской службы под командованием английских офицеров. Английской военно-инженерной фирме «Спеддинг энд компани» было поручено построить «стратегическую дорогу» между Сринагаром и Гилгитом, имевшим телеграфную связь со штабом английского главного военного командования в Индии. Главнокомандующий английскими войсками в Индии сэр Фредерик Робертс направился летом 1889 года в Кашмир, чтобы обсудить с полковником Дюрандом положение пограничной армии, которую предполагалось использовать теперь более действенно для защиты английских интересов на границах Кашмира.

Эти важные мероприятия, в частности, модернизация армии княжества, строительство дороги Гилгит — Сринагар и увеличение перевозок военного снаряжения, требовали усиления контроля над управлением княжеством.

Как было отмечено одним из наблюдателей того времени, «под влиянием страха перед северо-западной границей стремление установить как можно скорее полный контроль над Кашмиром, подобно навязчивой идее, захватило калькуттское министерство иностранных дел»¹.

Мысль о полной аннексии была отвергнута правительством Индии. Министр иностранных дел сэр. Х. Х. Дюранд писал лорду Дюфферину:

«Если мы аннексируем Гилгит или положим конец сюзеренной власти Кашмира над соседними с ним мелкими княжествами и — что важнее всего — если мы именно теперь введем в Кашмир английские войска, то мы рискуем возбудить против себя дурбар², а это еще более затруднит положение».

Вследствие этого был намечен новый путь превращения кашмирского правительства в лояльного и ревностного исполнителя английских планов.

Резидент стал подделывать письма, приписывая их махарадже Пратап Сингу. Письма должны были свидетельствовать, что Пратап Синг предатель и находится в переписке с царской Россией, а также замышляет убийство своих братьев и английского резидента. Затем резидент вручил Пратап Сингу проект «ирсада» и заставил его поставить под ним свою подпись. Этот «ирсад» содержал отречение махараджи от власти. Затем был сформирован совет министров, полностью подчиненный английским правителям, причем фактическим главой княжества стал английский резидент. После этого английские правители принялись направлять деятельность кашмирской администрации и использовать ресурсы и финансы Кашмира в целях удовлетворения своих военных нужд в пограничных районах, что полностью противоречило интересам кашмирского народа. Отныне англичане без малейшей помехи могли проводить в жизнь удобные им военные и административные мероприятия. Резидент превратился в фактического главу правительства. Об этом особенно ясно говорит следующая инструкция, направленная ему правительством Индии:

¹ D igh e y William, *Condemned Unheard*, London, 1890, p. 50.

² *Дурбар* — совет сановников княжества. — *Прим. ред.*

«Хотя совет министров будет облечен полными административными полномочиями, предполагается, что он станет пользоваться ими под руководством резидента. Он не должен предпринимать важных шагов, не посоветовавшись с резидентом, и будет следовать его рекомендациям во всех случаях, когда получит их». (1 апреля 1890 года.)

Зная, что такие крутые меры, затрагивающие «честь» лояльного князя, натолкнутся на сильное сопротивление феодальных и империалистических кругов, английское правительство выдвинуло версию, будто махараджа был низложен за то, что плохо управлял княжеством, и что английские власти проводят реформы для улучшения положения народа.

«Большие перемены совершаются теперь в Кашмире. Мы активно вмешиваемся в управление страной и проводим *весьма необходимые реформы*, которые дадут в ближайшем будущем важные результаты»¹ (курсив мой.— В. К.).

Свержение Пратап Синга привлекло большое внимание и вызвало полемику в Индии и Англии. Многие либеральные государственные деятели поспешили ему на помощь, причем некоторые из них энергично выступали в его защиту в английском парламенте. Они были вполне согласны с политикой, проводившейся на границах Кашмира, но их огорчало такое грубое обращение с послушным их воле князем.

«Одно из окон княжества Кашмир открывается в Центральную Азию и там существовали превосходные возможности для интриг, но я всегда думал, что временное низложение Пратап Синга было ошибкой, ибо я знаю, что он был преданнейшим из преданных»².

Эти люди отказывались принять за чистую монету ложь, будто низложение Пратап Синга диктовалось желанием исправить то зло, которое было нанесено кашмирскому народу его правительством. В своем стремлении опровергнуть официальное утверждение они утратили всякую объективность и даже дошли до того, что отрицали правильность обвинения Пратап Синга в же-

¹ Knight E. F., Where Three Empires Meet, 1893, Preface.

² Lawrence, Sir Walter Roper, The India We Served, p. 260.

стокости и угнетении народа. Они его превозносили как «либерального», «великодушного» князя, посвятившего себя служению своим подданным!

Заявление, что принятые меры были направлены на то, чтобы положить конец плохому правлению махараджи и провести необходимые реформы, было разоблачено самими апологетами английского правительства. Так, Е. Ф. Найт, игравший важную роль в осуществлении английских военных планов в Гилгите, писал:

«Я могу сказать здесь, что наша нынешняя активная политика в Кашмире, *имеющая своей задачей охрану интересов нашей империи*, принесет народу улучшение его положения»¹ (курсив мой. — В. К.).

Истинная причина бессмысленно жестокого вмешательства в дела Кашмира не могла долго оставаться скрытой. Английский государственный деятель Уильям Дигби, упорно стремившийся «доказать», что в Кашмире не существовало плохого управления страной, раскрыл истинные цели английских правителей:

«Хотя пытались создать впечатление, что вмешательство оказалось необходимым в связи с плохим управлением страной и якобы тяжелым положением кашмирского народа, это были не все и, можно с серьезным основанием полагать, не истинные причины вмешательства. Истинной причиной был страх перед русской агрессией, который неоднократно толкал правительство Индии на неблагоприятные действия. Вместо с тем ясно, что существовало стремление установить полный контроль — если не фактическое владение — над княжеством Кашмир»².

«Ключ к пониманию положения в целом состоит в знаменательных словах: «Правительству был нужен Гилгит»³.

Многочисленные опровержения английских правителей, утверждавших, что эта мера не имела ничего общего с их планами превращения Гилгита в пограничный форпост империи, были разоблачены их собственным народом. Один английский автор, в течение десяти лет

¹ Knight E. F., *Where Three Empires Meet*, p. 2.

² *Condemned Unheard*, p. 38.

³ *Op. cit.*, p. 103.

находившийся на службе в Кашмире, писал в лондонской газете «Таймс»:

«Говорят, что Кашмир не имеет военного значения, что английское правительство не обращает на него своих жадных взоров. Можете не соглашаться со мной, но запомните мои слова: если только не произойдет решительного изменения политики, Кашмир скоро будет в такой же степени Британской Индией, как теперь Бирма.

Разве эта страна не имеет военного значения? Я полагаю, что военные власти в Индии думают иначе. Первые инструкции, направленные мне десять лет тому назад, предлагали построить через горы «дорогу для перевозки орудий». А разве сейчас не прокладывается в самом отдаленном углу страны дорога, на которую расходуются огромные суммы, исключительно в военных целях?»

Таковы были меры, которые предприняло английское правительство для превращения Гилгита в свой военный форпост в самом сердце Центральной Азии.

Затем наступила очередь княжеств Хунза и Нагар, граничивших с территориями, захваченными царской Россией в Центральной Азии. Необходимо было поставить под полный контроль английского представительства в Гилгите государей обоих этих княжеств, к которым приезжали раньше русские офицеры и которые неоднократно порывали отношения с дурбаром Кашмира. Когда представительство было основано и английское правительство назначило обоим князьям по две тысячи рупий жалованья (помимо субсидий, которые они получали от махараджи Кашмира), князья согласились подчиниться представительству. Но вскоре начались активные военные действия. В мае 1891 года оба князя выступили во главе своих войск для захвата стратегического форта Чалт. Однако через некоторое время с князьями было подписано перемирие, хотя их полное подчинение английскому представительству в Гилгите еще не было достигнуто.

Английское правительство поставило задачу как можно скорее подчинить княжества Хунза и Нагар своему контролю, так как было известно, что оба князя симпатизировали царской России и что незадолго до этого их посетили русские офицеры, обещавшие им помощь в войне

против английского представительства в Гилгите. Вследствие этого правительство Индии вызвало Дюранда в Симлу, чтобы обсудить положение.

Во время отсутствия Дюранда «на границе произошли большие волнения в связи с военной экспедицией русских на Памир, часть которого они аннексировали, и задержкой Янгхасбэнда, которого русские отправили обратно за пределы новоприобретенной ими территории»¹.

Рассмотрев вопрос о Гилгите, индийское правительство решило усилить войска имперской службы, расположенные в районе гилгитского представительства, на 200 человек из 5-го полка гурков, придав им два горных орудия. Вице-король и английские эксперты по вопросам границы дали Дюранду указание послать князьям Хунзы и Нагара ультиматум с требованием предоставить индийскому правительству право свободного доступа на территорию княжеств, с тем чтобы оно имело возможность принять все необходимые меры для укрепления границ. Князей надлежало предупредить, что от Гилгита до Хунзы и Нагара будет построена военная дорога, которая в случае необходимости будет продолжена далее. Если князья не согласятся на эти условия, то английский представитель в Гилгите был уполномочен приступить к строительству дороги, не считаясь с их мнением, послав в эти два пограничных района войска. Ответ главы княжества Хунза на условия ультиматума оказался неблагоприятным. Вследствие этого английское представительство в Гилгите начало готовиться к наступлению на княжества Хунза и Нагар. Были мобилизованы обученные армии под командованием английских офицеров. Из Сринагара доставлялось оружие, боеприпасы, снаряжение и продовольствие. Тысячи крестьян Кашмира, Балти и Дарда, совершенно не заинтересованных в предстоящем вторжении в эти два княжества, были насильственным путем и за самую нищенскую плату мобилизованы в армию в качестве кули. Велись приготовления к войне.

Английская армия состояла из регулярных частей численностью в тысячу человек, нерегулярных частей, насчитывавших несколько тысяч человек, и двух тысяч

¹ Durand Col. Algernon, The Making of a Frontier, p. 245.

кули. Она была вооружена винтовками «снайдерс» и «энфилд», заряжавшимися с дула, 7-фунтовыми пушками и другим тяжелым оружием.

Сражение длилось несколько дней. Это был кровавый бой, в котором «некоторые неприятельские стрелки оказали решительное сопротивление. Они не просили пощады и сражались до последней капли крови». Но в конце концов князья были вынуждены уступить превосходящей силе. В этой войне английские правители в своем стремлении разгромить племена не останавливались перед применением самых зверских, жестоких методов. Пленных сбрасывали в пропасти, сотни людей расстреливались за попытку спастись бегством, панически разбежавшиеся племена обстреливались из орудий. Не удивительно, что за такие «подвиги» три английских офицера были награждены Крестом Виктории, а один английский «герой» — орденом «За отличную службу».

Армия полковника Дюранда, захватив княжества Хунза и Нагар, заняла Мисгар, который был самым отдаленным пунктом в районе распространения английского влияния на севере. С тех пор этот форпост рассматривается английским правительством как один из входов на полуостров Индостан.

Захватив северные стратегические границы и поставив на них свои войска для охраны перевалов через Гиндукуш, английское правительство сумело расстроить планы русского царя относительно проникновения в северные районы Кашмира.

Радуюсь этой победе, Дюранд писал:

«Власть кашмирского правительства была твердо установлена на границе, и влияние английского правительства стало преобладающим в той части страны, которая лежит непосредственно к югу от Гиндукуша»¹.

Победа английского правительства лучше всего была охарактеризована одним государственным деятелем царской России, который, услышав про оккупацию Хунзы, заметил: «Они закрыли дверь перед нашим носом».

Теперь английское правительство сосредоточило свое внимание на княжестве Читрал, расположенном на северо-западе. Выгодное с точки зрения английских пра-

¹ Durand, Col. Algernon, The Making of a Frontier, p. 291.

вителей стратегическое положение этого княжества давно уже привлекало их внимание.

В связи с этим индийское правительство направило в Читрал майора Биддалфа. В 1885 году в Читрал была послана миссия во главе с сэром Уильямом Локкартом. Миссия имела задачу «вступить в более определенные и всесторонние отношения с мехтарами и донести о состоянии обороны района». Впоследствии в Читрал со стороны Памира совершил поездку также заместитель английского министра иностранных дел Джордж Керзон. В 1895 году английское правительство послало в эту область свои войска под командованием генерала сэра Роберта Лоу, официальная задача которого состояла в том, чтобы вытеснить князя, насильственно занявшего долину Читрал. Это вторжение в Читрал, ставшее впоследствии известным под названием Читральской экспедиции, привело к полному порабощению англичанами этой страны, хотя кашмирский дурбар номинально продолжал олицетворять «верховную власть» над Читралом. Позже в Читрале были размещены английские войска, ибо, по мнению правительства Индии, «Англия не смогла бы вновь установить свое влияние в этой стране без присутствия там английских войск».

Глава третья

ОКтябрьская РЕВОЛЮЦИЯ И АНГЛИЙСКАЯ ПОЛИТИКА ПО ОТНОШЕНИЮ К КАШМИРУ

К концу XIX столетия над Кашмиром было полностью установлено английское господство и казалось, что была подготовлена арена для дальнейшего продвижения Англии в Центральную Азию. Однако глубокий антагонизм между английским и германским империализмом заставил Англию и царскую Россию стать союзниками в первой мировой войне. Во время войны произошла историческая по своему значению Великая Октябрьская революция, открывшая перед народами России новые перспективы развития и вдохновившая народы колониальных стран на новые усилия в борьбе за национальную независимость.

Отказ советского правительства от хищнической политики царской России, его Декларация прав народов и Обращение к народам Востока¹ особенно вдохновили угнетенные народы колониальных и зависимых стран. В Обращении говорилось:

«Мусульмане Востока, персы и турки, арабы и индусы, все те, головами и имуществом которых, свободой и родиной которых сотни лет торговали алчные хищники Европы, все те, страны которых хотят поделить начавшие войну грабители.

Мы заявляем, что тайные договоры свергнутого царя о захвате Константинополя, подтвержденные свергнутым Керенским, ныне порваны и уничтожены...

...Как только прекратятся военные действия, войска будут выведены из Персии, и персам будет обеспечено право свободного определения своей судьбы.

¹ Декларация прав народов России и Обращение председателя Совета Народных Комиссаров В. И. Ленина и народного комиссара по национальным делам И. В. Сталина ко всем трудящимся мусульманам России и Востока.— *Прим. ред.*

Мы заявляем, что договор о разделе Турции и «отнятии» у нее Армении порван и уничтожен».

Английское правительство приняло все возможные меры, чтобы заразная идея освобождения колониальных народов не проникла в Индию. Особое беспокойство Англии вызывал Кашмир вследствие его географической близости к советским республикам, расположенным в Центральной Азии. Первый помощник английского резидента в Кашмире Б. Г. Глэнси писал премьер-министру правительства Джамму и Кашмира 23 декабря 1919 года:

«Я уполномочен уведомить вас, что правительство Индии решило принять оборонительные меры против большевистской пропаганды. Хотя фактических доказательств, свидетельствующих о деятельности большевиков в Индии, имеется мало, правительство Индии полагает, что, если не будут приняты систематические предупредительные меры, может возникнуть серьезное положение. Хорошо известно, что за пределами Индии различные враждебные Британской империи силы пытаются сообща создать серьезные волнения в Азии. Следует ожидать, что эти силы сделают все, чтобы поддержать старания большевиков, которые уже стремятся добиться господства в Центральной Азии и проникнуть в Индию.

Я вынужден потребовать, чтобы полиция тщательно следила за могущей появиться в обращении большевистской литературой. Известно, что подобная литература появилась в Персии и может быть тайно переброшена в княжество сухопутным путем из Центральной Азии. По мнению резидента, всякая большевистская литература, обнаруженная в обращении, должна быть немедленно запрещена дурбаром».

23 апреля 1920 года английский резидент послал премьер-министру сорок экземпляров перевода на язык урду фетвы¹, выпущенной в Константинополе шейх-уль-исламом², который осуждал в ней русскую революцию. Премьер-министру было предложено как можно

¹ *Фетва* — послание главы мусульманской церкви.— *Прим. ред.*

² *Шейх-уль-ислам* — глава мусульманского духовенства в бывшей султанской Турции.— *Прим. ред.*

шире распространять антисоветские высказывания шейха. 22 июля резидент получил огромное количество экземпляров брошюры Эдмунда Кандлера, представлявшей собой сплошную брань и клевету на молодую Советскую республику.

Тем временем английское правительство направило в Центральную Азию многочисленные военные миссии, чтобы помочь свергнутым эмирам, баям и ханам восстановить свою власть и свои привилегии. В числе районов, служивших передовыми опорными базами для этих секретных миссий, был и Кашмир. Одна из таких миссий, проследовав через Кашмир, прибыла в Бухару в 1918 году. Миссия должна была развернуть подрывную работу против советской власти в Туркестане. Во главе миссии стоял подполковник Е. М. Бэйли, а ее членами были майор Л. В. С. Блэкер и подполковник П. Т. Этертон — английский генеральный консул и политический резидент в Китайском Туркестане. В своей книге «В сердце Центральной Азии» Этертон так охарактеризовал главные задачи миссии:

«Начало 1918 года ознаменовалось событиями, неблагоприятными для интересов союзников не только в Европе, но и в Азии, где возникла угроза безопасности нашей Империи на Востоке... Большевицкая революция создала новый образ мыслей. Эти фанатики полагались не на единственно возможный механизм урегулирования международных споров, а на перестройку всего мира, которая якобы должна принести освобождение всем расам и племенам и полностью изменить человеческую природу. Лозунгом стало самоопределение — доктрина, которая, если довести ее до логического завершения, должна привести к анархии, всеобщей враждебности, подозрительности и хаосу... С такими опасностями, если говорить о них в общих чертах, мы столкнулись на азиатском театре, и вследствие этого нам важно было сохранить свое влияние на положение между Каспийским морем и Китайским Туркестаном».

Английское правительство поручило также этой миссии противодействовать антиимпериалистической пропаганде, которую вела советская держава, и таким образом «обеспечить безопасность и благополучие Британской империи». Поэтому миссия получила инструкцию

«создать и ввести в действие систему пропаганды, этого мощного оружия, превратившегося в конечном счете в могущественный фактор во время войны» (то есть во время военной интервенции в Центральной Азии и на Кавказе).

Антисоветские намерения этой миссии подтверждаются также русским белогвардейским генералом Зайцевым, который заявил в своих мемуарах, что задачей миссии было «подготовить и организовать вооруженные восстания против советской власти в Туркестане, а также наладить снабжение повстанческих отрядов оружием и деньгами с ближайших английских баз в Мешхеде, Кашгаре и Афганистане».

Огромные достижения советского народа в Центральной Азии в области промышленности, сельского хозяйства, ирригации, просвещения, здравоохранения и т. д. неминуемо должны были пробудить чувство энтузиазма у поработанных народов Индии и чувство тревоги у английских правителей. Кашмир граничил с советскими территориями, и, видя в этом опасность, англичане приняли все меры, чтобы герметически закрыть северные области Кашмира и, таким образом, не допустить проникновения «заражающего» влияния идей социализма. Была увеличена численность расположенных в Гилгите войск имперской службы с английскими командирами во главе и усилен административный аппарат махараджи, управлявший этой областью.

Полностью отдавая себе отчет в том, что эта область имеет огромное стратегическое значение для успешного осуществления антисоветских планов, англичане начали пользоваться Гилгитом и соседними районами как базой шпионажа и интриг против советского правительства, и вскоре Гилгит превратился в крупный центр такой деятельности. Чтобы включить Гилгит в широкую сеть шпионских центров, уже созданных в Китайском Туркестане, здесь была построена радиостанция. Английский политический представитель в Гилгите писал резиденту в Кашмире:

«Повидимому, Россия имеет цепь радиостанций вдоль своих границ, соприкасающихся с нашими. В Кашгаре, где находится английский генеральный консул, имеется китайская радиостанция, но с Кашгаром нет радиосвязи.

так же как нет средств для перехвата русских радиопередач».

Чтобы преодолеть трудности, связанные с особенностями профиля местности и необходимостью поддерживать связь по дорогам, английское правительство, «в соответствии со своими планами обороны границы», построило в Гилгите и в Хиле аэродромы. Регулярное воздушное сообщение должно было поддерживаться через Абботтабад и долину Каган.

Одним из самых важных факторов, облегчивших английскому правительству осуществление планов по развёртыванию антисоветской подрывной деятельности в Кашмире, было полное отсутствие демократического движения среди народных масс княжества. Но, к великой тревоге английских правителей, бурлившее в кашмирском народе недовольство деспотическим правлением, обрекавшим его на нищету и голодное существование, начало принимать форму вспышек массового восстания там, где деспотизм становился особенно невыносимым.

С 1931 года в Кашмире начало развиваться сознательное и организованное народное движение. Хотя вначале это движение носило религиозно-общинную форму и некоторые проанглийские элементы старались направить его против тех или иных религиозных меньшинств, движение постепенно освободилось от всех чуждых ему влияний и пошло по пути организации кашмирского народа на борьбу против деспотического правления и феодализма. Рост движения масс в такой важной в стратегическом отношении стране, как Кашмир, встревожил англичан. Они боялись, как бы политическое пробуждение кашмирского народа не получило отзвука в Гилгите и других районах, находящихся на расстоянии нескольких миль от Советского Союза. Они опасались также, что достижения советского правительства в области улучшения условий жизни народов, населяющих соседние с Гилгитом области, ускорят развитие политической сознательности народов всего Дардистанского пояса. В этом отношении является весьма характерным тот факт, что английский представитель в Гилгите сообщал кашмирскому резиденту, что советское правительство у своих границ с Кашмиром обращает «большое внимание на

развертывание медицинской пропаганды путем основания больниц и передвижных амбулаторий».

Английское правительство поспешило принять меры, направленные на то, чтобы полностью изолировать район Гилгита от прогрессивного влияния, идущего из соседних районов. Были приняты меры, чтобы отрезать Гилгит от остальной части Джамму и Кашмира и установить над ним прямое английское господство. В сентябре 1934 года министр иностранных дел правительства Индии сэр Обри Меткаф посетил Кашмир. Затем он совершил на самолете поездку в Гилгит. Это был первый случай посещения района Гилгита министром иностранных дел правительства Индии. В начале 1935 года английское правительство добилось от махараджи передачи Гилгита Англии в аренду сроком на шестьдесят лет.

Другим важным фактором, сыгравшим роль при отторжении Гилгита от княжества Джамму и Кашмир, было твердое намерение английского правительства сохранить действенный контроль над Синцзяном, откуда после восстания 1934 года был выслан английский политический представитель. Английское правительство учитывало, что, если Гилгит будет находиться под непосредственным управлением Англии, будет легко и удобно усилить интриги против Синцзяна и в близком будущем опять навязать ему свой твердый контроль. Таким образом, в 30-х годах Гилгит был превращен в одну из наиболее важных в Центральной Азии английских стратегических баз.

Глава четвертая

КАШМИР — ВОЕННАЯ БАЗА ПРОТИВ СССР

Значение Кашмира в стратегических планах Англии и других западных держав никогда не было так велико, как после второй мировой войны. Едва успел остынуть пепел пожарниц в разрушенных городах, как Соединенные Штаты и Соединенное Королевство приступили к созданию планов новой и еще более разрушительной войны. Соединенные Штаты начали систематическую кампанию, целью которой являлось строительство военных баз вокруг главного оплота мира — Советского Союза. Об этом в мае 1952 года указывалось в докладе комиссии по иностранным делам палаты представителей США:

«Для наиболее действенного использования атомной бомбы в системе нашей обороны весьма важно, чтобы мы владели базами в стратегических пунктах вдали от наших берегов».

А Джон Фостер Даллес публично заявил в Детройте:

«Это означает, что мы должны обладать в удобных пунктах возможностью наносить удары по внутренним коммуникационным линиям России с такой разрушающей силой, чтобы ее в высшей степени централизованное государство в Азии распалось». («Нью-Йорк таймс», 28 ноября 1951 года.)

В этой кампании алчные взоры Соединенных Штатов постоянно устремлялись на Кашмир. Газета «Нью-Йорк таймс» писала 25 января 1948 года:

«Вопрос состоит в том, соприкасаются ли северные границы Кашмира непосредственно с границами Советской России. Юридически и географически, по словам авторитетных американских кругов, на этот вопрос надо ответить отрицательно. В политическом же отношении — а это единственное основание для рассмотрения всякого

вопроса о границах — ответ заключается в том, что юридическое положение границы никакого значения не имеет».

Джейн Кригер писала 15 января 1950 года в газете «Нью-Йорк таймс»:

«По размерам территории оно [кашмирское княжество] занимает на полуострове Индостан второе место; в стратегическом отношении оно одно из наиболее важных. Граница Кашмира соприкасается с пятью странами: Индией, Пакистаном, Афганистаном, Китаем (Синцзян) и Тибетом; на севере его отделяет от России лишь полоса территории Афганистана шириной в девять миль».

Гарольд Майклс 5 августа 1951 года в своей корреспонденции из Дели в газету «Нью-Йорк геральд трибюн» отмечал:

«Стратегическое значение Кашмира чрезвычайно велико. Он граничит с Пакистаном, Индией, Афганистаном Тибетом и коммунистическим Китаем, а азиатская часть России отделена от него лишь узкой полосой территории».

«Нью-Йорк таймс» напечатала 4 ноября 1951 года карту мира под заголовком: «Западная программа сдерживания и ее брешь». Кашмир был обозначен как «брешь».

Многие индийские газеты также указывали на стремление Соединенных Штатов захватить Кашмир и превратить его в военно-стратегическую базу. Обозреватель газеты «Нейшнл геральд» писал 4 апреля 1948 года:

«Стратегически Кашмир расположен у южных границ Советской России. Он представляет собой пункт доминирующий над очевидными выходами между Россией, с одной стороны, и англо-американской «зоной безопасности» в районе Индийского океана — с другой. В особенности он может иметь громадное значение как передовая воздушная база для нападения на промышленные центры России и для защиты нефтеносных районов Персидского залива (как говорят, богатейших в мире). Таким образом, присоединенный к Западному Пакистану Кашмир будет служить важным звеном в предполагаемом «санитарном кордоне» против России».

Газета «Хиндустан стандарт» (Калькутта) писала 19 января 1952 года в редакционной статье:

«Хорошо известно, что Кашмиру отводится чрезвычайно важная роль в последнем военном плане разжигания мирового конфликта. Не менее хорошо известно стремление англо-американского блока захватить в свои руки базы в этом княжестве, чтобы обеспечить себе трамплин для прыжка в красную страну через задние ворота»¹.

Газета «Индиан ньюс кроикл» от 18 января 1951 года также указывала в редакционной статье, что англичане и американцы рассматривают Кашмир как «потенциальную стратегическую базу против России в мировой войне».

Действительный характер американской стратегии в отношении северо-западного сектора полуострова Индостан (главным образом княжества Кашмир) был недвусмысленно разоблачен хорошо известными политическими обозревателями газеты «Нью-Йорк геральд трибюн» братьями Олсоп, которые, как передают, тесно связаны с государственным департаментом.

«В результате проведенного в военные и послевоенные годы перебазирования советской промышленности наиболее важные объекты находятся сейчас на Урале и за Уралом. Для достижения этих важных центров и для нанесения по ним удара необходимо иметь базы в Северной Африке, на Среднем Востоке и, быть может, даже в Северной Индии». (Цитировано газетой «Хиндустан стандарт» 17 декабря 1952 года.)

Во времена русско-английского антагонизма XIX века, когда о воздушной войне не могло быть и речи, главной военно-стратегической задачей английского правительства в Кашмире было превращение Гилгита в пограничный передовой пост на случай возможного вторжения царской армии через северные границы княжества Кашмир. Непреступный горный барьер Гиндукуш и Каракорум с их покрытыми снегом перевалами, проходимыми лишь в течение короткого времени в году, не давал возможности активно использовать Гилгит в качестве пере-

¹ 21 февраля 1953 года газета «Хиндустан стандарт» писала: «Ввиду недавних международных событий и в особенности в связи с учреждением организации обороны Среднего Востока... нельзя игнорировать значение Кашмира как передовой базы в предполагаемой третьей мировой войне». — *Прим. автора.*

довой базы для крупных наступательных операций в Центральной Азии. Но с развитием воздушной войны горные барьеры перестали быть непроходимыми. В настоящее время практической задачей империалистов является включение Гилгита в общий стратегический план мировой войны как базы для наступательных действий. Не довольствуясь больше тем, что Гилгит играет роль простого аванпоста для наблюдения за событиями по другую сторону Памирских гор, они начали предпринимать усилия для осуществления подобных планов и в отношении Гилгита. Полковник авиации Х. С. Л. Дэндас писал 15 апреля 1949 года в газете «Оклэнд стар»:

«Гилгит, представляющий собой самую близкую к СССР базу Содружества наций, стал теперь играть на стратегической карте мира такую роль, с которой надо считаться».

Ральф Изард писал 28 января 1948 года в газете «Натал дейли ньюс»:

«Если не считать расчлененной Германии, Британское содружество наций является единственной западной державой, имеющей общую границу с Россией. Может возникнуть вопрос, где проходит эта граница? В Гилгите, расположенном на южном склоне Крыши мира, там, где скрещиваются границы трех империй — русской, китайской и английской».

Но долины Гилгита и прилегающих к нему горных районов слишком узки, чтобы там можно было построить большую воздушную базу. Как говорил один офицер английских военно-воздушных сил, в этих узких горных ущельях чрезвычайно трудно управлять самолетом. Иногда самолет приходится поворачивать боком, чтобы концы крыльев не задели крутых, покрытых льдом гор, обрамляющих долины справа и слева. Кроме того, трудно производить разведку взлетно-посадочных площадок, так как приходится летать на большой высоте, ибо, по словам того же офицера, «горы так круто поднимаются по краям долины, что самолет не может спуститься вниз». Корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» в Дели Роберт Трамбл, посетивший Гилгит в 1949 году, писал:

«Использование аэродрома в Гилгите представляет исключительные трудности. Он расположен в небольшой долине, окруженной высокими снеговыми горами. Подход

к аэродрому усложнен чрезвычайно скалистым руслом бурной реки, протекающей между отвесными горами и взлетно-посадочной площадкой. Пространство между горными ущельями и взлетно-посадочной площадкой очень узкое, так что после обычного поворота сразу же приходится быстро выпрямлять самолет и делать неприятный бросок, чтобы колеса попали на первую пядь ровной земли за рекой». («Нью-Йорк таймс», 16 мая 1949 года.)

Поэтому Гилгит не годился для сооружения крупной воздушной базы, способной обслуживать *значительное количество* тяжелых бомбардировщиков. Таким образом, хотя этот горный район и очень нужен западным державам, но *сам по себе* он не может полностью обеспечить их военные потребности в северных районах полуострова Индостан. Специальный корреспондент лондонской газеты «Таймс», также побывавший в 1949 году в Гилгите, писал:

«Раньше этот район имел огромное стратегическое значение, ибо он соприкасается с Памиром, или Крышей мира, где сходятся границы Индии, Афганистана, Китая и России. Теперь же современные методы ведения войны в значительной степени лишили Гилгит его значения как северных ворот полуострова Индостан. Авиадесантные войска могут быть переброшены через нагромождения гор, в которых скрещиваются Памир, Гиндукуш и Каракорум, и выгружены в Пешаваре, или Сринагаре, или даже еще южнее — на равнинах Пенджаба». («Таймс», 22 июня 1949 года.)

Твердо придерживаясь лексики империалистов, в котором «агрессия» называется «обороной», а оборонительные мероприятия со стороны жертвы агрессии — «экспансионизмом», корреспондент «Таймс» хочет заставить нас поверить, будто «угроза нападения» исходит со стороны «нагромождений гор», то есть со стороны социалистического Советского Союза. Не требуется большой мудрости, чтобы понять, что центром и оплотом агрессии в настоящее время является Вашингтон. Это достаточно подтверждают события в Корее.

Вот почему Соединенные Штаты и английские империалисты, стремящиеся окружить СССР кольцом военных баз, ищут удобных для использования территорий в княжестве Джамму и Кашмир. Географическое положение

ние Кашмирской долины делает ее исключительно пригодной для этих целей. Плодородные, плоские и широкие долины Кашмира чрезвычайно удобны для строительства больших аэродромов, которые могут быть использованы для операций тяжелых бомбардировщиков, реактивных самолетов и других видов тяжелой авиации. Кроме того, Кашмирская долина представляет собой естественный хинтерланд Гилгита. Караванный путь длиной в 350 миль из Пешавара в Гилгит, проходящий через княжество Чилас и Барбусарский перевал, расположенный на высоте 13 700 футов, покрыт снегом в течение девяти месяцев в году. Дорога Сринагар — Гилгит не бывает закрыта так долго¹. Поэтому западные державы придают Кашмирской долине большое значение даже в целях сохранения пограничного горного района Гилгит, который является удобной базой для нападения на Советский Союз. Именно по этой причине Объединенная группа начальников штабов американских вооруженных сил послала в конце 1950 года президенту Трумэну меморандум, в котором рекомендовала приступить к строительству большого количества аэродромов в Кашмирской долине.

Когда вторая мировая война приближалась к концу, американское правительство начало посылать в Кашмир своих руководящих военных специалистов для внимательного изучения рельефа в княжестве и получения других важных в военном отношении сведений. Многие из этих специалистов появились в Кашмире, когда Кашмир, несмотря на то, что другие горные районы были более доступны, чем Кашмирская долина, был превращен в базу для отдыха американских частей, входивших в состав американской армии, дислоцировавшейся в Юго-Восточной Азии. В Кашмир приезжали тысячи американских военных. В Сринагаре в пловучем доме «Хеллац» разместилось управление американского Красного Креста.

В августе 1946 года Американское национальное географическое общество направило в Кашмир своего фотографа Волькмара Венцеля. Журнал «Нейшнл джеогра-

¹ Под нажимом Англии и США Пакистан пытается построить автомобильную дорогу из Аботтабада в Гилгит через Чилас, но автомобили могут проходить через перевал Барбусар лишь в течение двух месяцев в году, в то время как перевал Бурзал (дорога Сринагар — Гилгит) открыт шесть месяцев в году.— *Прим. автора.*

фик мэгэзин» напечатал составленное им описание Кашмирской долины и перечислил вопросы, которые интересовали его при изучении ее территории, а также отдаленных районов на границах Советского Союза. Национальное географическое общество поддерживает тесную связь с министерством обороны в Вашингтоне. Во время последней мировой войны это общество занималось главным образом изготовлением карт различных районов мира. Командующий инженерными войсками американской армии генерал-лейтенант Юджин Рейболд однажды высказал мнение, что зависимость министерства обороны от Национального географического общества, снабжавшего министерство картами, сделало это общество неотъемлемой частью американских военных картографических органов. Американское военное министерство требовало у общества более миллиона карт. Несколько тысяч карт приобрел также военно-морской флот. На протяжении всей войны картографическая библиотека и архивы Национального географического общества были открыты для военно-картографического управления армии, гидрографического управления военно-морского флота и управления береговой и геодезической разведки США, которое подготавливало аэронавигационные карты для военно-воздушных сил¹. Поэтому решение общества послать своего фотографа в Кашмир в 1946 году, как раз в тот момент, когда Америка начала подготовку к войне против СССР, не могло быть принято без предварительного согласования с министерством обороны.

По указке своих заокеанских хозяев английское правительство, движимое, кроме того, общими антисоветскими военными целями, после окончания второй мировой войны также послало в Кашмир нескольких своих военных специалистов и офицеров военной разведки. Агентство Рейтер сообщило из Лондона:

«В Лондоне намечается план посылки группы научных работников и топографов для изучения еще не нанесенной на карту территории в 800—900 миль, простирающейся вдоль границ Кашмира и Синдзяна и гор Кара-

¹ Эти сведения взяты из книги L. Natarajan, *American Shadow over India*, Bombay, 1952. (Русское издание: Л. Натараджан, *Американская тень над Индией*, Издательство иностранной литературы, 1953.)

корум. Руководитель этой группы капитан Фрэнк Мендец, недавно демобилизованный из Королевского корпуса связи, заявил вчера корреспонденту агентства Рейтер, что этот проект утвержден топографическим департаментом Индии». («Нэйшнл геральд», 27 сентября 1946 года.)

В Кашмирской долине английские войска провели в сентябре 1946 года в Кхилленмарге (местечко близ Гулмарга) учебные маневры парашютных войск. Газета «Бомбей кроникл» писала 14 июня 1946 года, что «Кашмир будет располагать сильной бомбардировочной авиацией... два самолета уже прибыли». Сообщалось также, что начальник английского имперского генерального штаба маршал Монтгомери намерен посетить княжество, чтобы наметить и обсудить план «будущей обороны Северной Индии английскими вооруженными силами». Приблизительно в то же время в Кашмир приехал лорд Маунтбэттен, занимавший тогда пост верховного главнокомандующего английскими войсками в Юго-Восточной Азии. Несколько ранее этого Кашмир посетил главнокомандующий воздушными силами в Юго-Восточной Азии маршал авиации сэр Ричард Пиерс.

В оправдание своей военной активности в Кашмире английское правительство распускало слухи о якобы производимом передвижении советских войск к границе Кашмира. Как передавали, один из руководящих офицеров английского политического департамента, специалист по делам Центральной Азии, заявил представителю выходящей в Лахоре на языке урду газеты «Пратап», что русские сосредоточивают войска на границе Кашмира и что правительство Индии «бдительно следит за проживающими в Сринагаре выходцами из Центральной Азии». Истинная причина распространения этого вымысла была разоблачена далее:

«Английские военно-воздушные силы проводят маневры, — говорилось в сообщении, — чтобы выяснить, можно ли высадить в Кашмире парашютные войска. Управление военной разведки открыло свое отделение на границе Кашмира». («Нэйшионалист», Калькутта, 5 сентября 1949 года.)

Прежде чем приступить к строительству военно-воздушных баз в Кашмирской долине, английскому правительству пришлось заняться политической стороной этой проблемы.

НАСТУПЛЕНИЕ НА НАРОДНОЕ ДВИЖЕНИЕ В КАШМИРЕ

План превращения Кашмира в империалистическую военную базу было бы легче всего осуществить, если бы английский империализм смог удержать непосредственный контроль над правительством княжества. Для этого важно было сохранить в неприкосновенности власть феодальной автократии. Однако всякая попытка такого рода должна была неминуемо натолкнуться на решительное сопротивление народного движения, которое существовало уже пятнадцать лет, непрерывно росло и укреплялось, сплотившись и организовавшись в Национальную конференцию. Традиции Национальной конференции и возглавляемого ею движения научили простой народ Кашмира глубоко уважать Советский Союз. Одним из конкретных проявлений этого явился тот факт, что состоявшийся в 1945 году в Сопоре съезд Национальной конференции послал горячее приветствие Советской Армии по случаю одержанной ею победы над грозившей человечеству фашистской опасностью. Съезд послал также Советскому Союзу особое приветствие в связи с тем, что в 1945 году на конференции в Сан-Франциско СССР возбудил вопрос об участии в работе Объединенных Наций подлинных представителей Индии.

Итак, народное движение Кашмира представляло собой грозное препятствие на пути империалистов — препятствие, которое становилось все труднее преодолеть вследствие роста солидарности между народным движением Кашмира и быстро пробуждавшимися народными массами в остальных районах Индии. Ставленник английского политического департамента премьер-министр Кашмира Рам Чандра Как совместно с двумя английскими офицерами, игравшими в княжестве руководящую роль, — с бригадным генералом Скоттом (главно-

командующий армией княжества Кашмир) и инспектором Пауэллом (начальник полиции) — разработал план подавления демократического движения в Кашмире. «Мы готовились в течение одиннадцати месяцев, — заявил Рам Чандра Как в 1946 году, — и теперь готовы к борьбе с этой угрозой. Не будет больше колебаний и трусливой политики. Мы будем беспощадны и тверды и не приносим за это извинений».

Пандит Неру заметил по поводу этого заявления:

«Не шуточное дело готовиться в течение одиннадцати долгих месяцев к наступлению на народную организацию, а затем передать управление княжеством в руки военной администрации со всеми вытекающими отсюда последствиями. Заявляя, что он будет беспощаден и тверд, Рам Чандра Как говорит языком, какого не может себе позволить государственный деятель или человек, несущий ответственность за судьбы людей. Один его язык осуждает и его самого и его политику. В большинстве стран твердолобые уже отстранены от руководства. Несчастье Кашмира заключается сейчас в том, что он находится под руководством твердолобых». («Трибюн», 30 мая 1946 года.)

В Кашмир были доставлены на самолетах войска княжества, посланные во время второй мировой войны на Ближний Восток. Армия и полиция обучались под руководством своих английских начальников «искусству» подавления демонстраций и расстрела людской толпы. Сеть тайной агентуры опутала почти все города Кашмира.

План уничтожения освободительного движения в Кашмире обнаружился во всей своей наготы в мае 1946 года, когда Национальная конференция объявила своей главной политической целью полное уничтожение автократии и призывала народ сплотиться в общей борьбе против деспотической власти и феодализма. Изменение политической программы Национальной конференции, требовавшей ранее только создания ответственного правительства, а теперь выступившей за полное уничтожение автократического правления, нашло свое отражение в следующем меморандуме, направленном конференцией миссии английского правительства:

«Национальное требование народа Кашмира теперь уже не ограничивается установлением системы ответственного правительства. Оно заключается в осуществлении права на полную свободу и избавлении от автократического правления династии догров. Около ста лет назад народ Кашмира стал жертвой торговой сделки алчных агентов Ост-Индской компании.

Мы оспариваем моральную и политическую законность этой сделки, в которой кашмирский народ никогда не участвовал и которая начиная с 1846 года играет роль документа, закабалившего народ в рабство».

Опубликование этого меморандума дало новый толчок росту народного движения, выдвинувшего теперь боевой лозунг «Прочь из Кашмира!»

Значение движения «Прочь из Кашмира!» было очень велико для всей Индии в целом. Это движение показало народу Индии, что только борьба народных масс может привести к национальному освобождению. Движение разоблечило истинный характер «освободительной миссии» делегации английского правительства и ясно показало, что Индия не может добиться полной национальной независимости, если не будет уничтожена феодальная власть князей. Как писала 22 июня 1946 года лондонская газета «Дейли уоркер»:

«Вполне уместен вопрос, существуют ли возможности для проведения демократических преобразований в Индии, пока огромные территории находятся под диктаторской властью таких правителей, как Хари Синг, чья сила и богатство находятся в резком противоречии с рабским положением и нищетой народа...

События в Кашмире показывают, что, вопреки громким заявлениям о приближении новой демократической эры в Индии и добровольному отказу Англии от своей власти, английские марионетки в лице князей твердо намерены сохранить все те порочные методы управления, которых они придерживались ранее».

Английские империалисты наносили движению жестокие удары. Все лидеры, а также наиболее активные члены Национальной конференции, профсоюзов, студенческих и молодежных организаций были немедленно арестованы и брошены в тюрьмы. Власть в Кашмире была передана армии, которая начала беспощадно терро-

ризовать народ. Стихийно возникавшие народные демонстрации протеста против массовых арестов подавлялись силой оружия. Было много убитых. Всех подозреваемых в сочувствии лозунгу «Прочь из Кашмира!» подвергали зверским пыткам. Чтобы подорвать дух и сломить упорство непокорных, на отдельные городские районы налагались коллективные штрафы. По словам Пандит Неру:

«Вся долина была передана в руки военных властей. Полиция, так как она состояла из уроженцев Кашмира, была удалена. Началось царство террора и ужаса. С тех пор Кашмир фактически оказался отрезанным от внешнего мира, и там было введено военное положение. Неоднократно происходившие на улицах столкновения с толпами людей нередко кончались стрельбой. По имеющимся у меня сведениям, число убитых было гораздо больше, чем об этом указывалось в официальных сообщениях.

Сринагар стал почти мертвым городом. Движение здесь приостановлено и людей фактически держат под арестом в их домах».

Главной направляющей силой, организовавшей это зверское наступление на кашмирский народ, был английский политический департамент. Это признал и Пандит Неру, который в тот момент вел переговоры с представителями английского правительства:

«Но я убежден, что подобные вещи не могли бы произойти, если бы не было поддержки и покровительства политического департамента и его агентов. Мы прекрасно знаем, что в подобных делах главную роль играет резидент»².

Стремление английского правительства разгромить движение кашмирского народа было настолько велико, что оно держало в боевой готовности собственные войска, чтобы в случае необходимости их можно было быстро перебросить в Кашмир. Газета «Кашмир таймс», которая поддерживала махараджу и издавалась и финансировалась агентами Рам Чандра Кака, выболтала эти планы английского правительства.

¹ Цитировано в книге *Kashmir Today, Bombay, 1946*, p. 28.

² Там же, стр. 22.

«Если бы беспорядки не были ликвидированы здесь в течение нескольких дней и дела приняли дурной оборот, то ради удовлетворения требований обороны Индии несколько английских батальонов было бы введено в княжество либо из Равальпинди, либо из Сиалкота». («Кашмир таймс», 8 июня 1946 года.)

Главная причина, заставлявшая английских правителей поддерживать репрессивные меры Рам Чандра Кака против демократического движения, была раскрыта лидером английского рабочего класса Р. Палм Даттом, приехавшим в Кашмир в разгар движения «Прочь из Кашмира!»

«Нет никакого сомнения в том, что он [английский резидент в Кашмире] боится расследования и не собирается отвечать на вопросы, разоблачающие причастность Англии к событиям в Кашмире.

Английская политика проявляет особую заинтересованность в Кашмире не только потому, что Англия стремится поддержать князей, но и в связи с осуществлением *реакционных антисоветских целей*. («Амрита базар патрика», 28 июня 1946 года.)

Это заявление было подтверждено одним из руководителей Национальной конференции, который вынужден жить в изгнании за пределами княжества Джамму и Кашмир¹. Он заявил:

«Один видный «подпольный» деятель Национальной конференции Кашмира намекнул в разговоре с представителем газеты «Амрита базар патрика», что во время последних событий в Кашмире действовала тайная рука политического департамента. Этот деятель скрывается в Лахоре.

«Я опасуюсь,— сказал он,— что политический департамент дает нашему махарадже слишком длинную веревку, чтобы повеситься. Английское правительство готовится к третьей мировой войне, считает своим главным врагом Советский Союз и хочет создать у кашмиро-советской границы мощные укрепления, после того как этот погра-

¹ Когда развивалось движение «Прочь из Кашмира!», в изгнании находились только два члена Национальной конференции: внешний премьер-министр княжества Джамму и Кашмир Бакши Гулям Мохаммед и председатель Учредительного собрания Кваджа Гулям Мохаммед Садык.— *Прим. автора.*

ничный район будет полностью поставлен под английский контроль».

Издающаяся в Калькутте газета «Нейшоналист» писала 27 июня 1946 года:

«Новости о Кашмире распространяются с быстротой степного пожара. Они распространились за пределы страны и обсуждались видными деятелями за границей. Дом сваражистов¹ в Лондоне организовал в воскресенье митинг, принявший резолюцию протеста против авторитарической власти махараджи. Главным докладчиком на митинге был Феннер Брокуэй. Его замечания были очень откровенны и точно сформулированы... События в Кашмире — не изолированный случай. Английское правительство не должно усложнять обстановку. Нельзя вечно подавлять прогрессивные силы... Кашмир занимает важное стратегическое положение. Он примыкает к советской территории. Англичане хотят удержать его как оплот против советского влияния и выдвигают пугало большевизма».

Был арестован даже Пандит Неру, специально выехавший в июне 1946 года в Кашмир, чтобы начать переговоры и добиться примирения. Это событие произошло в тот момент, когда английские правители отказались от своего прежнего враждебного отношения к руководящим деятелям Национального конгресса и вели с ними переговоры о передаче власти. Сам Пандит Неру был удивлен приемом, оказанным ему в Кашмире: ведь в это время его повсюду приветствовали как будущего премьер-министра свободной Индии. Выступая на приеме, который устроили в его честь в Бомбее члены Торговой палаты Индии, Неру заявил:

«Лишь вчера я был в Дели и вел переговоры с английской правительственной миссией. А сегодня мне грозят штыками и винтовками. *Совпадение инцидентов в Кашмире с переговорами в Дели ставит меня в тупик.* Я никого не виню, но можно с уверенностью сказать, что подобные инциденты никогда не возникают, если за ними не скрывается влияние политического департамента». («Бомбей кроникл», 10 июля 1946 года.)

¹ *Сваражисты* — организация, выступавшая за предоставление самоуправления Индии.— *Прим. ред.*

Пандит Неру заявил также своей аудитории, что «там действовала тайная рука английского правительства».

Это событие показало, что английские империалисты не хотели допустить, чтобы руководство Национального конгресса достигло соглашения с махараджей Кашмира, ибо они были твердо намерены удержать в своих руках Кашмир в качестве особого, непосредственно управляемого ими опорного пункта и превратить его в военно-стратегическую базу.

Что же касается отношения руководства Мусульманской лиги к движению «Прочь из Кашмира!», то Мусульманская лига открыто поддержала репрессивные меры Рам Чандра Кака, Скотта и Пауэлла и предоставила в их распоряжение все имевшиеся у нее средства. Руководство Мусульманской лиги характеризовало движение «Прочь из Кашмира!», как «агитацию кучки недобровольных, направленную на уничтожение законности и порядка». Оно обвиняло борющийся народ Кашмира и призывало мусульман держаться в стороне от движения.

«Они должны остерегаться своих врагов и не давать ввести себя в заблуждение лозунгами, провозглашенными в Кашмире, чтобы не быть втянутыми в действия, которые поставят под серьезную угрозу их интересы». (Цитировано газетой «Пиплз эйдж», 7 июня 1946 года.)

Вместо того чтобы осудить тактику Рам Чандра Кака, ставшего на путь применения репрессий, и его угрозы, что он не допустит помощи Кашмиру извне, газеты Мусульманской лиги приветствовали и восхваляли деятельность премьера:

«Премьер-министр Рам Чандра Как заявил, что он не потерпит никакого вмешательства во внутренние дела Кашмира. Мы искренне считаем, что народам всех провинций и княжеств должна быть предоставлена возможность самостоятельно решать свои внутренние дела». (Газета «Азр жаид», 6 июня 1946 года.)

В самом княжестве Мусульманская конференция превратилась в ядро элементов, настроенных в пользу махараджи. Лидеры конференции поддерживали полицейские и военные мероприятия Рам Чандра Кака и стремились расколоть народное движение путем выдвижения религиозных и шовинистических лозунгов.

Махараджа применял ожесточенные репрессии внутри княжества, а в это время за его пределами началась широкая кампания в печати, изображавшая дело так, будто движение «Прочь из Кашмира!» инспирировано Советской Россией и равносильно коммунистической революции, направленной на свержение махараджи.

«За агитацией «Прочь из Кашмира!», вероятно, скрыта рука России. Даже в руководящих кругах партии Национальный конгресс относится ко всему этому подозрительно.

Английское правительство имеет свои подозрения относительно движения «Прочь из Кашмира!», и за кулисами работает несколько важных миссий, которые подбирают данные». («Кашмир таймс», 8 июня 1946 года.)

Как ни странно, эти крики были подхвачены и индусскими и мусульманскими реакционными общинами. Член инспирированной Рам Чандра Каком делегации индусских общин, которая в тот момент находилась в княжестве, сказал:

«Этот лозунг имеет зловеющий смысл и, повидимому, является результатом союза между коммунистами и некоторыми заинтересованными организациями, стремящимися к созданию независимого мусульманского княжества Кашмир, в состав которого войдут Кашмирская долина, Балтистан и Ладакх. Княжество будет поддерживать дружественные отношения с СССР и превратится в угрозу для консолидации Индийского союза».

Кашмирская мусульманская конференция (отделение Всеиндийской Мусульманской лиги, называвшей махараджу «тенью бога на земле») повторила эту версию с точностью граммофонной пластинки:

«Лидеры Национальной конференции лишь заигрывают с Неру, ибо, с одной стороны, шейх Абдулла поручил свою защиту Неру, а с другой, подпольные работники Национальной конференции действуют по директивам Коммунистической партии Индии». (Из резолюции Мусульманской конференции, 1946 год.)

Но эти сообщения опроверг не кто иной, как сам Неру. Вот что он ответил на вопрос, заданный ему в Бомбее представителями печати, верит ли он в то, что движение «Прочь из Кашмира!» инспирировано Россией:

«Это не вопрос веры. Это фантастическая нелепость...

Любому разумному человеку покажется абсурдом говорить о каком-то русском пугале в Кашмире теперь или в ближайшем будущем». («Хиндустан таймс», 11 июля 1946 года.)

Один из живущих в изгнании руководителей Национальной конференции, слова которого уже цитировались выше, сказал:

«Находящийся в подполье лидер так ответил на вопрос по поводу сообщений об интригах Советского Союза, будто бы ведущихся с целью превращения Кашмира в индийский Азербайджан: «Это просто чепуха. Расскази о муллах, проникших в Кашмир из Советской Азии,— это сплошной вымысел. Изображать народное движение в Кашмире как интригу Советов — значит вторить голосу империалистов, которые видят красную опасность в каждом прогрессивном начинании современного мира». («Амрита базар патрика», 25 июня 1946 года.)

Глава шестая

РАСЧЛЕНЕНИЕ ИНДИИ И ПОСЛЕДУЮЩИЕ СОБЫТИЯ

В самый разгар борьбы кашмирского народа против феодальной автократии английское правительство осуществило расчленение Индии. В двух новых доминионах¹ были созданы правительство партии Национальный конгресс и правительство Мусульманской лиги. Предприняв этот шаг, Англия в то же время стремилась сохранить на полуострове Индостан возможно большее количество опорных пунктов, так как это позволило бы ей оказывать прямой нажим на оба доминиона. Осуществление этого плана проектировалось достигнуть путем провозглашения некоторыми из крупных княжеств «независимости». Таким образом, после расчленения Индии Кашмир и некоторые другие княжества приобрели новое значение.

Одновременно английские империалисты старались разжечь вражду между обоими доминионами, с тем чтобы ослабить их и таким образом облегчить вмешательство в их внутренние дела в форме так называемого «посредничества». Расположение Кашмира, территория которого вклинивается между обоими доминионами, было чрезвычайно удобно для разжигания вражды между Индией и Пакистаном.

Итак, Кашмир приобрел для империалистов новый интерес. Помимо его значения как военной базы, направленной против СССР, он мог служить также базой против Индии и Пакистана. Чтобы использовать Кашмир для осуществления любой из этих целей, важно было удержать максимальный прямой контроль над княжеством, то есть сохранить навеки послушное орудие империализма — феодальную автократию.

¹ То есть в Индии и Пакистане.— *Прим. ред.*

После расчленения полуострова Индостан Англия была поставлена перед выбором: либо заставить махараджу Кашмира прикнуть к Индии или к Пакистану, либо содействовать провозглашению им независимости с последующим установлением договорных отношений с обоими доминионами. Английский политический департамент побуждал многие княжества присоединиться к Индии, однако княжествам более крупным, имевшим стратегически важное значение, как Хайдерабад и Кашмир, было рекомендовано высказаться за независимость.

Поэтому махараджа Кашмира воздерживался открыто заявить о том, какой политики он придерживается в вопросе о присоединении княжества к одному из двух государств. В статье, напечатанной в июне 1952 года в журнале «Модерн ревью», указано:

«Несколько нервующая нерешительность незадачливого махараджи Кашмира в вопросе о присоединении, как теперь выяснилось, объясняется влиянием такого важного лица, как сам лорд Маунтбэттен, который с самого начала придерживался взгляда, что среди других княжеств Кашмир занимает особое положение».

Калькуттская газета «Хиндустан стандарт» сообщила 14 октября 1947 года, что занимавший в то время пост заместителя премьер-министра Кашмира Р. Л. Батра заявил в интервью, данном им в Дели, что Кашмир будет сохранять «строгий нейтралитет» и по отношению к Индии и по отношению к Пакистану.

Когда в июне 1947 года лорд Маунтбэттен посетил Кашмир, группировавшиеся вокруг премьер-министра Рам Чандра Кака элементы, такие, как члены Мусульманской конференции и руководители Раджа сабха¹, открыто начали широкую кампанию, целью которой было добиться от английского правительства, чтобы оно объявило княжество Джамму и Кашмир независимым от доминионов — Индии и Пакистана. На имя Маунтбэттена было послано множество телеграмм, его посетил ряд делегаций. Решение махараджи высказаться за независимость было известно даже руководству партии Национальный конгресс.

¹ *Раджа сабха* — индусская политическая организация в провинции Джамму. — *Прим. ред.*

Пресс-атташе лорда Маунтбэттена Аллан Кэмпбелл-Джонсон писал 18 июня 1947 года:

«И Неру и Ганди были крайне встревожены, как бы махараджа Кашмира не выступил с декларацией о независимости»¹.

В августе 1947 года махараджа написал правительствам Индии и Пакистана, что он желает вступить с ними в переговоры о прекращении военных действий. Двумя месяцами позже из письма, написанного махараджей 26 октября лорду Маунтбэттену, обнаружилось, что махараджа серьезно думал о независимости, когда обращался к обоим правительствам с предложением заключить соглашение о прекращении военных действий.

«Как известно вашему превосходительству, княжество Джамму и Кашмир не присоединилось ни к Индии, ни к Пакистану. Территориально мое княжество соприкасается с обоими доминионами. В экономическом и культурном отношении оно тесно связано с каждым из них. Кроме того, мое княжество имеет общие границы с Советским Союзом и Китаем. Доминионы Индия и Пакистан не могут игнорировать этот факт в своей внешней политике.

Я хотел бы не спешить с решением вопроса о том, к какому из доминионов присоединиться и не отвечает ли больше интересам обоих доминионов и моего княжества сохранение независимости, конечно, при условии установления дружественных и сердечных отношений с обоими доминионами...»

Правительство Пакистана дало благоприятный ответ на обращение махараджи, между тем как правительство Индии не пожелало вступить в соглашение. Затем правитель Кашмира обнаружил, что его план провозглашения независимости наталкивается не только на сопротивление индийского правительства, но и на отсутствие в Кашмире подходящих условий для быстрого и безболезненного осуществления этого плана.

Народное движение, всегда боровшееся против намерения своего правителя провозгласить независимость, не

¹ Campbell-Johnson Alan, Mission with Mountbatten. London, 1951, p. 120.

было разгромлено, несмотря на все усиливавшиеся жестокие репрессии. Военные и полицейские меры лишь укрепили в народе решимость как можно скорее свергнуть автократическую власть. Национальная конференция, пользовавшаяся поддержкой по всей Кашмирской долине, стала наиболее сильной и популярной организацией народа. В княжестве на нее смотрели как на организацию, противопоставляющую себя феодальной администрации. Во всех своих планах относительно Кашмира махарадже приходилось считаться с этим крупным и решающим политическим фактором.

Кроме того, во всех районах княжества раздавались голоса, требовавшие освобождения лидеров Национальной конференции, а в соседних провинциях Пенджаба вспыхнули раздоры среди религиозных общин. Проведенная под руководством Национальной конференции мобилизация народных масс на борьбу с теми, кто подстрекал к мятежу и разжигал религиозную вражду, способствовала росту сознательности большинства индусского населения княжества. Влиятельные группы пандитов, догров и сикхов, державшихся раньше в стороне от демократического движения, начали выступать с требованием немедленного освобождения всех национальных вождей и прекращения политики репрессий по отношению к Национальной конференции. Но эти элементы не поддерживали требования народа положить конец автократической власти. Однако даже их ограниченные требования придали новую силу антифеодальному движению и помешали врагам кашмирского народа изолировать и уничтожить его.

Начало также разрушаться единство социальной базы самого махараджи. Члены влиятельных групп земельной аристократии догров стали выступать против его попыток провозгласить независимость Кашмира. Они видели, что присоединение княжеств к Индии вовсе не означает для правящих групп этих княжеств отказ от власти и феодальных привилегий. Более того, даже армия догров — этот главный оплот автократии — стала обнаруживать явные признаки недовольства политикой махараджи.

Влияние изменившегося отношения большей части феодального правящего класса к вопросу о независимо-

сти Кашмира ощущалось даже во дворце. Было известно, что некоторые члены семьи махараджи не согласны с проводимой им политикой, однако к Национальному конгрессу они продолжали относиться враждебно.

Махараджа, столкнувшись с качественно новой обстановкой, возможность возникновения которой он не предвидел, очутился в затруднительном положении. Он понял, что не сможет более удерживать кашмирский народ в подчинении, опираясь *только* на армию и полицию, и не сможет долго тешить себя лишь одной мыслью о независимости. Поэтому он вынужден был искать другие, более действенные и более удобные методы.

Приблизительно в это же время, в августе 1947 года, в Кашмир приехал Махатма Ганди. Он посетил махараджу и, как передавали, сказал ему, что тот полностью оторвался от народа и не пользуется ни его доверием, ни поддержкой. Сообщали также, что Ганди посоветовал махарадже, если он хочет остаться князем, «завоевать расположение народа». Это было сделано с намерением заставить махараджу вступить на путь сотрудничества и компромисса, к которому он уже склонялся. Поездка Ганди в Кашмир и его задушевная беседа с махараджей заложили прочную основу для сотрудничества между руководством партии Национальный конгресс и дурбаром Кашмира. Через три дня после своего визита во дворец махараджи, 6 августа 1947 года, Махатма Ганди писал Сардару Пателю:

«Я провел целый час с махараджей и махарани. Он согласился с тем, что должен следовать за народом, но до сути дела еще не дошел. Он хочет отстранить Рам Чандра Кака, но не знает, как это сделать. Он почти решился призвать Джилалала. Повидимому, вам тут следует что-нибудь предпринять. На мой взгляд, положение в Кашмире может улучшиться».

Махараджа не мог провести в жизнь свою новую политику, пока оставался на своем посту премьер-министр Рам Чандра Как, рьяно выступавший против сотрудничества с партией Национальный конгресс 11 августа 1947 года, то есть через восемь дней после посещения махараджи Махатмой Ганди, Рам Чандра Как был уволен в отставку.

Хотя с отстранением Рам Чандра Кака репрессии по отношению к народному движению не прекратились, но его отставка свидетельствовала о поражении политики насилия, которую проводило правительство Кашмира, стремившееся разгромить это движение. Отставка Рам Чандра Кака свидетельствовала также о признании роста и силы движения народных масс Кашмира.

С удалением Р. Ч. Кака сдвиг в политике махараджи стал явным. Ряду лидеров Национальной конференции, жившим в изгнании (в Индии), был разрешен въезд в княжество. Шейх Абдулла был переведен из Бхадрава в сринагарскую тюрьму, где его посетили представители махараджи, имевшие с ним длительную беседу. Правитель начал прощупывать, готово ли руководство Национальной конференции разделить с ним власть. Он хотел, чтобы лозунг «Прочь из Кашмира!» был заменен лозунгом «За создание ответственного правительства». Взамен махараджа обещал предоставить лидерам Национальной конференции несколько мест в правительстве. Через два месяца после изменения политического курса махараджи и освобождения из тюрьмы шейха Абдуллы и других лидеров Национальной конференции новый премьер-министр Кашмира заявил на пресс-конференции в Сринагаре следующее:

«Я лично полагаю, что должно быть образовано ответственное правительство. Однако я сказал шейху Саибу, что наступит время, когда ему придется нести эту ответственность... Но он должен обеспечить королевской семье безопасность и создать атмосферу уважения, подобную, например, той, которой английский народ окружает своего конституционного главу. Я не против передачи власти народу. Я просил шейха Саиба представить предложения, направленные именно на осуществление этого принципа. После того как махараджа будет облечен некоторыми особыми полномочиями, право национальной реконструкции должно быть передано народу, а для этого должна быть найдена какая-либо подходящая формула». («Хидмат», орган Кашмирской национальной конференции, 17 октября 1947 года.)

Во всех других частях Индии, за исключением одного или двух крупных княжеств, английское правительство приветствовало бы такое развитие событий. Но это не-

сколько расходилось со специальными стратегическими интересами Англии в Кашмире. Поворот махараджи в сторону сближения с партией Национальный конгресс, а затем с Национальной конференцией и возможность образования им правительства на основе тесного сотрудничества с лидерами конференции грозили нарушить план установления прямого английского господства над Кашмиром. Это не согласовывалось с той особой ролью, которую английский империализм отводил Кашмиру. Возникло опасение, что развивавшиеся в Кашмире события могут вскоре привести к присоединению его к Индии. В связи с тем, что Национальная конференция явно симпатизировала партии Национальный конгресс и относилась враждебно к Мусульманской лиге, подобные опасения усилились еще более. Англия была против присоединения Кашмира к Индии главным образом по двум причинам: во-первых, англичане считали, что демократическое движение в Индии было достаточно сильно, чтобы не допустить использования какой бы то ни было части Индии в качестве военной базы против Советского Союза. Во-вторых, они не были уверены, можно ли доверить индийскому правительству полный контроль над районом, который имел такое огромное стратегическое значение и которому отводилось столь важное место в военных планах западных держав. В то время правительство Индии еще определенно не заявило о своем намерении остаться в Содружестве наций. Кроме того, внешняя политика правительства Индии не предусматривала безоговорочного признания всех международных обязательств Англии и Америки, толкавших мир в пропасть опустошительной мировой войны.

Но Англия не могла допустить, чтобы события в Кашмире развивались по такому пути, который поставил бы под угрозу выполнение ее военно-стратегических целей в Кашмирской долине. Вследствие этого английское правительство поставило перед собой три главные задачи: 1) путем раскола и репрессий полностью разгромить национальное движение, обойдя махараджу, который не смог справиться с этой задачей; 2) добиться того, чтобы власть была передана в руки надежных проанглийских элементов, которые послушно выполняли бы английские планы и расчистили бы путь для

установления иностранного военного господства над Кашмиром; 3) помешать Кашмиру присоединиться к Индии.

Для осуществления этих задач было произведено вооруженное вторжение в Кашмир. Посредством такого фронтального вооруженного вторжения англичане надеялись захватить Кашмирскую долину, которая служила базой для национального движения.

Глава седьмая

ВТОРЖЕНИЕ И СОПРОТИВЛЕНИЕ

Приготовления к открытому вооруженному нападению на Кашмир начались еще в сентябре 1947 года, когда губернатор Северо-Западной пограничной провинции сэр Джордж Кэннингхем, а также известный английский агент Бахадур Кули-хан и другие начали вербовать пограничные племена, прежде всего племена политически отсталые, не вовлеченные ходом освободительного движения, охватившего Индию, в орбиту влияния антиимпериалистической организации патанов¹. Эти племена (мазудов, африди, шинвари и вазир) предполагалось использовать в качестве главного ударного ядра при вооруженном вторжении на территорию Кашмира. Действуя по указке англичан, пакистанские власти, находившиеся под прямым английским влиянием, снабдили племена современным оружием — пулеметами Брен и Стен, гранатами, тяжелыми минометами, противотанковыми ружьями и фугасными бомбами, а также неограниченным количеством боеприпасов. В числе английских офицеров, вербовавших племена и обучавших их применению этого оружия, был также английский начальник Пакистанской военной академии полковник Инголл.

Когда набор и военное обучение пограничных племен достигли широкого размаха, сардарам² племен было предложено начать пропагандистскую кампанию, распространяя версию, будто конечная цель вторжения на территорию Кашмира заключается в освобождении кашмирского народа из-под власти махараджи.

Выбор отсталых, симпатизировавших Англии племен как главных ударных войск вторжения не был случай-

¹ Патаны — афганские племена, проживающие в пограничных с Афганистаном районах Индии.— *Прим. ред.*

² Сардар — начальник, вождь.— *Прим. ред.*

ным. Опыт послевоенного подъема народного движения в Индии против английского господства заставил авторов плана вторжения понять, что действительная цель и характер проектируемой агрессии должны оставаться скрытыми и рука английских властей должна быть тщательно замаскирована. Опасались, что в противном случае волна народного сопротивления поднимется не только в Кашмире, но также в Пакистане и Индии. В связи с тем, что на ранних стадиях вторжения стремились избежать международных осложнений, регулярные части пакистанской армии не были введены в действие.

Для обеспечения легкой и быстрой победы отрядов племен, которые должны были вторгнуться в Кашмирскую долину — именно она являлась главным объектом нападения, — была намечена и осуществлена следующая тактика. Прежде чем начнется настоящее вторжение, было решено парализовать оборону долины, вынудив армию Кашмира растянуть линии обороны до самых отдаленных районов княжества. План предусматривал, что линия обороны на границе Джамму будет прорвана в нескольких пунктах посредством вооруженных налетов с пакистанской территории. Это заставило бы армии княжества рассредоточить свои силы, и тогда захватчики не встретили бы сильного сопротивления во время похода на Сринагар.

3 сентября 1947 года, то есть через двадцать три дня после отставки премьер-министра Р. Ч. Кака, произошел первый пограничный инцидент в пункте, расположенном на расстоянии семнадцати миль от Джамму. К концу сентября число и масштабы таких инцидентов настолько увеличились, что приняли форму открытого вторжения на примыкавшую к Западному Пенджабу территорию провинции Джамму. Нападения вооруженных банд были произведены на участках Мирпур, Бимбер, Сучетгар и Катца. После прорыва границы провинции Джамму в нескольких пунктах правительство княжества было поставлено перед необходимостью рассредоточить свои вооруженные силы. В результате войска княжества оказались окруженными в небольших районах, разбросанных по всей территории провинции. Авторы плана вторжения рассчитали правильно, что если основная часть

войск княжества будет рассредоточена вдоль всей границы Джамму на большом расстоянии от Кашмирской долины, для обороны которой оно не имело достаточных сил, то главная колонна отрядов племен, вторгшись в княжество вдоль дороги Сринагар — Домел, не встретит вооруженного сопротивления, стремительно ворвется на территорию Кашмира и захватит Сринагар. План оказался удачным, так как правительство княжества, полностью изолированное от народа и ставшее на путь борьбы с народным движением, даже в такой критический момент не считало нужным оказать доверие народным вождям Кашмира.

20 октября большие отряды племен, насчитывавшие несколько тысяч человек, прорвали у Музаффарабада границу Кашмира и по дороге на Домел устремились к Сринагару. Вторгшиеся отряды овладели городами Музаффарабадом, Домелом, Ури, Барамула, Паттаном и грозили Сринагару. Все захваченные города были разграблены и сожжены. Многие жители этих городов были зверски убиты. Дряхлое правительство махараджи, изолированное от народа, рухнуло под ударом вторгшегося врага. Правитель, захватив свои драгоценности, поспешно бежал в Джамму. Паникой и ужасом были охвачены круги феодальной аристократии и чиновничества. Но народ, простой народ Кашмира, любивший свою прекрасную родину и дороживший ее свободой, не поддавался панике и страху. Он взял на себя функции парализованных страхом властей, сформировал добровольческие отряды и взял в свои руки оборону и обеспечение внутренней безопасности Сринагара. Движение национального сопротивления объединило крестьян и рабочих, студентов и патриотически настроенную интеллигенцию. Национальная конференция взяла на себя управление страной, организовала народные комитеты, сформировала вооруженные отряды народного ополчения для защиты стратегических пунктов города. Агенты махараджи, Р. Ч. Кака и Мусульманской лиги были изгнаны из своих нор и сурово наказаны народными трибуналами. Вскоре возникла народная милиция. Ее ядро составила наиболее передовая часть молодежи Сринагара, молодежь взяла на себя и руководство отрядами милиции. Даже лондонская «Таймс» признавала силу подъема

народного движения, сплотившего все население и вселившего в него твердую уверенность. Газета писала 7 ноября 1947 года:

«Несмотря на близость вторгшихся отрядов и на сравнительно тяжелые бои в четырех-пяти милях от Сринагара, в городе спокойно: здесь продолжается нормальная жизнь. Положение совершенно необычное и может быть объяснено только тем, что правительство и лидеры Национальной конференции продолжают все-лять в горожан веру».

Когда вторгшиеся племена приблизились к Сринагару и над городом нависла серьезная угроза, шейх Абдулла и все руководство Национальной конференции обратились к правительству Индии с просьбой оказать вооруженную помощь. Английские империалисты, все время активно поддерживавшие захватчиков, поняли, какое значение и какие громадные последствия имела бы вооруженная поддержка Кашмира со стороны Индии. Они знали, что если помощь Кашмиру будет оказана вовремя, то это поможет кашмирскому народу отразить нашествие племен, и в результате план захвата Кашмирской долины будет сорван. Поэтому Маунтбэттен и находившиеся на английской службе командующие вооруженными силами Индии выступили против оказания помощи шейху Абдулле. Ссылаясь на то, что нейтральная страна не имеет права посылать войска, Маунтбэттен заявил, что помощь может быть оказана лишь в том случае, если бы посредством плебисцита Кашмир высказался за присоединение к Индии. В своей книге «Миссия с Маунтбэттенем» Аллан Кэмпбелл-Джонсон пишет:

«Когда в течение последних сорока восьми часов стало ясно, что в ответ на просьбу Кашмира о помощи индийское правительство, вопреки совету как начальников штабов индийских войск [все они были англичанами], так и самого Маунтбэттена, намерено послать свои войска в Кашмир, Маунтбэттен изменил свою позицию в вопросе о присоединении.

По его мнению, было бы верхом безумства послать войска в нейтральное княжество, куда мы не имели права их посылать, поскольку Пакистан мог бы поступить точно так же, что неминуемо привело бы к вооруженному

столкновению и, следовательно, к войне»¹ (курсив мой.— В. К.).

Части индийской армии прибыли в Сринагар 27 октября. Взаимодействуя с индийскими войсками, народная милиция изгнала вторгшиеся отряды из Барамулы, а затем из района Ури. Таким образом, Кашмирская долина была спасена от захвата вторгшимися отрядами, которыми командовали англичане. Однако значительная часть территории Кашмира на северо-западе, севере и северо-востоке княжества была оккупирована и здесь было образовано правительство так называемого «Свободного Кашмира». В числе территорий, захваченных армией «Свободного Кашмира», был также расположенный у границ СССР и имевший важное стратегическое значение район Гилгит. В Гилгите, который в августе 1947 года был возвращен английским правительством махарадже, был спровоцирован «мятеж», организованный и возглавленный английским командиром гилгитских скаутов майором Броуном.

То, что Англия приняла участие во вторжении в Кашмир, что некоторые видные английские офицеры в Пакистане покровительствовали и оказывали помощь вторгшимся на территорию Кашмира отрядам племен, является неоспоримым и общепризнанным фактом. Однако и Америка была не менее заинтересована в том, чтобы Кашмирская долина была захвачена вторгшимися племенами. Офицеры английской армии вербовали и обучали племена. Английская и американская печать изображала попытку захватить Кашмир как борьбу кашмирского народа за освобождение от власти махараджи. Корреспонденты газет «Нью-Йорк геральд трибюн» Маргарет Партон, «Дейли телеграф энд Морнинг пост» Дуглас Браун и «Дейли мейл» Кэмпбелл, а также корреспондент агентства Рейтер Бэкли, корреспондент журнала «Стейтсмен» Брукс и кинохроникер Линокс — все они в один голос восхваляли захватчиков и изображали их «освободителями». Во второй половине декабря заместитель верховного комиссара Англии в Пешаваре Дьюк приехал в Равальпинди, где встретился с главой правительства «Свободного Кашмира» Сардаром Ибрагимом,

¹ Mission with Mountbatten, p. 224, 225.

с которым он неоднократно беседовал. Английский губернатор Западного Пенджаба сэр Фрэнсис Мьюди договорился с английским Красным Крестом об оказании помощи правительству «Свободного Кашмира» и часто предоставлял сведения иностранным корреспондентам. Комиссар по государственным сборам в Северо-Западной пограничной провинции майор Дринг и главный комиссар той же провинции Хэйли также снабжали подробной информацией представителей иностранной печати. Выяснилось, что вооруженным вторжением племен в Кашмир руководил бывший сержант американской армии Рассел К. Хэйт, поступивший после окончания второй мировой войны в американское Управление стратегических служб (военная разведка) на Востоке и проникший впоследствии в Афганистан под видом инженера американской строительной компании «Моррисон Кнудсон»¹. Хэйт был произведен в чин бригадного генерала армии «Свободного Кашмира». Ссылаясь на деятельность этого агента американской разведки, Б. Н. Рау сказал в Совете Безопасности:

«Мне говорят, что Индия может при желании быть неговорчивой и потребовать от Соединенных Штатов компенсации за убытки, понесенные в результате деятельности Хэйта: не только за гибель многих людей, но и в связи со всеми расходами по ведению военных операций, необходимость которых была вызвана тем, что он организовал вооруженные силы «Свободного Кашмира». («Хинду», 14 февраля 1950 года.)

Когда открытое участие Хэйта в войне на стороне племен приняло форму международного скандала, аме-

¹ Рассел К. Хэйт родился в Денвере (штат Колорадо), в США. С Сардаром Ибрагимом он встретился в 1947 году. Сардар возвел Хэйта в чин капитана и поручил ему командовать воинской частью. После захвата Хэйтом Котли ему было поручено командование так называемой Интернациональной бригадой. Он хвастал тем, что собственноручно убил в Кашмире множество людей. Всякие сомнения в том, действительно ли он являлся агентом американской разведки, рассеялись после опубликования им по возвращении в США статей в печати. Хэйт, например, писал в херстовской газете «Нью-Йорк джорнэл америкэн» от 13 февраля 1948 года: «Английская разведка очень интересовалась сведениями о коммунистах, которые я давал ей в Кашмире. Большую часть того, что я мог ей сообщить, она уже знала, но она просила меня продолжать работу». — *Прим. автора.*

риканское правительство отозвало его в Соединенные Штаты, где он по приезде опубликовал многочисленные статьи в нью-йоркской печати. Характерной особенностью всех этих статей было полное искажение и грубая фальсификация событий, происходивших в Кашмире. После отъезда Рассела Хэйта в Америку американский поверенный в делах в Пакистане Льюис посетил Северо-Западную пограничную провинцию. В числе других стратегических пунктов он побывал на Хайберском перевале, где выступил на совещании вождей племен и побратался с некоторыми из них. Он познакомился со многими членами отрядов, вернувшимися после боев в Кашмире, и хвалил их за «героизм и отвагу».

Наиболее бесспорным и притом документальным доказательством того, что Англия потворствовала вторжению племен в Кашмир, было письмо сэра Джорджа Кэннингхема генералу Роберту Локкарту, написанное за несколько дней до начала вторжения. В сообщении для печати, опубликованном в Дели 4 августа 1948 года министерством иностранных дел Индии, было указано:

«Это было частное письмо сэра Джорджа Кэннингхема, адресованное сэру Роберту Локкарту. Сэр Роберт мог его не использовать. Но он сообщил содержание письма *другому ответственному офицеру штаба...* Вполне возможно, что в те первые тревожные дни, когда на карту была поставлена судьба Кашмира, об этом *факте не вспомнили*. В этом письме сэр Джордж Кэннингхем предупреждал о проникновении племен в Кашмир, а также о том, что члены правительства Северо-Западной пограничной провинции активно содействуют этому проникновению. Далее сэр Джордж Кэннингхем высказывал сомнение *в том, что ему удастся остановить это проникновение*.

Сведения, содержащиеся в этом письме, были *первым авторитетным* сообщением о надвигавшихся беспорядках в Кашмире, заставившим министерство обороны ускорить мероприятия по отправке оружия, с просьбой о высылке которого несколькими неделями раньше обратилось правительство Джамму и Кашмира. Почти непосредственно после этого поступили сведения о совершившемся вторжении в Кашмирскую долину.

Хотя теперь можно сожалеть о том, что письмо не было сохранено, тем не менее правительство убеждено, что никто не стремился изъять или скрыть его». («Хиндустан таймс», 5 августа 1948 года) (курсив мой.— В. К.).

Несмотря на попытки индийского правительства снять с генерала сэра Роберта Локкарта обвинение в том, что он преднамеренно скрыл содержание письма и держал индийский кабинет в неведении о готовящемся вторжении, внимательное изучение переданного для печати сообщения полностью доказывает обоснованность обвинения.

Во-первых, в этом сообщении не сказано, почему Локкарт, будучи офицером, состоявшим на службе при индийском правительстве, не счел нужным передать письмо Кэннингхема лидерам индийского правительства. Утверждение индийского правительства, что сведения, содержащиеся в этом письме, были первым авторитетным сообщением о приближении беспорядков в Кашмире, совершенно необоснованно. Оно резко расходится с заявлениями, с которыми правительство выступало после ноября 1947 года. Вторжение в Кашмир началось 20 октября. Как указано в сообщении, сэр Роберт Локкарт получил письмо до этой даты. Поэтому правительство Индии должно было бы располагать вполне достаточным временем, чтобы привести свои войска в боевую готовность для предстоящих действий в Кашмире. Но всем сейчас известны обстоятельства, при которых индийские войска были доставлены 27 октября на самолетах в Кашмир. Командование войсками округа Дели — Восточный Пенджаб (ныне Западный округ) получило 26 октября в час дня приказание отправить в Сринагар один батальон. 1-й батальон Сикхского полка, стоявший в это время в Гургаоне, получил приказ сосредоточиться на аэродроме Палам. В ночь с 26 на 27 октября офицер, командовавший 1-м батальоном Сикхского полка, привел в Палам лишь штаб батальона и одну роту. Индийское правительство было настолько не осведомлено о том, когда и в каких масштабах было произведено вторжение, что обмундирование, продовольственный паек и средства связи были выданы солдатам не заблаговременно, на базе, а лишь в Паламе, перед самой посадкой на самолеты. Штаб батальона был от-

правлен на рассвете 27 октября с аэродрома Палам на трех самолетах «Дакота», принадлежавших индийским военно-воздушным силам. Правительство было настолько застигнуто врасплох и настолько не подготовлено, что для транспортировки остальных войск (одной роты) пришлось затребовать гражданские самолеты «Дакота» из аэропорта Уиллингдон. Известие о крупном вторжении было настолько неожиданным, что когда днем 27 октября потребовалось отправить дополнительное количество войск, в Паламе была мобилизована рота, которая несла службу по охране железной дороги. Далее. Если правительство Индии, как это утверждается в сообщении для печати, заранее согласовало все вопросы, связанные с отправкой индийской армии в Кашмир, то первая группа войск, высадившаяся в Сринагаре, не должна была бы оказаться столь малочисленной и жалкой по сравнению с крупным сосредоточением отрядов племен в Барамуле. Кроме того, индийское правительство было так плохо информировано, что командование первого контингента индийских войск, атаковавшего в Барамуле вторгшиеся племена, к своему великому удивлению, убедилось, что эти племена были не просто бандой, не имевшей ни организации, ни дисциплины, но представляли собой организованную часть, состоящую из прекрасно обученных солдат, вооруженных легкими пулеметами и минометами и возглавляемую командирами, знакомыми с современной военной стратегией и тактикой и с методами использования местности.

Во-вторых, почему этот важный документ, который мог бы оказаться полезным правительству Индии и Совету Безопасности, был уничтожен? Не потому ли, что он свидетельствовал о той роли, которую играли некоторые военные руководители британского империализма в Индии?

В-третьих, по тем же причинам это письмо совершенно не упоминалось в меморандумах правительства Индии, представленных комиссии ООН и Совету Безопасности.

В-четвертых, какие шаги предпринял для спасения Кашмира от вторжения сэр Джордж Кэннингхем, офицер, ответственный перед английским правительством, на которое полностью полагалось правительство

Индии? Сообщил ли он английскому правительству, что готовится вторжение? И если сообщил, тогда сами английские власти отказались что-либо предпринять для предотвращения вторжения. Можно с уверенностью сказать, что Кэннингхем позволил развиваться событиям по заранее намеченному пути¹.

¹ Алан Кэмпбелл-Джонсон писал в книге «Mission with Mountbatten»: «Общественное мнение Индии было склонно подозревать Кэннингхема в макнавеллистических замыслах и в тайном поощрении диверсии племен в Кашмире». — *Прим. автора.*

Глава восьмая

МАУНТБЭТТЕН ВЫДВИГАЕТ ПЛАН ВМЕШАТЕЛЬСТВА ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ. НОВАЯ СТРАТЕГИЯ

В течение первой недели военных действий в Кашмирской долине индийская армия дала два сражения: одно — на дороге Сринагар — Барамула и второе — под Бадгамом, в девяти милях к юго-западу от Сринагара, близ сринагарского аэродрома. В этих двух сражениях индийские войска понесли большие потери, но их непосредственная задача была выполнена. Бои на дороге Сринагар — Барамула дезорганизовали отряды вторгшихся войск противника и задержали его продвижение, что дало время для переброски подкреплений из Индии. Сражение под Бадгамом устранило непосредственную угрозу аэродрому.

Хотя безопасность Сринагара еще не была обеспечена, но само присутствие индийской армии и ожидавшееся прибытие подкреплений из Индии сделали возможным освобождение Кашмира от вторгшихся банд. Таким образом, англичане, составившие план вторжения, больше не могли рассчитывать на захват долины посредством одной лишь военной силы. Помимо военных действий, надо было еще предпринять такие политические и дипломатические шаги, которые могли бы помочь осуществлению английских планов, в случае если индийская армия вытеснит вторгшиеся отряды из княжества или даже только из Кашмирской долины.

В то время когда под Сринагаром шли ожесточенные бои, лорд Маунтбэттен, как сообщил его пресс-атташе, заявил редактору журнала «Стейтсмен» Яну Стефенсу, что в результате вмешательства генерала Окинлэка удалось убедить Джинну¹ пригласить его, Маунтбэттена, и Неру в Лахор для обсуждения возникшего в Кашмире

¹ В это время Джинна был генерал-губернатором Пакистана. —
Прим. ред.

кризиса. Но этот план постигла неудача, ибо Неру, как было заявлено, заболел и поэтому не мог выехать. Однако официальный чиновник по делам печати при генерал-губернаторе показал, что хотя лорд Маунтбэттен и не сомневался в том, что Неру действительно болен, тем не менее сказал, что на премьер-министра оказывало очень сильное давление индийское правительство, настаивавшее на том, чтобы Неру отказался от поездки в Лахор. 29 октября Маунтбэттен поехал навестить Неру в его загородном доме. К Маунтбэттену присоединился Сардар Патель. Вместе с Неру они обсудили вопрос о поездке. Маунтбэттен спросил, не поехать ли ему одному. Но Сардар Патель ответил, что он и остальные члены кабинета категорически протестуют против поездки как Неру, так и Маунтбэттена. Все же Маунтбэттену удалось убедить Неру в целесообразности поездки. Прибыв в дом правительства, Маунтбэттен немедленно по телефону сообщил об этом Джинне, который с удовольствием принял его предложение. Но позже было официально заявлено, что Неру направил Маунтбэттену письмо, в котором указал, что, по мнению врачей, он еще не совсем поправился, чтобы предпринять поездку, и поэтому генерал-губернатору придется ехать одному. Всего через двенадцать дней после начала вторжения, как раз в тот момент, когда на подступах к Сринагару кашмирский народ боролся не на жизнь, а на смерть с вторгшимися отрядами племен, лорд Маунтбэттен встретился с Джинной. После обсуждения политической стороны вопроса о Кашмире Маунтбэттен выдвинул новое предложение.

«Маунтбэттен уведомил Джинну о численности индийских войск в Сринагаре и о подкреплениях, которые они, вероятно, получают в ближайшие несколько дней. Он сказал ему, что при создавшейся ситуации считает *перспективу вступления в Сринагар крупных отрядов племен мало вероятной*. Это заставило Джинну выдвинуть свое первое общее предложение, предусматривавшее немедленный и одновременный отвод войск обеих сторон...

Наведя справки, Маунтбэттен выяснил, что позиция Джинны по вопросу о плебисците вызвана его убеждением, что оккупация княжества индийскими войсками в сочетании с властью, находящейся в руках шейха Абдуллы, приведет к тому, что рядовой мусульманин

будет слишком напуган, чтобы решиться голосовать за присоединение к Пакистану. Тогда Маунтбэттен предложил провести плебисцит *под покровительством Организации Объединенных Наций*¹ (курсив мой.— В. К.).

Это была новая мысль. Известно, что руководители народного движения Кашмира дали обещание решить вопрос о присоединении лишь после выяснения воли кашмирского народа. Но как же получилось, что лорд Маунтбэттен поднял вопрос о плебисците *под покровительством Организации Объединенных Наций* сразу после вторжения племен, когда самой неотложной задачей, стоявшей перед кашмирским народом, было освобождение своей страны и самих себя из лап захватчиков? Ведь племена вторглись в Кашмир не для того, чтобы дать кашмирскому народу возможность решить путем плебисцита вопрос о присоединении. Наоборот, в эти дни было заявлено, что цель их вторжения на территорию Кашмира заключается в освобождении мусульманского населения княжества из-под власти индусского махараджи. Даже если для аргументации допустить, что эта явная ложь была правдой, то как мог плебисцит под контролем Объединенных Наций, проводимый для решения вопроса о присоединении Кашмира либо к Индии, либо к Пакистану, а не вопроса о будущей судьбе монархии, умиротворить вторгшиеся отряды и убедить их уйти из Кашмира?

Как стало ясно впоследствии, в особенности после передачи вопроса о Кашмире в Совет Безопасности, это было предложено для того, чтобы дать возможность находящимся под господством империалистов Объединенным Нациям вмешаться в дела Кашмира и под предлогом обеспечения проведения справедливого плебисцита навязать этому стратегическому району свое управление. Таким образом, вмешательство Объединенных Наций было задумано как альтернатива вооруженному нападению племен: либо подстрекаемые Англией племена захватят Кашмир вооруженным путем, либо Объединенные Нации вмешиваются в дела Кашмира и устанавливают над ним господство Англии и Соединенных Штатов.

¹ Campbell-Johnson Alan, *Mission with Mountbatten*, p. 229, 230.

Но так как в течение первой недели военных действий в Кашмире инициатива, несмотря на вступление в Сринагар индийской армии, оставалась еще в руках вторгшихся племен, военные действия не только не ослабевали, но усилились. Предложение о вмешательстве Объединенных Наций держалось наготове, с тем чтобы его можно было выдвинуть в случае поражения захватчиков. Для успешного и легкого перехода ко второму варианту — вмешательству Объединенных Наций — лорд Маунтбэттен вынудил премьер-министра Индии дать обязательство — причем в момент, когда не была исключена возможность падения Сринагара, — что в намерения индийского правительства входило проведение в Кашмире плебисцита *под наблюдением ООН*. Пандит Неру заявил по радио 2 ноября 1947 года:

«По установлению законности и порядка мы готовы провести референдум *под покровительством такой международной организации, как ООН*. Мы хотим, чтобы референдум был честным и справедливым волеизъявлением народа и мы согласимся с решением, которое будет принято на основе результатов референдума. Я не могу представить себе более честного и справедливого предложения».

Четвертого ноября, всего через день после ожесточенного боя под Багдамом, во время которого были полностью уничтожены два взвода роты гурков, в Сринагар прибыли заместитель премьер-министра Сардар Патель и министр обороны Сардар Балдев Синг, которые сразу же созвали совещание высшего офицерского состава армий. Они убедились, что положение все еще продолжало оставаться серьезным. В тот же день они вернулись в Дели и доложили на заседании комитета обороны при кабинете министров о создавшемся положении. В результате обсуждения этого вопроса правительством в Сринагар был доставлен на самолетах еще один пехотный батальон. Впоследствии туда прибыли и другие подкрепления. Почти в то же время в Сринагар было послано танковое подразделение. Теперь индийские войска были достаточно вооружены. Была подготовлена арена для намеченного наступления с целью освобождения прохода Барамула — стратегически важного пункта, доминирующего над входом в Сринагарскую долину.

Индийские войска при поддержке истребительной авиации и бронетанковых частей атаковали 7 ноября вторгшиеся племена и перешли в наступление. В тот же вечер был взят Паттан, а днем 8 ноября индийские войска вступили в Барамулу. Взятие Барамулы окончательно ликвидировало угрозу Сринагарской долине. Кэмпбелл-Джонсон писал:

«Барамула господствует над входом в Кашмирскую долину; считается, что со взятием Барамулы значительно уменьшится возможность нового вторжения племен в долину»¹.

Через день после захвата Барамулы лорд Маунтбэттен выехал из Дели в Лондон, чтобы, как было официально объявлено, принять участие в торжественных празднествах по случаю свадьбы принцессы (ныне королевы) Елизаветы. По возвращении в Дели Маунтбэттен возобновил переговоры с руководителями Индии и Пакистана. Придав своему предложению о вмешательстве ООН более официальную форму, он продвигал его с неутомимым упорством и последовательностью. Советник лорда Маунтбэттена лорд Исмей еще более конкретизировал и разработал первоначальный план английского генерал-губернатора Индии².

Когда премьер-министров Индии и Пакистана не удалось убедить принять планы, разработанные Исмеем, лорд Маунтбэттен «высказал пожелание, чтобы Организация Объединенных Наций взяла на себя роль посредника»³.

Пока в Дели велись эти важные политические переговоры, в княжестве Джамму и Кашмир произошли два события, имевшие исключительно важное значение с точки зрения их влияния на всю военную обстановку. Наступление, предпринятое индийской армией в районе Барамулы и Ури, было внезапно приостановлено. Никаких крупных операций с целью отгеснения вторгшихся племен за Ури и затем за рубежи княжества больше не предпринималось. В Сринагаре ходили слухи, что командование армией недоумеает, почему прави-

¹ Mission with Mountbatten, p. 235.

² Op. cit., p. 250, 251.

³ Op. cit., p. 251, 252.

тельство Индии не отдало приказа развить наступление на Ури и изгнать из княжества вторгшиеся отряды. Нельзя преуменьшать ту роль, которую сыграл в этом Маунтбэттен, убедивший индийский кабинет отказаться от подобных действий в отношении вторгшихся племен. Выдавая себя за человека, стремящегося установить мир между обоими доминионами, Маунтбэттен все время высказывал мнение, что оттеснение вторгшихся отрядов за линию Ури приведет к войне между Индией и Пакистаном, а этого, по его словам, он был намерен во что бы то ни стало избежать. Его официальный рупор Кэмпбелл-Джонсон писал:

«Из поступивших к нам сообщений о положении в Кашмире мы с радостью узнали — и это явилось дополнительным сведением о развивающихся в этом районе событиях, — что наступление на Ури не было предпринято и что находящиеся там индийские войска не вступили в соприкосновение с войсками противника, ибо Маунтбэттен продолжает считать, что это могло бы послужить причиной для возникновения более крупного конфликта»¹ (курсив мой.— В. К.).

Приблизительно в это же время вторгшиеся войска захватили довольно значительную территорию провинции Джамму. Индийская армия, которая была прикована к Кашмирской долине, послала часть своих сил в Джамму и начала теснить вторгшиеся отряды. Однако в тот момент Маунтбэттен придерживался той точки зрения, что индийская армия не должна развивать операции на широком фронте.

«Маунтбэттена тревожило благодушие, проявляемое многими в отношении Кашмира, и он настаивал на том, чтобы были учтены последствия, которые могут возникнуть в результате длительных операций, предпринятых на широком фронте»².

Это было равносильно попытке убедить индийский кабинет прекратить сопротивление вторгшимся отрядам в провинции Джамму, где индийская армия находилась в опасном положении.

¹ Mission with Mountbatten, p. 260.

² Op. cit., p. 233.

Общим итогом событий, которых мы коснулись выше, было продолжение оккупации вторгшимися племенами обширной территории княжества Джамму и Кашмир, что было выгодно английскому правительству, ибо конфликт оставался неразрешенным и это давало возможность Объединенным Нациям вмешаться в дела Кашмира.

Когда, таким образом, была создана твердая основа для передачи спорного вопроса на рассмотрение Объединенных Наций и на это было получено согласие индийского правительства, лорд Маунтбэттен получил от Клемента Эттли, который был в то время премьер-министром Англии, ответ на свое письмо. Эттли сообщил, что он не возражает против передачи кашмирского вопроса в ООН.

«Эттли, как и ожидал Маунтбэттен, отверг предложение о своем немедленном личном вмешательстве, считая, что ему не удастся сыграть какую-либо особую роль, помимо роли посредника в самых общих вопросах, и предпочел положиться на «надлежащие каналы» Объединенных Наций. Однако Эттли направил Неру чрезвычайно удачно сформулированное послание, в котором призывал его к осторожности. Получив ответ Неру, правительство решило передать вопрос в ООН, не дожидаясь ответа Лиаката»¹.

31 декабря 1947 года индийское правительство наконец передало кашмирский вопрос на рассмотрение Совета Безопасности.

Правдивость заявлений Кэмпбелла-Джонсона о заинтересованности английского правительства и инициативе, проявленной им с целью убедить правительство Индии в необходимости передать кашмирский вопрос в Совет Безопасности ООН, не внушает никаких сомнений. Для подтверждения этого ниже приводится сообщение агентства Рейтер из Лондона, датированное 5 января 1948 года:

«Как стало вчера известно из официальных источников, появившиеся в индийской печати сообщения о том, что индийское правительство передало кашмирский

¹ *Лиакат Али-хан* — бывший премьер-министр Пакистана. (Цит. в книге *Mission with Mountbatten*, p. 259.) — *Прим. ред.*

вопрос в Совет Безопасности ООН вопреки мнению английского правительства, совершенно необоснованны.

Представитель официальных кругов заявил, что чрезвычайно важно, чтобы Индия и Пакистан поняли, что правительство Соединенного королевства приветствовало передачу вопроса в Совет Безопасности, ибо при создавшихся условиях это дает наибольшую надежду на быстрое разрешение вопроса мирным путем». («Хиндустан таймс», 6 января 1948 года.)

Ачария Крипалани, который был в то время председателем партии Национальный конгресс, писал в статье, опубликованной 3 августа 1952 года в газете «Хиндустан стандарт»:

«Почему кашмирский вопрос был передан в ООН? Об этом известно лишь нескольким членам индийского правительства. Очевидно, для того, чтобы избежать неприятностей с Пакистаном. Но избежать этих неприятностей, как показали последующие события, оказалось невозможно. Считают, что вопрос был передан в ООН по совету Англии. Насколько это верно, известно только тем, кто решил передать кашмирский вопрос в ООН».

В Объединенных Нациях план западных держав, в частности Соединенных Штатов и Великобритании, в отношении Кашмира был, как и следовало ожидать, идентичен плану, изложенному лордом Маунтбэттенем во время его переговоров с премьер-министрами Индии и Пакистана. За два дня до того как Гопаласвами Айянгар изложил Совету Безопасности жалобу Индии, содержание этого плана коротко и ясно было изложено агентством Рейтер:

«Полагают, что большинство стран — членов ООН выскажется в пользу предложения о проведении в Кашмире плебисцита под покровительством Объединенных Наций». («Бомбей кроникл», 14 января 1948 года.)

Таким образом, вопрос о плебисците был поднят и выдвинут на первый план в ООН искусственно, истинный же характер проблемы был затупеван. Одновременно с этим в качестве неотъемлемой части предложения было выдвинуто требование о создании в Кашмире «нейтральной администрации» для «наблюдения» за «беспристрастным проведением плебисцита». Состав ООН, в котором большинство голосов принадлежало странам

англо-американского блока, ясно говорил о том, что подобная администрация будет находиться под господством империалистов.

Империалисты рассчитывали на то, что после того как в Кашмире будет твердо установлена англо-американская администрация, прикрывающаяся плащом Объединенных Наций, она захватит в свои руки, как в шупальца осьминога, политические, экономические и культурные органы княжества и, по существу, будет играть роль правительственной власти. В случае возникновения необходимости, эта администрация смогла бы в любой момент ввести в Кашмир под тем или иным предлогом иностранные вооруженные силы и, таким образом, превратить эту занимающую важное стратегическое положение страну в военную базу против Советского Союза и в удобный плацдарм против народов Индии и Пакистана. Уже через десять дней после передачи кашмирского вопроса в Совет Безопасности сенатор Уоррен Остин недвусмысленно заявил о намерении послать в Кашмир иностранные вооруженные силы. Об этом сообщил из Нью-Йорка корреспондент газеты «Нейшнл геральд»:

«Во время личных и конфиденциальных переговоров он [сенатор Уоррен Остин] проявлял интерес к таким подробностям, как, например, может ли потребоваться для обуздания Пакистана армия и как можно скомплектовать вооруженные силы, которые находились бы под покровительством Объединенных Наций». («Нейшнл геральд», 10 января 1948 года.)

Министр иностранных дел Пакистана Зафрулла-хан еще в самом начале конфликта выдвинул идею о том, каким образом можно осуществить посылку в Кашмир войск империалистических держав:

«Зафрулла-хан указал, что для прекращения военных действий в Кашмире необходимо, чтобы обе воюющие стороны вывели с территории княжества все свои войска, в том числе и добровольческие части, и чтобы в княжество были введены *международные войска* для охраны законности и порядка...

Министр иностранных дел обсуждал вопрос *о посылке международных вооруженных сил* и о роли Объединенных Наций в разрешении конфликта». (Заметки о

неофициальной встрече представителей Колумбии и США с министром иностранных дел Пакистана, состоявшейся 18 июля 1948 года в Карачи.)

Таким путем планы империалистических держав о превращении Кашмира в военную базу могли быть представлены мировому общественному мнению в таком виде, будто их проведение в жизнь вызвано необходимостью разрешения вопроса о присоединении княжества к одному из двух доминионов. План, мнимо направленный на разрешение серьезного конфликта между Индией и Пакистаном, мог достигнуть своей подлинной цели, то есть дать возможность Соединенным Штатам и Англии захватить Кашмир «мирным путем», не прибегая к оружию. То, чего английским империалистам не удалось добиться посредством прямого вооруженного нападения на племена, теперь намеревались достигнуть безболезненно, посредством ООН, которая быстро превращалась во вспомогательный орган государственного департамента США.

Как указывалось выше, другим важным фактором, влиявшим на западные державы при составлении ими стратегического плана, в основе которого лежало проведение плебисцита, было разжигание вражды между Индией и Пакистаном. Западные державы знали, что неопределенность в вопросе о присоединении Кашмира в будущем либо к Индии, либо к Пакистану испортит добрососедские отношения между ними и облегчит иностранное «посредничество» и установление господства над обоими государствами. Выходящая в Карачи газета «Доон», являвшаяся в то время полуофициальным органом правительства, признала в редакционной статье, что английские империалисты используют кашмирский спор как мощное оружие, чтобы сеять раздор между Индией и Пакистаном:

«Империализм вообще неразборчив в средствах, и в частном случае с Кашмиром конфликт был произвольно создан английскими империалистами, причем Англия сохраняет тактическое господство как над Бхаратом, так и над Пакистаном, по очереди заигрывая то с одним, то с другим. Уже неоднократно писалось о той роли, которую играл лорд Маунтбэттен в создании в Кашмире такого положения, которое способствовало бы возникновению постоянных раздоров между Бхаратом и Пакиста-

дом... На протяжении последних четырех с половиной лет Англия вела себя таким образом, что не только не помогла разрешению конфликта, а, наоборот, обостряла его». («Доон», 4 июля 1952 года.)

Напряженность отношений между Индией и Пакистаном можно было бы использовать для раскола движения народных масс этих стран и для отвлечения внимания народа от вопросов национальной независимости, демократии и мира.

Наконец, своей стратегией плебисцита иностранные державы рассчитывали подорвать единство Национальной конференции и таким образом ослабить народные силы внутри Кашмира. Этого можно было достигнуть путем сохранения в течение длительного времени неопределенного положения в Кашмире при одновременной постановке вопроса о присоединении Кашмира к Индии, а не к Пакистану, чтобы таким образом отвлечь простой народ от борьбы за национальное освобождение и экономическое благосостояние.

Глава девятая

СОВЕТ БЕЗОПАСНОСТИ ИЗЛАГАЕТ СВОИ ДОВОДЫ

Меморандум, представленный индийским правительством 31 декабря 1947 года Совету Безопасности, был изложен просто и ясно. В нем указывалось, что факты заставляют прийти к следующим бесспорным выводам:

а) что Пакистан пропускает через свою территорию отряды племен, вторгающиеся в Кашмир;

б) что этим отрядам предоставлена возможность использовать территорию Пакистана в качестве базы для военных операций;

в) что большая часть вооружения, средств транспорта и военных материалов (в том числе и горючего) получена отрядами от Пакистана;

г) что пакистанские офицеры обучают эти отряды, командуют ими и оказывают другую помощь.

Поэтому Индия просила Совет Безопасности предложить правительству Пакистана запретить своим военным и гражданским служащим участвовать во вторжении или содействовать этому вторжению, а также не пропускать вторгшиеся отряды через свою территорию и использовать ее в качестве базы для военных операций против Кашмира.

15 января 1948 года Гопаласвами Айянгар, открывая обсуждение жалобы Индии, просил Совет Безопасности воспользоваться своим влиянием, чтобы изгнать захватчиков из княжества Кашмир и таким образом положить конец военным действиям:

«Мы передали в Совет Безопасности простую и ясную просьбу. Вывод и изгнание с территории Кашмира вторгшихся отрядов, немедленное прекращение военных действий — вот вопросы, рассмотрение которых является нашей *первой и единственной задачей*».

Формулировка жалобы Индии и бесспорно установленный факт, что вторжение действительно имело место,

давали основание рассчитывать, что Совет Безопасности признает истину и немедленно примет меры для исправления зла. Вместо этого, к изумлению Кашмира, Совет Безопасности отмахнулся от жалобы Индии, извратил и исказил очевидные факты и скрыл истину. Вместо того чтобы обвинить захватчиков и потребовать от них освобождения территории Кашмира, англо-американское большинство в Совете Безопасности провело 17 января резолюцию, почти не затрагивавшую сути проблемы и, что еще хуже, ставившую на равную ногу захватчиков и их жертву. Кроме того, резолюция отражала стремление разоружить кашмирский народ в борьбе с вооруженными бандами. Резолюция предлагала просить Индию и Пакистан «немедленно принять все имеющиеся в их распоряжении меры, включая призыв к населению, чтобы улучшить положение, и воздержаться от каких-либо заявлений, мероприятий или разрешения на проведение мероприятий, которые могли бы ухудшить положение». Советский представитель Андрей Громыко разоблачил явное лицемерие людей, выдвинувших эту резолюцию:

«Этот новый жест ничего не может добавить к тому, что уже сделано... Нам нужна резолюция, которая будет касаться сути дела и поможет восстановить хорошие отношения между двумя правительствами».

Стремясь избежать обсуждения жалобы Индии по существу, с тем чтобы создать основу для принятия своей версии и своего метода разрешения кашмирского спора, западные державы предложили организовать встречу делегатов Индии и Пакистана с председателем Совета Безопасности, чтобы найти «какую-либо основу для урегулирования». Как впоследствии указал Зафрулла-хан, во время этих переговоров было выдвинуто предложение об установлении в Кашмире на время проведения плебисцита «нейтральной» и «беспристрастной» власти. Эти переговоры фактически были рассчитаны не на то, чтобы улучшить взаимоотношения между Индией и Пакистаном или побудить племена прекратить вторжение, а на то, чтобы установить в Кашмире иностранную администрацию. Но переговоры ни к чему не привели, так как Индия отказалась принять это предложение. Гопаласвами Айянгар попрежнему настаивал на том, что главная задача Совета Безопасности — потребовать удаления

с территории Кашмира вторгшихся отрядов и добиться прекращения военных действий.

Когда западным державам стало известно отношение Индии к их предложению, они поспешили придать ему более завуалированную и коварную форму. Под видом искренних «посредников» они поручили председателю Совета Безопасности Лангенхове (Бельгия) выдвинуть резолюцию, предусматривающую создание комиссии ООН в составе трех членов. Был намечен такой состав комиссии, который легко позволил бы превратить ее из органа Совета Безопасности в орган держав англо-американского блока. Андрей Громыко, указав в виде примера на опыт работы комиссии по индонезийскому вопросу, разоблачил подлинный характер предполагаемой комиссии и предупредил, что она может превратиться в орудие господствующего в Совете Безопасности блока. Он сказал:

«Хотя это делает ее формально комиссией Совета Безопасности, но в действительности она будет работать независимо от него и будет иметь с ним лишь «бумажную связь». Как это имело место с комиссией по индонезийскому вопросу, она будет работать самостоятельно и лишь изредка будет докладывать Совету Безопасности».

Стремясь предотвратить эту опасность, советский делегат предложил, чтобы комиссия состояла из членов Совета — трех, пяти или всех одиннадцати его членов. Но это предложение было отвергнуто большинством Совета Безопасности.

Добившись согласия Индии на создание комиссии, находящейся под руководством империалистов, английский и американский представители официально внесли в Совет Безопасности план проведения плебисцита и создания «беспристрастной» администрации. 29 января 1948 года Лангенхове выдвинул две резолюции. В первой было сказано, что «судьба Кашмира должна быть решена путем плебисцита под *международным контролем*, что обеспечит беспристрастность его проведения». Во второй резолюции, являвшейся дополнением к первой, содержалось указание, что комиссия должна взять на себя такие функции, «которые будут способствовать прекращению актов враждебности и насилия и которые

по своему характеру будут требовать немедленного осуществления». Обе эти резолюции были составлены с таким расчетом, чтобы они играли роль мандата, уполномочивающего комиссию считать проведение плебисцита под «международным контролем» — иными словами, под контролем Англии и США — своей главной задачей.

Английские и американские делегаты поспешили убедить большинство в Совете Безопасности, что подобное «разрешение» кашмирского вопроса оправдано существующим в княжестве положением. Для этого им было необходимо изобрести факты и события, каких в действительности никогда не существовало. Была широко применена техника «большой лжи». Кашмир, к своему ужасу, узнал, что Ноэль-Бэйкер и Уоррен Остин утверждают, сидя в роскошных залах Совета Безопасности, на расстоянии многих тысяч миль от театра военных действий, что вторгшиеся племена прибегли к агрессии вследствие того, что их тревожило тяжелое положение мусульманского населения Кашмира и что их можно убедить уйти *только* в том случае, если им будет дана гарантия, что судьба их собратьев будет решена путем свободного и беспристрастного плебисцита. Уоррен Остин заявил Совету Безопасности:

«Как вы можете заставить племена уйти? Мирное урегулирование возможно лишь в том случае, если они будут знать, что временное правительство гарантирует справедливый плебисцит...» («Таймс оф Индия», 2 февраля 1948 года.)

Ноэль-Бэйкер подробно разъяснил и дополнил «слова хозяина»:

«Самое главное — это плебисцит... Плебисцит является жизненно важной частью всего урегулирования.

Этот плебисцит должен *внушить доверие всем и в том числе тем, кто сражается. Поэтому я вместе с остальными членами комиссии прихожу к заключению, что необходимо создать беспристрастную временную администрацию*». («Таймс оф Индия», 7 февраля 1948 года.)

Конечная цель, скрывавшаяся за планом проведения плебисцита под контролем «нейтральной» администрации, состояла в том, чтобы установить над Кашмиром прямое господство Соединенных Штатов и Англии. Вследствие этого главным требованием западных держав

в Совете Безопасности стало не только проведение плебисцита, но и установление в Кашмире «нейтральной» (то есть империалистской) администрации. Корреспондент лондонской «Таймс» сообщал из Лейк-Саксенса:

«Теперь, как и прежде, решающим остается вопрос, *каким образом* должен быть проведен плебисцит о присоединении Кашмира либо к Индии, либо к Пакистану» («Таймс», 6 февраля 1948 года.)

Канадская газета «Дейли стар», выходящая в Монреале, писала 7 февраля 1948 года:

«До сих пор все направленные на примирение спорящих сторон предложения были сосредоточены вокруг вопроса *об установлении нейтральной власти для управления Кашмиром*».

Главным инициатором требования скорейшего установления администрации как предварительного условия проведения так называемого «беспристрастного плебисцита» в Кашмире, был Уоррен Остин. Он говорил:

«Что касается средств и методов создания таких условий, то надо организовать временное правительство, настолько свободное от всякой воинственности, настолько беспристрастное и безупречное, насколько две такие страны, как Индия и Пакистан, в состоянии этого достигнуть, — правительство, в справедливость действий которого будет верить остальной мир».

Американский делегат требовал в виде обязательного условия создания такого правительства, которое было бы послушным орудием в руках Англии и Соединенных Штатов, господствующих в Совете Безопасности:

«Это правительство должно быть настолько беспристрастным, насколько это вообще возможно, причем обе страны могут пожелать, чтобы оно действовало под эгидой Совета Безопасности». («Нью-Йорк геральд трибюн», 24 января 1948 года.)

Вернувшись из Лейк-Саксенса в Кашмир, шейх Абдулла заявил, что Англия и США намерены создать такое правительство, которое будет состоять из представителей нескольких иностранных держав:

«Уоррен Остин настаивал на установлении в Кашмире нейтральной администрации, в которую, как он откровенно сказал, войдут несколько членов Совета Безопасности». («Хидмат», 28 апреля 1948 года.)

Против обеих резолюций выступил Аянгар, заявивший, что единственная задача Совета Безопасности — это добиться изгнания вторгшихся племен и скорейшего прекращения военных действий. Он еще раз высказал свою прежнюю точку зрения относительно того, что будущее княжества Кашмир не является предметом спора. Аянгар просил прервать рассмотрение вопроса на сессии Совета Безопасности, чтобы он смог съездить в Индию для консультации со своим правительством. Эта простая просьба вызвала в Совете Безопасности целую бурю. Английские и американские делегаты и их сателлит — делегат Колумбии Альфонсо Лопес пришли в неопишущую ярость. Отбросив весь дипломатический этикет и декорум, они открыто попрекали и высмеивали представителя Индии, пустив в ход оскорбления и клеветнические измышления. Газета «Нью-Йорк таймс» сообщала, что они были едины в своем мнении, которое можно охарактеризовать словами: «Вы не можете ездить домой каждый раз, когда вам этого захочется». Делегат Колумбии гремел:

«Заявив о своем намерении уехать, не выяснив предварительно мнения Совета Безопасности, Аянгар тем самым проявил пренебрежение к Совету. В целях поддержания своего достоинства Совет должен собраться завтра же и продолжать заседания до тех пор, пока не придет к решению». («Дейли стар», 1 февраля 1948 года.)

Возмущенный этими оскорбительными выпадами Аянгар запротестовал:

«К моей стране отнеслись не с тем уважением, на которое она имеет право. Простая просьба предоставить время для консультации с правительством была воспринята с большим подозрением. Сегодня мне было сказано слишком много колкостей». («Нью-Йорк таймс», 12 февраля 1948 года.)

Покинутый своим английским коллегой, от которого он в сильной степени зависел, и высмеянный остальными делегатами Аянгар нашел поддержку лишь со стороны делегата Украины Тарасенко. Выступив в прениях, Тарасенко разоблачил действия империалистов:

«Не может быть никаких сомнений в том, что необходимо объявить перерыв. Совет не должен даже пытаться

ограничить время перерыва, ибо он не может установить, какое время потребуется для консультации с правительством. Если англо-американское большинство не желает согласиться с этой ясной и простой просьбой, то пусть откажет в ней открыто. Эта просьба должна быть поставлена на голосование и голоса зарегистрированы». («Пиплз эйдж», 29 февраля 1948 года.)

Лишь после вмешательства Тарасенко Совет Безопасности дал согласие на перерыв. Но для того чтобы держать Индию в повиновении, Совет оставил за собой право возобновить обсуждение вопроса при участии или без участия Айянгара, если этого пожелает и найдет целесообразным англо-американское большинство в Совете.

«Это решение, воспринятое всеми с чувством облегчения, оставляло за Советом право возобновить обсуждение вопроса в любое время, при участии или без участия Айянгара, если этого потребуют известия, которые будут получены из Кашмира». («Дейли стар», 11 февраля 1948 года.)

Первый этап обсуждения кашмирского вопроса в Совете Безопасности ясно свидетельствовал о том, что Соединенные Штаты и Англия сделали все возможное, чтобы отмахнуться от жалобы Индии и уклониться от ясного и простого ответа. Ход обсуждения показал также, что они были заинтересованы лишь в том, чтобы использовать передачу кашмирского спора в Совет Безопасности для установления в Кашмире своей собственной администрации под предлогом наблюдения за так называемым «беспристрастным плебисцитом», по вопросу о котором ни Индия, ни народ княжества Джамму и Кашмир никогда не обращались в Организацию Объединенных Наций. Эти выводы настолько напрашивались сами собой, что Пандит Неру обвинил державы англо-американского блока в «нежелании рассмотреть прямой вопрос, поставленный перед ними», и в стремлении подойти к кашмирской проблеме «не по существу, а с точки зрения использования ее в интересах политики силы». Выступая в Джамму, Неру сказал:

«Вместо того чтобы честно и прямо обсудить и решить этот вопрос, страны мира, входящие в состав Совета Безопасности, запутались в политике силы».

Исходя из такой позиции стран англо-американского блока естественно было бы ожидать, что правительство Индии пересмотрит свое решение о передаче кашмирского вопроса в Совет Безопасности и придет к неизбежному выводу, что он должен быть немедленно снят с повестки дня Совета и решен за его рамками и без его участия. Однако индийское правительство продолжало возлагать надежды на решение этой проблемы Советом Безопасности, находящимся под господством Соединенных Штатов. Оно продолжало свою политику отказа от урегулирования кашмирского вопроса вне рамок Совета Безопасности.

Тем не менее индийское правительство действительно заняло по отношению к империалистическим державам позицию противодействия по некоторым жизненно важным и основным вопросам — например, по вопросу об установлении «нейтрального» правительства. Такая позиция Индии по вопросу, имеющему огромное значение и задевающему самую жизнь и судьбу Кашмира и его национального движения, *в тот период* мешала осуществлению непосредственной цели империалистов. Но сама по себе такая позиция противодействия была неспособна свести на нет весь план США и Англии. Уверенность индийского правительства в том, что Совет Безопасности сможет разрешить кашмирскую проблему, несмотря на отдельные разногласия по жизненно важным вопросам, дала возможность Англии и Америке *продолжать* свое вмешательство в дела Кашмира. После возвращения Айянгара в Лейк-Саксесс этот факт и его последствия обнаружались с полной ясностью.

Глава десятая

АНГЛИЯ И АМЕРИКА РАЗРАБАТЫВАЮТ ПЛАН

Позиция, занятая Соединенными Штатами и Англией в кашмирском вопросе, вызвала в Кашмире и Индии глубокое возмущение. Демократическое общественное мнение, особенно в Кашмире, быстро начало понимать истинные намерения этих держав. Как писала газета «Таймс» 14 февраля 1948 года:

«Оборот, который приняло обсуждение вопроса в Лейк-Саксесе, нанес общественному мнению Индии тяжелый удар».

Кингсли Мартин писал в телеграмме, напечатанной в журнале «Нью стейтсмен энд Нейшн»:

«Индия заслуживала, чтобы ее жалоба была честно рассмотрена, а не обойдена... Отказ Совета Безопасности рассмотреть содержащийся в ней прямой вопрос заставил почти всех в Индии убедиться, что проблема Кашмира была рассмотрена не по существу, а с точки зрения использования ее в интересах политики силы. В частности, одним из основных факторов, как передают, была заинтересованность Англии и Соединенных Штатов в *базах на территории Пакистана*». («Нью стейтсмен энд Нейшн», 20 февраля 1948 года.)

Лорд Маунтбэттен видел, что в Индии растет недовольство и раздражение позицией, занятой Советом Безопасности в отношении кашмирского вопроса:

«Сегодня [17 февраля 1948 года] на заседании штаба Маунтбэттен сделал обзор положения в Кашмире, которое внушает тревогу. Передача спора Объединенным Нациям устранила по крайней мере непосредственную угрозу войны, но возникает *новая опасность*, реальность которой яснее видна нам здесь, в Дели, чем нашему правительству в Лондоне или делегатам в Лейк-Саксесе. В умах членов индийского правительства и представителей политически сознательных слоев общества зароди-

лись различные подозрения. В конечном итоге эти подозрения могут развиваться в широкое прямое наступление против существующих между Индией и Англией добрососедских отношений.

Во-первых, общественное мнение смущено тем, что Объединенные Нации медлят с принятием основной жалобы Индии, утверждающей, что в Кашмире имел место акт агрессии. Это утверждение рассматривается здесь не как простая формальность, а как основной пункт жалобы; именно отсюда проистекает угроза миру, для устранения которой была создана Организация Объединенных Наций. В результате растет подозрение, что ООН *превращается в трибуну, которую используют для осуществления международной политики силы*. В доказательство этого приводится ставшая достоянием гласности позиция американского и английского делегатов Уоррена Остина и Ноэль-Бэйкера. Многие их обвиняют в том, что они по ряду вовсе не заслуживающих одобрения причин открыто поддерживают Пакистан.

Как естественная реакция подобного разочарования, искренне ощущаемого всем народом, распространяется уверенность, что Индии приходится надеяться главным образом на помощь — будь то в отношении посредничества или даже вето — со стороны Советской России и примыкающих к ней государств»¹. (Курсив мой.— В. К.)

Маунтбэттен быстро реагировал на такое развитие событий, пустив в ход ловкий маневр. Он изменил *форму* неприемлемых пунктов резолюции Совета Безопасности, вызывавших недовольство Индии, сделал одну или две незначительные уступки, инсценировал тактическое отступление, но сохранил самую сущность планов.

«Маунтбэттен озабочен, так как чувствует, что Эттли и Ноэль-Бэйкер, повидимому, не проявляют достаточного понимания психологического влияния, которое оказывает этот конфликт, и не понимают, что их попытка беспристрастного правосудия приводит к неуклюжей дипломатии. Суть проблемы для Лондона заключается в нежелании Индии признать, что плебисцит, проведенный под

¹ Campbell-Johnson Alan, Mission with Mountbatten, p. 286, 287.

покровительством Абдуллы и при поддержке одних лишь индийских войск, даже если в его организации примет участие Совет Безопасности, не будет считаться отвечающим требованию о беспристрастном проведении его. По мнению Маунтбэттена, делегат Соединенного королевства мог бы с успехом придерживаться менее враждебной линии по отношению к Индии, поддержав ту точку зрения, что первым шагом Пакистана должно быть прекращение оказания помощи вторгшимся отрядам. *Вопрос о наблюдении за плебисцитом без вмешательства в действия законного правительства заслуживал, как полагал Маунтбэттен, более сочувственного обсуждения и отношения, чем он до сих пор встречал*¹ (курсив мой. — В. К.).

Пресс-атташе Маунтбэттена написал вышеприведенные слова 17 февраля 1948 года, а 7 марта в сообщении из Лейк-Саксенса говорилось, что будет предпринята попытка по-новому подойти к кашмирской проблеме, причем спорный вопрос о создании в Кашмире временной администрации будет, возможно, разрешен путем расширения правительства шейха Абдуллы на более широкой политической основе. (Газета «Стейтсмен», 8 марта 1948 года.)

Новый проект Маунтбэттена нашел конкретное и формальное выражение в резолюции, внесенной в Совет Безопасности 18 марта представителем гоминьдана Цзян Тин-фу.

Резолюция предусматривала, что 1) правительство Пакистана приложит все усилия, чтобы добиться ухода из Кашмира вторгшихся племен и не допустить дальнейших набегов племен на Кашмир; 2) правительство Индии соглашается на постепенный вывод из Кашмира *тех* своих войск, которые *не* нужны для обеспечения обороны и безопасности; 3) плебисцит будет проведен представителями ООН, назначенными генеральным секретарем ООН; 4) во временном правительстве Джамму и Кашмира должны быть «соответственно представлены все существующие в княжестве крупные партии и политические группы».

¹ Campbell-Johnson Alan Mission with Mountbatten, p. 287.

При внимательном изучении пунктов резолюции становится совершенно ясно, что большинство Совета Безопасности не отошло в основном от своей главной *стратегической линии*, намеченной в то время, когда кашмирский вопрос был впервые поставлен на обсуждение Совета. Проведение плебисцита под контролем Объединенных Наций, как и прежде, оставалось главной целью империалистов. В этом отношении авторы резолюции не отступили ни на йоту от своих прежних предложений, против которых так решительно и упорно возражала Индия на первом этапе рассмотрения вопроса в Совете Безопасности. Однако резолюция содержала кое-какие *изменения* по некоторым существенным вопросам. Она признавала — правда, лишь молчаливо — утверждение Индии, что Пакистан оказывает помощь захватчикам и что поэтому необходимо заставить его прекратить подобные действия. Резолюция разрешала Индии оставить в Кашмире часть своих войск. В ней было изменено выдвигавшееся вначале требование отставки правительства Национальной конференции и замены его «беспристрастным» правительством, назначаемым большинством Совета Безопасности.

Уоррен Остин и Ноэль-Бэйкер упорно настаивали на первом требовании по двум причинам: во-первых, это дало бы англичанам и американцам возможность навязать Кашмиру свое прямое господство; во-вторых, раз и навсегда было бы отстранено от власти правительство Национальной конференции, мешавшее осуществлению планов империалистов. Но подобное требование вызвало глубокое негодование правительственных кругов и народа Индии. Поэтому, чтобы сделать выдвинутое требование приемлемым для Индии, сочли нужным облечь его в более презентабельную форму. В соответствии с этим первую цель, которую преследовало требование, попытались осуществить посредством назначения «администрации по проведению плебисцита» в составе представителей Объединенных Наций и в последующем добиться полного подчинения ей законного правительства.

Как писала 20 апреля 1948 года лондонская «Таймс»: «Вопрос об администрации по проведению плебисцита, вероятно, будет более всего препятствовать Индии принять этот план, ибо это обяжет ее фактически отме-

нить власть кашмирского правительства над вооруженными и полицейскими силами Кашмира и передать ее органу, который, номинально являясь частью правительства, фактически будет ответственным перед Советом Безопасности».

Второй цели империалисты стремились достичь путем уничтожения народного характера правительства Национальной конференции посредством включения в правительство проимпериалистических элементов «Свободного Кашмира» («во временном правительстве Джамму и Кашмира должны быть соответственно представлены все существующие в княжестве крупные партии и политические группы»).

Таким образом, проводя в жизнь основную стратегическую задачу подчинения Кашмира прямому господству Соединенных Штатов и Англии, резолюция Цзян Тин-фу заменила первоначальный план открытой ликвидации правительства Национальной конференции и создания правительства Совета Безопасности альтернативным планом навязывания Кашмиру администрации по проведению плебисцита, стоящей над законным правительством при одновременной нейтрализации или даже уничтожении народно-демократического характера правительства Национальной конференции. Это было именно то, что фактически имел в виду Маунтбэттен, когда говорил о «наблюдении за проведением плебисцита без вмешательства в действия законного правительства».

Индия попала в приготовленную Маунтбэттенем ловушку, тщательно и умело расставленную английскими и американскими делегатами в Лейк-Саксессе. «Если можно так выразиться, — сказал вернувшийся в Лейк-Саксесс Айянгар, — проект резолюции Цзян Тин-фу от 18 марта является *смелой попыткой* достигнуть такого компромисса, стремление к достижению которого нашло свое выражение в проекте пункта об урегулировании, приемлемом для обеих сторон. Эта резолюция вывела обсуждение вопроса из той колеи, в которую он попал в результате выдвигавшихся в январе и феврале мнений и доводов». Айянгар закрыл глаза на те пункты резолюции, которые нарушали суверенитет Кашмира и преследовали цель подчинить правительство Национальной конференции диктату администрации по проведению пле-

бисцита. Сам Аянгар признал, что механизмом проведения плебисцита должен «управлять» руководитель совместно с несколькими делегатами, назначенными генеральным секретарем ООН, причем этому механизму должна быть предоставлена *максимальная независимость*. Даже в тот момент Аянгар все еще верил, что суверенитет кашмирского правительства останется в неприкосновенности.

Газета «Хиндустан таймс», довольная резолюцией, отозвалась о ней «как о первой серьезной попытке разрешить конфликт на разумной и реальной основе», добавив при этом, что «главные пункты резолюции таковы, что они могут и должны быть приняты миролюбивыми и уважающими себя странами».

Когда стала известна точка зрения индийского правительства в отношении данной резолюции, торжествующие делегаты Англии и США и делегаты стран-сателлитов немедленно устроили совещание и выдвинули новую резолюцию. Эта резолюция по существу ничем не отличалась от прежней, но в ней были более детально определены полномочия администрации ООН по проведению плебисцита и степень предоставляемого этой администрации контроля над вооруженными силами и полицией Джамму и Кашмира. Резолюция предусматривала также, что администрация будет иметь право назначать судей, действующих в рамках юридической системы княжества. Вот основные положения новой резолюции:

«1. Правительство Индии должно дать обязательство, что княжество предоставит администрации по проведению плебисцита такие полномочия, какие последняя сочтет необходимыми для проведения справедливого и беспристрастного плебисцита, включая руководство и контроль над вооруженными силами и полицией княжества при условии, если это руководство осуществляется в целях успешного проведения плебисцита.

2. Правительство Индии должно дать обязательство, что правительство Джамму и Кашмира назначит вполне правомочных лиц, указанных администрацией по проведению плебисцита, в качестве специальных судей в рамках юридической системы княжества для разбора дел, которые, по мнению администратора по проведению плебисцита, будут оказывать серьезное влияние на подго-

товку и проведение свободного и беспристрастного плебисцита».

Далее резолюция обязывала правительство княжества освободить всех политических заключенных, имея при этом в виду архиреакционных членов религиозных общин — сторонников империалистов из числа приспешников бывшего премьер-министра Рам Чандра Кака и другие антинародные элементы, которыми, собственно, и ограничивался круг лиц, арестованных правительством Национальной конференции после того, как оно пришло к власти в октябре 1947 года. Резолюция также предусматривала увеличение числа членов комиссии ООН по Индии и Пакистану с трех до пяти.

Правительство Индии чрезвычайно бурно реагировало на новую резолюцию, когда получило ее полный текст. Айянгар не сумел распознать подлинный смысл и раскрыть неприемлемый характер резолюции Цзян Тин-фу, которую он превозносил как «смелую попытку достигнуть компромисса». Когда же ее истинный смысл и цель обнаружились совершенно ясно в форме новой резолюции, представитель Индии, по указанию индийского правительства, решил ее отвергнуть. Пандит Неру поручил Айянгару категорически отклонить резолюцию и заявить против нее энергичный и решительный протест. Но хитрый английский генерал-губернатор поспешил воспользоваться своим влиянием, чтобы смягчить позицию Неру и ослабить его протест. Одновременно Маунтбэттену удалось убедить Неру изменить свое отношение к комиссии ООН по Кашмиру и позволить ей приехать в Индию.

«Сначала реакция Неру была резко отрицательной. Вчера он написал Маунтбэттену письмо, в котором характеризовал резолюцию как нечто совершенно отличное от первоначальной резолюции Цзян Тин-фу. Неру доказывал, что эта резолюция отвергает все положения, выдвинутые делегатом Индии. «Единственный путь, открытый теперь для индийского правительства, — угрожающе добавил он, — это путь полного противодействия резолюции». Маунтбэттен ответил, что, по его мнению, в новой резолюции совсем не содержится — или, во всяком случае, содержится очень мало — существенных изменений...

Сначала Неру, повидимому, твердо решил послать Айянгару инструкцию отклонить резолюцию в целом, но Маунтбэттену с его непреодолимым упорством и умением использовать в споре все доводы в конце концов удалось преодолеть возражения Неру и убедить его сформулировать их в четырех пунктах. При анализе этих четырех пунктов видно, что три из них отражают стремление Индии не допустить уничтожения власти шейха Абдуллы. Маунтбэттену также удалось добиться от Неру разрешения на въезд в Индию предполагаемой комиссии по проведению плебисцита»¹.

21 апреля 1948 года, несмотря на возражения Индии, резолюция была принята англо-американским большинством Совета Безопасности.

Принятие этой резолюции представляло собой прямое наступление на суверенитет Кашмира, на его национальное движение и правительство. Поэтому резолюция вызвала в Кашмире сильное противодействие и Генеральный совет Национальной конференции отверг ее целиком:

«Генеральный совет Национальной конференции считает, что принятие резолюции является очередным проявлением политики силы, которую Совет Безопасности начал проводить с момента своего возникновения. Как только вопрос о Кашмире был передан на рассмотрение Совета Безопасности, некоторые члены Совета всеми силами стремились использовать этот вопрос в собственных целях... Некоторые члены Совета даже предлагали, чтобы Совет Безопасности непосредственно участвовал в управлении Кашмиром.

Генеральный совет хочет раз и навсегда разъяснить, что не потерпит посягательства с чьей-либо стороны на недавно завоеванную свободу, которой народ добился в результате ожесточенной борьбы, длившейся более семнадцати лет... Генеральный совет призывает народное правительство вооружить народ и немедленно принять меры для мобилизации всей страны на выполнение этой задачи».

¹ Campbell-Johnson Alan, Mission with Mountbatten, p. 316, 317.

Хотя резолюция от 21 апреля была отвергнута, правительство Индии в результате договоренности между Неру и Маунтбэттенем приветствовало решение Совета Безопасности послать комиссию в Индию, Пакистан и Кашмир. «Правительство Индии сожалеет, — писал 5 мая 1948 года премьер-министр Неру председателю Совета Безопасности, — что оно не может провести в жизнь те части резолюции, против которых возражала его делегация. После совещания со своей делегацией индийское правительство полностью поддержало эти возражения. Если Совет все же решил послать комиссию... правительство Индии будет радо обсудить с ней положение». В другом письме, датированном 5 июня, Пандит Неру подтвердил свою прежнюю готовность к сотрудничеству, но заявил, что «не может быть и речи о проведении комиссией в жизнь резолюции о Кашмире, пока не будут приняты в приемлемом для нас смысле возражения, выдвинутые индийским правительством». Он также добавил, что «если комиссия посетит Индию, то индийское правительство хотело бы заранее знать, какой вопрос или вопросы она пожелает с ним обсудить».

Ни у кого не вызывал сомнения тот факт, что комиссия будет опираться в своем «посредничестве» исключительно на решения, изложенные в резолюции от 21 апреля. Однако комиссия полагала, что многократное повторение этих решений может оскорбить Индию и изменить в худшую сторону отношение Неру к приезду комиссии в Индию. Поэтому она дала уклончивый ответ на запрос премьер-министра Индии. Когда Неру потребовал более настойчиво ответить на его запрос, комиссия снова уклонилась от ответа, заявив, что она «направляется в Индию и Пакистан, имея в виду мирное урегулирование положения в княжестве Джамму и Кашмир». Неру поверил этим лицемерным словам и, отбросив все сомнения, обещал комиссии свое сотрудничество:

«Мое правительство отмечает, что комиссия приезжает на полуостров Индостан с самым искренним желанием оказать реальную помощь индийскому правительству, равно как и правительству Пакистана, в вопросе об урегулировании положения в Кашмире... Правительство Индии будет радо обсудить вопрос совместно с ко-

миссией, когда она прибудет в Дели». (Телеграмма, посланная Неру комиссии 26 июня 1948 года.)

Лидеры Национальной конференции и все демократические силы в Кашмире твердо решили протестовать против приезда комиссии в Индию и Кашмир. Но индийское правительство возражало против подобных выступлений и квалифицировало растущее народное возмущение как проявление неуважения к Объединенным Нациям. Лондонская «Таймс» 11 июля 1948 года писала: «Сторонникам шейха Абдуллы было строго приказано воздержаться от враждебных демонстраций».

Под нажимом индийского правительства руководство Национальной конференции пошло на уступки. Торжествуя по этому поводу, лондонская «Таймс» писала 12 июля 1948 года:

«Хотя точка зрения Индийского Союза на существо дела не изменилась, но совершенно ясно, что отношение Индии к комиссии в последние недели несколько смягчилось... Передают, что в Индии комиссия будет принята «вежливо, но не сердечно». Между тем известно, что в самом Кашмире правительство шейха Абдуллы возражает против допуска комиссии на территорию княжества. Предполагают, что народное возмущение может принять там форму демонстраций с черными флагами.

Понимая, что такое отношение вряд ли принесет Индии пользу и будет способствовать ее репутации, особенно ввиду того, что Пакистан, вероятно, намерен тепло приветствовать комиссию, — индийское правительство подробно обсудило этот вопрос и, оставляя в силе свои принципиальные возражения против резолюции Совета Безопасности по кашмирскому вопросу, решило предоставить комиссии во время ее пребывания на территории Индии все необходимое и оказать ей любезный прием».

Значение отношения Неру к прибытию комиссии в Индию было подчеркнуто той же газетой в номере от 8 мая 1948 года:

«В то же время оба правительства дали понять, что они не будут возражать против прибытия на место кашмирской комиссии и, возможно, будут с ней сотрудничать... *Это является наиболее отрадной чертой переговоров.* Если бы оба правительства решили занять

отрицательную позицию, они не назначили бы своих собственных, ими же самими избранных представителей для участия в работе комиссии. Когда нейтральная организация прибудет в Кашмир, то *одно ее присутствие* будет способствовать созданию атмосферы, благоприятной для посредничества» (курсив мой. — В. К.).

Англо-американская интервенция под прикрытием флага Объединенных Наций началась.

Глава одиннадцатая

КОМИССИЯ РАЗРАБАТЫВАЕТ ПЛАН

Гопаласвами Айянгар, возражая против резолюции от 21 апреля, заявил Совету Безопасности:

«Индия вынуждена заявить самый решительный протест против резолюции в том виде, который она приняла в настоящее время. Но если, *вопреки* нашим возражениям и протесту, резолюция все же будет принята, мое правительство должно будет *решить, какую линию поведения в создавшихся условиях оно изберет*. Мое правительство должно будет решить, какую линию оно изберет, чтобы как можно скорее *прекратить военные действия* в Кашмире и затем провести плебисцит».

Эти несколько фраз были полны значения и весьма симптоматичны с точки зрения дальнейшего развития событий в Кашмире, которые определили последующий образ действий комиссии.

В апреле 1948 года индийская армия начала наступательные операции в Дхамму и в Кашмирской провинции с целью захвата Ражури и Музаффарабада. 21 апреля индийская армия вступила в Ражури. Одновременно планировалось наступление двумя колоннами на Музаффарабад.

Англия и Соединенные Штаты боялись, что если этим наступательным операциям, предпринятым сразу же после отказа Индии согласиться на резолюцию от 21 апреля, дать развиваться в широкую, охватывающую все княжество кампанию за изгнание захватчиков, то будет серьезно подорвана *база для их вмешательства* в дела Кашмира и возможность выгодной сделки для них значительно уменьшится. Продолжение оккупации вторгшимися отрядами значительной территории Кашмира —

такова была необходимая предпосылка для успешного вмешательства в дела княжества.

Как было уже указано выше, подобно тому как в момент передачи кашмирского вопроса в Организацию Объединенных Наций Маунтбэттен пытался ограничить наступательные операции индийской армии районом Ури, так и теперь обязательным условием успеха своего будущего вмешательства комиссия считала прекращение наступательных операций индийской армии в провинциях Джамму и Кашмир.

Империалисты действовали быстро. Главнокомандующий пакистанской армией английский генерал Грэйси поднял большой шум по поводу того, что индийская армия угрожает обороне «его» родины (!) и настаивал на необходимости оказать вооруженное сопротивление. Он требовал, чтобы пакистанская армия прямо и открыто вошла в Кашмир:

«Если Пакистан не хочет снова оказаться перед серьезной проблемой беженцев, если мы не хотим допустить, чтобы Индия продвинулась вплотную к Пакистану, если мы не хотим морального разложения среди населения и армии, — необходимо воспрепятствовать продвижению индийской армии за линию Ури». (Из речи Зафруллы-хана, произнесенной им 28 августа 1950 года в пакистанском Институте международных отношений в Карачи.)

Пакистан быстро двинул свою *регулярную армию* в княжество Джамму и Кашмир. До этого времени он только снабжал захватчиков оружием, военными материалами и обеспечивал их командным составом.

Комиссия успешно справилась с дипломатической стороной проблемы. 10 июля, по прибытии в Дели, она просила «обе стороны» воздержаться от наступательных действий. Это определенно было направлено на то, чтобы помешать Индии продолжать осуществление взятого ею курса — захватить Домел и изгнать оккупантов из княжества.

Официальное сообщение гласило:

«Комиссия призвала обе стороны воздержаться от наступательных операций, пока будут происходить переговоры. Правительство Индии немедленно откликнулось на этот призыв, и индийской армии в Кашмире и Джамму

был отдан приказ не предпринимать новых наступательных операций»¹.

Комиссия опасалась, что если она сразу, без предварительной подготовки начнет принуждать Индию согласиться на резолюцию от 21 апреля, это может вызвать у индийского правительства сильное недовольство и оно утвердится в своем намерении изгнать захватчиков с большей части территории княжества Джамму и Кашмир. Во избежание этого комиссия прежде всего поставила перед собой задачу добиться того, чтобы были начаты переговоры о прекращении военных действий. Она полагала, что если будет дана гарантия, что индийская армия не перейдет в наступление, можно будет вынудить индийское правительство согласиться на резолюцию от 21 апреля. Расчет был таков: после прекращения военных действий индийскому правительству не осталось бы другого выхода, кроме как обратиться к вмешательству комиссии, чтобы добиться вывода неприятельских войск из княжества. Тогда комиссия сможет диктовать Индии условия.

Комиссия представила правительствам Индии и Пакистана свои предложения о прекращении военных действий и заключении перемирия, которые были сформулированы и приняты в форме резолюции от 13 августа 1948 года. Вот главные пункты этой резолюции:

1. Всем вооруженным силам, находящимся под индийским и пакистанским командованием, должен быть одновременно отдан приказ о немедленном прекращении военных действий.

2. Оба главных командования должны воздержаться от каких бы то ни было мероприятий, которые могли бы увеличить военный потенциал их армий.

3. «Поскольку в связи с наличием пакистанских войск на территории княжества Джамму и Кашмир в положении княжества произошли существенные изменения после того, как правительство Пакистана впервые изложило Совету Безопасности сложившуюся там обстановку, правительство Пакистана должно вывести свои войска из княжества».

¹ Defending Kashmir, Government of India, 1949, p. 63.

4. Пакистан должен приложить все усилия, чтобы добиться ухода отрядов племен с территории княжества.

5. «До окончательного урегулирования вопроса районы, из которых будут эвакуированы пакистанские войска, должны управляться местными властями».

6. После ухода отрядов племен и вывода пакистанских войск правительство Индии должно начать вывод основной части своих вооруженных сил.

7. «До принятия условий окончательного урегулирования положения в княжестве Джамму и Кашмир индийское правительство сохранит на своей стороне от линии, на которой будет осуществлено прекращение огня, такое количество войск, которое, по согласованию с комиссией, будет признано необходимым для оказания местным властям помощи в целях обеспечения безопасности и поддержания законности и порядка».

8. Военному наблюдателю ООН поручается «контроль над проведением приказа о прекращении военных действий».

9. «Правительства Индии и Пакистана вновь подтверждают свое желание, чтобы вопрос о судьбе княжества Джамму и Кашмир был решен в соответствии с волей народа. Для этой цели после принятия соглашения о перемирии оба правительства согласны обсудить указанный вопрос с комиссией для определения честных и беспристрастных условий, которые обеспечили бы свободное волеизъявление народа».

Во время переговоров с правительствами Индии и Пакистана комиссия успела телеграфировать генеральному секретарю ООН, чтобы тот прислал в Кашмир сорок военных наблюдателей и военного советника в чине генерала. Случилось так, что, когда телеграмма прибыла в ООН, председателем Совета Безопасности был советский делегат Яков Малик. Малик предложил созвать заседание Совета для обсуждения вопроса о назначении наблюдателей. Он внес предложение назначить наблюдателей от всех пяти стран, представленных в комиссии,— Аргентины, Бельгии, Колумбии, Соединенных Штатов и Чехословакии. Приводя в качестве примера Палестину, куда наблюдатели были назначены в равном количестве от трех стран, представленных в комиссии по вопросу о заключении перемирия в Пале-

стине, — Соединенных Штатов, Франции и Бельгии, — советский делегат рекомендовал Совету Безопасности придерживаться того же метода при назначении военных наблюдателей в Кашмир. Все делегаты Совета Безопасности, кроме делегата Украины, высказались не только против этого пожелания, но и против самой идеи созыва заседания Совета.

Посылка иностранных военных наблюдателей в составе представителей армий Соединенных Штатов, Канады, Австралии, Бельгии и Норвегии была важным шагом по пути проведения в жизнь и полного осуществления конечного англо-американского плана подчинения Кашмира господству США и Англии.

Получив резолюцию от 13 августа, правительство Индии потребовало разъяснений некоторых ее пунктов. Два главных вопроса, по поводу которых оно обратилось к комиссии за разъяснениями, касались суверенитета правительства Национальной конференции в районах, расположенных за линией прекращения огня, и будущего административного контроля над важными в стратегическом отношении северными и северо-восточными районами княжества. По первому вопросу Пандит Неру обратился 20 августа к председателю комиссии с письмом, в котором указал, что резолюция не должна быть истолкована и проведена в жизнь в том смысле, что она:

- а) ставит под вопрос суверенитет правительства Джамму и Кашмира над той частью территории, которая была эвакуирована пакистанскими войсками; б) содержит признание правительства так называемого «Свободного Кашмира» или в) дает этой территории возможность в течение срока перемирия укрепиться в каком-либо отношении в ущерб княжеству Джамму и Кашмир.

Неру упомянул также, что председатель комиссии еще раньше разъяснил ему, что «в компетенцию комиссии не входит признание суверенитета какой-либо власти над эвакуированными районами, кроме суверенитета правительства Джамму и Кашмира». В тот же день Неру написал другое письмо, в котором поставил вопрос о малонаселенных горных районах на севере и северо-востоке, требуя, чтобы административный контроль над ними был возложен на правительство Джамму и Кашмира, а Индии было поручено обеспечение их обороны. Единственное

исключение, на которое соглашалось правительство Индии, касалось района Гилгита:

«Власть правительства Джамму и Кашмира над этими районами [северным и северо-восточным] вообще не оспаривалась и не нарушалась никем, кроме разбойничьих банд из враждебных племен, и сохранялась повсюду, кроме таких мест, как Скардо, которые оккупированы нерегулярными частями пакистанской армии. Как вы согласились в ходе нашей беседы [18 августа], комиссия не занимается вопросом управления или обороны этого обширного района. Мы хотим, чтобы после ухода с этой территории пакистанской армии и нерегулярных частей ответственность за управление эвакуированными районами была опять передана правительству Джамму и Кашмира, а за их оборону — нам. (Единственное исключение, на которое мы готовы согласиться, — это Гилгит.) Нам должно быть предоставлено право содержать в выбранных нами пунктах этого района гарнизоны с двойной целью: для недопущения набегов племен, не подчиняющихся никаким властям, и для охраны главных торговых путей, ведущих из княжества Джамму и Кашмир в Центральную Азию».

Прежде чем приступить к рассмотрению этих условий, важно отдать себе отчет, какие огромные последствия имела уступка индийского правительства по вопросу о стратегическом районе Гилгит. Здесь полезно вспомнить, что в числе других пунктов в княжестве Кашмир Гилгит был нужен американскому и английскому правительствам также как плацдарм для войны против Советского Союза. Поэтому вопрос об управлении и обороне этого района имел огромное значение и мог быть решен комиссией лишь в интересах этих двух правительств. Индийское правительство, игнорируя законное требование правительства Кашмира о распространении его суверенитета на этот стратегически важный район, расположенный на границе с Советским Союзом, фактически отдало Гилгит Соединенным Штатам и Англии и их агентам в Пакистане и «Свободном Кашмире». Уместно также отметить, что, когда индийская авиация бомбила взлетно-посадочную площадку и другие военные сооружения в Гилгите, Зафрулла-хан выступил с наивной угрозой, будто Гилгит будет вынужден присоединиться к Советскому Союзу!

«Зафрулла-хан заявил, что другая интересующая Пакистан проблема — это положение Гилгита. Он обсуждал подоплеку отношений Гилгита с английской короной. В конце октября 1947 года представители Гилгита потребовали присоединения к Пакистану, но пакистанское правительство в тот момент не приняло никакого решения. Власти Гилгита неоднократно выдвигали требования, из которых явствовало, что, если Пакистан ничего не предпримет, они будут добиваться присоединения к Советскому Союзу. Несколько дней тому назад он получил сообщение о бомбардировке индийскими военно-воздушными силами города Гилгит. Это не что иное, как бессмысленная жестокость, ибо военных объектов в городе нет. Зафрулла-хан считает, что Пакистану вскоре предложат оказать военную помощь Гилгиту, а в случае отказа Пакистана Гилгит получит большую помощь из другого источника». (Заметки о неофициальной встрече представителей США и Колумбии с министром иностранных дел Пакистана, состоявшейся 18 июля 1948 года.)

В конце концов под нажимом комиссии индийское правительство отказалось от требования о передаче правительству Кашмира управления Гилгитом.

Возвращаясь к рассмотрению резолюции от 13 августа и к разъяснениям, которых пытался добиться Пандит Неру, полезно целиком привести ответы комиссии на два важных письма Неру. На первое письмо председатель комиссии ответил 25 августа 1948 года:

«По поручению комиссии сообщаю вашему превосходительству ее мнение, что толкование резолюции, изложенное в параграфе 4 вашего письма [касательно суверенитета правительства княжества Джамму и Кашмир на территориях, эвакуированных пакистанскими войсками], *совпадает с толкованием комиссии*, так как считается, что, согласно пункту I, местному населению эвакуированных территорий будет предоставлена свобода законной политической деятельности. В связи с этим термин «эвакуированная территория» относится только к тем территориям княжества Джамму и Кашмир, которые в настоящее время находятся под действительным контролем верховного командования Пакистана».

Таким образом, комиссия согласилась с позицией индийского правительства, что суверенитет правительства Кашмира должен быть признан и распространен на территории, оккупированные в данный момент войсками Пакистана и «Свободного Кашмира».

На второе письмо, касавшееся вопроса о контроле над районами, расположенными на севере и северо-востоке, председатель комиссии ответил:

«Комиссия просила меня подтвердить, что в связи с особыми условиями, существующими в этом районе, она в своей резолюции от 13 августа 1948 года не касалась конкретно военной стороны проблемы. Однако она считает, что *вопрос, поднятый в вашем письме, может быть принят во внимание при проведении в жизнь резолюции*».

Казалось бы, что комиссия должна была выполнить обещания, данные Индии. Однако по этим же двум важнейшим вопросам она дала Зафрулла-хану, который также требовал разъяснений и толкований, совершенно противоречивые и диаметрально противоположные заверения. В письме от 6 сентября, адресованном комиссии, Зафрулла-хан сделал поразившее всех заявление, указав, что путем разъяснений (устных), сделанных комиссией пакистанскому правительству, ему дали понять, что резолюция от 13 августа преследовала цель, чтобы «вся территория, находящаяся под властью или контролем пакистанского верховного командования, включая Гилгит и районы, находящиеся под контролем правительства Свободного Кашмира, должна во время перемирия управляться властями, *фактически* осуществляющими контроль над этой территорией в момент прекращения военных действий; состоящие на службе у индийского правительства или правительства княжества Кашмир гражданские или военные лица не имеют права вступать на эту территорию или осуществлять над нею свою власть».

Действия комиссии, напоминавшей двуликого бога Януса, по отношению к правительствам Индии и Пакистана были настолько нелепы, что даже рупор английского крупного капитала — журнал «Экономист» 16 июля 1949 года счел необходимым написать:

«Не будет преувеличением сказать, что переговоры с самого начала пошли по неправильному пути из-за до-

стойной сожаления тенденции комиссии (к счастью, больше эта тенденция не наблюдается) представлять по запросу одной стороны «разъяснения и толкования», не общая их другой».

Эти противоречивые заверения возвращались в комиссию подобно бумерангу. Зафрулла-хан, полагаясь на данные ему устные обещания, писал комиссии в том же письме, что пакистанское правительство согласится на предложения, изложенные в резолюции от 13 августа, на том условии, что «разъяснения и оговорки, данные комиссией правительству Пакистана, будут приняты правительством Индии, а разъяснения и оговорки, если таковые будут даны комиссией правительству Индии, будут приемлемы для правительства Пакистана...» Зафрулла-хан требовал, чтобы Индия безоговорочно согласилась на все условия резолюции от 21 апреля «в том виде, как они были пояснены стороной, выдвинувшей резолюцию». Он требовал также от комиссии *письменного подтверждения*, «вправе ли пакистанское правительство ссылаться на разъяснения, дополнения и гарантии, данные устно комиссией в ходе переговоров». 3 сентября комиссия уже писала Зафрулла-хану, что «после получения ответов на свою резолюцию от обоих правительств она опубликует полный текст резолюции и относящуюся к ней переписку между комиссией и обоими правительствами». Могла ли комиссия в таких условиях повторять в письменном виде гарантии, данные Пакистану устно? Комиссия считала, что подобные действия лишь вызовут недовольство Индии и приведут к серьезным последствиям, которые затруднят достижение непосредственных ее целей. В тот день, когда Зафрулла-хан поднял этот вопрос, комиссия драматически заявила, что нельзя рассчитывать на немедленное проведение в жизнь резолюции от 13 августа. Заявление комиссии положило конец пререканиям. Это было единственное, что могла сделать комиссия, чтобы спасти свой престиж и не допустить дальнейшего осложнения событий. Комиссия также решила выехать в Европу, чтобы подготовить тем временем доклад Совету Безопасности об обстановке, сложившейся в княжестве Джамму и Кашмир. Стремясь выпутаться из неловкого положения, в которое ее поставила неуклюжая выходка Зафрулла-хана, комиссия

взяла свои слова обратно и вежливо написала ему 7 сентября:

«В вашем первом письме от 6 сентября, в котором излагались взгляды вашего правительства на резолюцию комиссии..., вы высказали некоторые предположения и выводы, которые неправильно отражают позицию комиссии и данные ею устно разъяснения...»

Почему комиссия дала Индии и Пакистану противоречивые гарантии? Прежде всего потому, что она стремилась натравить одну сторону на другую и вызвать еще большую напряженность во взаимоотношениях между Индией и Пакистаном; во-вторых, потому, что, дав формальное согласие на все требования обеих сторон, она рассчитывала, что они немедленно примут предложение о прекращении военных действий, ибо это являлось необходимой предпосылкой для более полного и окончательного осуществления англо-американского плана от 21 апреля. Представитель Чехословакии в комиссии ООН по делам Индии и Пакистана писал в докладе меньшинства, что многие из важных разъяснений, подрывавших престиж комиссии, были даны «в результате тщетной попытки одновременно удовлетворить обе спорящие стороны».

В конце сентября 1948 года члены комиссии выехали в Европу. Потерпев неудачу в первом туре своего «посредничества», они возобновили переговоры с Индией и Пакистаном в Париже. На этот раз комиссия не ограничила свою задачу прекращением военных действий и заключением перемирия. Такой же важной частью обсуждения был вопрос о немедленном назначении администрации ООН по проведению плебисцита. 11 декабря комиссия представила Индии и Пакистану свои предложения, явившиеся дополнением к резолюции от 13 августа. Основные условия этих предложений гласили:

«1. Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций по согласованию с комиссией назначит администратора по проведению плебисцита. Это должен быть человек, обладающий большим международным авторитетом и пользующийся общим доверием. Он будет официально назначен на свой пост правительством Джамму и Кашмира.

2. Администратор по проведению плебисцита получит от княжества Джамму и Кашмир все полномочия, которые он *сочтет необходимыми* для организации и проведения плебисцита и обеспечения свободы и беспристрастности его проведения.

3. Администратор по проведению плебисцита будет пользоваться правом назначать столько помощников и наблюдателей, *сколько ему потребуется*.

4. Все гражданские и военные власти внутри княжества и основные политические группы княжества должны сотрудничать с администратором по проведению плебисцита».

В последних числах декабря комиссия командировала в Дели и Карачи д-ра Альфреда Лосано, Сампера (его заместителя) и Эрика Кольбана (личного представителя Трюгве Ли). Они обсудили эти предложения с правительствами Индии и Пакистана и дали им разъяснения. Индийское правительство изложило наиболее существенную часть обсуждавшихся вопросов в двух памятных записках, а пакистанское правительство — в меморандуме. Добиваясь согласия Индии и Пакистана на предложения от 11 декабря, комиссия на этот раз снова прибегла к старому трюку и дала противоречащие обещания и диаметрально противоположные гарантии.

Один из главных вопросов, по которому комиссией были высказаны взаимно исключаящие мнения, касался разоружения и расформирования армии «Свободного Кашмира». В первый день переговоров между Неру и Лосано (20 декабря) Лосано ясно указал, что «комиссия намерена осуществить разоружение этой армии в широких масштабах».

«Премьер-министр обратил внимание на тот факт, что армия Свободного Кашмира, которая была вооружена и оснащена Пакистаном и подчинялась в оперативном отношении командованию пакистанской армии, насчитывала десятки тысяч человек... Д-р Лосано отметил, что комиссия намерена провести *разоружение этой армии в широких масштабах*, хотя невозможно требовать ухода с этих территорий коренных жителей данных районов». («Памятная записка № 1» правительства Индии.)

На второй день совещания Лосано пытался взять обратно свои гарантии, но после того как Пандит Неру уличил его в непоследовательности, он вернулся к своей первоначальной позиции.

«Однако он [д-р Лосано] высказал мнение, что слова «разоружение в широких масштабах» армии Свободного Кашмира, содержащиеся в «Памятной записке»..., возможно, не отражают намерения комиссии. Комиссия имела в виду расформирование этих войск; предполагалось, что за этим последует разоружение. Премьер-министр указал, что расформирование и разоружение — вещи разные. Пакистан мобилизовал около 35 батальонов, насчитывающих в общей сложности от 28 до 30 тысяч человек, которые сейчас входят в состав армии Свободного Кашмира... В результате этого объяснения д-р Лосано согласился с тем, что слова «разоружение в широких масштабах» следует рассматривать как правильно отражающие намерение комиссии». («Памятная записка № 1» правительства Индии.)

С другой стороны, Лосано заверил министра иностранных дел Пакистана в том, что комиссия *не* намеревается разоружить и расформировать армию «Свободного Кашмира». Полагаясь на эти заверения, которые комиссия дала ему еще 19 сентября 1948 года, Зафруллахан писал:

«В параграфе 2 письма комиссии от 19 сентября 1948 года комиссия дала правительству Пакистана полную гарантию, что резолюция от 13 августа «не предусматривает разоружения и расформирования армии Свободного Кашмира...» Д-р Лосано заверил меня, что разоружение и расформирование армии Свободного Кашмира будет предпринято только при проведении плебисцита одновременно с окончанием вывода индийской армии и армии княжества Кашмир...» (Письмо министра иностранных дел Пакистана председателю комиссии ООН по Индии и Пакистану.)

При помощи таких противоречивых обещаний и заверений комиссии удалось обманым путем заставить Индию и Пакистан согласиться на предложения от 11 декабря. То, что комиссия прибегала к двурушничеству и обману, было признано — правда, много позднее — лондонской газетой «Таймс», которая писала

6 июля 1950 года, что комиссия пыталась «ублаготворить всех и в результате лишь потеряла престиж и ничего не добилась».

Правительства Индии и Пакистана согласились на резолюцию комиссии от 13 августа и предложения комиссии от 11 декабря, которым впоследствии была придана форма резолюции (резолюция от 5 января 1949 года), и уполномочили своих английских главнокомандующих генерала Роя Бюкера и генерала Дугласа Грейси отдать приказ, о прекращении военных действий, который должен был войти в силу в 23 часа 59 минут в ночь на 1 января 1949 года.

В отличие от резолюции от 13 августа, которая включала предложения о прекращении военных действий и о заключении перемирия, резолюция от 5 января содержала также некоторые основные положения резолюции от 21 апреля. Немедленное назначение администратора ООН по проведению плебисцита было такой же важной частью этой резолюции, как и немедленное прекращение военных действий и установление перемирия.

Для того чтобы понять, чем было вызвано изменение тактики комиссии, повлиявшее на последующее развитие событий в Кашмире, мы должны помнить, что, с одной стороны, комиссия искала пути для скорейшего утверждения резолюции от 13 августа, а с другой—дала Индии и Пакистану противоречивые гарантии по ряду важных вопросов. После отъезда в Европу комиссия пришла к твердому убеждению, что между ней и Индией существовали серьезные разногласия по вопросу о разоружении и расформировании армии «Свободного Кашмира», а также разногласия по вопросу о суверенитете кашмирского правительства в районах, оккупированных пакистанскими войсками, и о будущем административном контроле над стратегическими районами на севере. При таких обстоятельствах комиссия не могла надеяться на легкое и быстрое осуществление предложений о перемирии, содержащихся в резолюции от 13 августа, в особенности в связи с тем, что индийское правительство требовало категорических и недвусмысленных гарантий по этим трем важным вопросам. Поскольку заключение перемирия представляло собой важное предварительное условие для дальнейшего осуществления англо-амери-

канского плана от 21 апреля, комиссии стало ясно, что выполнение ее конечной цели — установление администрации ООН для проведения в Кашмире плебисцита — слишком задержится. Поэтому комиссия сочла необходимым *объединить* план прекращения военных действий и заключения перемирия с планом назначения администратора по проведению плебисцита, рассчитывая, что даже если переговоры о перемирии затянутся, то администратор все равно сделает свое дело и подготовит почву для установления полного и окончательного господства США и Англии над княжеством Кашмир.

Таким образом, новая тактика комиссии состояла в том, что она стала требовать не просто прекращения военных действий и заключения перемирия, но *одновременно* с этим и назначения администратора. Лосано разъяснил это, когда Пандит Неру сказал ему, что индийское правительство не может что-либо предпринять в отношении предложений комиссии о проведении плебисцита до тех пор, пока Пакистан не примет полностью предложений о прекращении военных действий и заключении перемирия и не осуществит их.

«Премьер-министр подчеркнул, что если бы индийское правительство и согласилось принять предложения комиссии о проведении плебисцита [от 11 декабря], оно не могло бы что-либо предпринять в отношении этих предложений до тех пор, пока не будут полностью осуществлены части I и II резолюции комиссии от 13 августа [относительно прекращения военных действий и заключения перемирия]...

Что касается обращенного к д-ру Лосано запроса, имеются ли возражения против назначения администратора по проведению плебисцита раньше, чем будут осуществлены части I и II резолюции от 13 августа, д-р Лосано и Колбан высказали мнение, что администратор по проведению плебисцита мог бы проделать *полезную исследовательскую работу* еще до того, как будут урегулированы вопросы, связанные с проведением плебисцита». («Памятная записка № 1» правительства Индии.)

Во время другого совещания с Неру Лосано и его коллеги показали, что означало назначение администра-

тора по проведению плебисцита до осуществления предложения о заключении перемирия:

«Отвечая на вопрос премьер-министра, д-р Лосано заявил, что комиссия не имеет в виду, что администратор по проведению плебисцита возьмет на себя какие-либо административные функции в отношении плебисцита до того, как будут осуществлены части I и II резолюции комиссии от 13 августа 1948 года. Комиссия придерживается того мнения, что *обсуждение подробностей, связанных с плебисцитом, надо начать как можно скорее*, так как это создаст у всех хорошее впечатление. Господин Колбан поддержал эту точку зрения на том основании, что назначение в качестве администратора по проведению плебисцита высокопоставленного лица оказало бы *превосходный психологический эффект*». («Памятная записка № 2» правительства Индии.)

Таким образом, важнейшей задачей комиссии стало добиться скорейшего назначения администратора: «Д-р Лосано подчеркнул, насколько важно назначить администратора по проведению плебисцита как можно скорее». (Там же.)

При внимательном чтении положений резолюции от 5 января видно, что первоначальный план назначения «администрации по проведению плебисцита» был заменен назначением «администратора по проведению плебисцита». Это была простая замена одного слова другим, ловкий маневр, посредством которого рассчитывали заставить Индию поверить (как сказал Лосано Пандит Неру), что скорейшее назначение администратора было предложено для того, чтобы помочь детально разработать вопросы, связанные с проведением плебисцита, а не для того, чтобы управлять княжеством, ибо в последнем случае, конечно, потребовалась бы администрация. Таким образом, подобная замена была произведена для опровержения довода, который, как предполагали, могла выдвинуть Индия: до осуществления предложений о заключении перемирия Объединенные Нации не могут управлять Кашмиром с целью проведения плебисцита. Но администратор по проведению плебисцита должен был быть наделен такими широкими полномочиями, а предоставленный в его распоряжение штат должен был быть настолько велик, что, приехав в Кашмир,

администратор автоматически превратился бы в фактического правителя княжества Джамму и Кашмир.

Что же касается прав администратора по проведению плебисцита, то, как показывают различные пункты резолюции от 5 января, администратору, несмотря на то, что его функции были ясно установлены резолюцией от 21 апреля, предоставлялась возможность самому определить их объем в соответствии с тем, какие права «он сочтет необходимыми для проведения плебисцита и обеспечения свободы и беспристрастности его проведения». Ввиду энергичных протестов Индии против предоставления Советом Безопасности слишком больших прав администрации комиссия сочла необходимым — так же, как она сделала это раньше, — воздержаться от подробного перечисления этих прав и, вместо того чтобы внести в данный вопрос полную ясность, окутала его туманом сомнений и неопределенности. Комиссия ждала подходящего момента, а именно — пока не будет достигнуто соглашение о прекращении военных действий и заключении перемирия, чтобы без всяких оговорок, совершенно определенно заявить о том, каковы действительные рамки прав администратора. Но обсуждение этого вопроса в Совете Безопасности полностью подтвердило подлинные намерения империалистических держав, заключавшиеся в стремлении к установлению их собственной администрации в Кашмире. Даже Лосано, который во время совещания с Неру старался ограничиться ни к чему не обязывающими, неопределенными заявлениями по этому вопросу, не мог дать ясной гарантии того, что такое предложение не рассматривалось комиссией. Вместо этого он, как попугай, повторил слова самой резолюции:

«Д-р Лосано сказал, что можно рассчитывать, что администратор по проведению плебисцита, как человек, имеющий большой международный авторитет, пользующийся общим доверием и назначаемый после консультации с индийским правительством, будет действовать разумно и что комиссия не намерена позволить ему узурпировать функции правительства княжества Кашмир в области нормального управления и поддержания законности и порядка. Его функции и права будут направлены лишь на обеспечение проведения свобод-

ного и беспристрастного плебисцита». («Памятная записка № 1» правительства Индии.)

Но комиссии не удалось проташить свой план назначения в Кашмир администратора до проведения в жизнь предложений о перемирии, ибо правительство Индии отказалось дать согласие на назначение администратора до тех пор, пока Пакистан не выполнит условий перемирия, предусмотренных в резолюции от 13 августа и разъясненных д-ром Лосано. Поэтому теперь комиссия стремилась добиться скорейшего осуществления предложений, связанных с перемирием.

Глава двенадцатая

ТРУМЭН И ЭТТЛИ НАСТАИВАЮТ НА АРБИТРАЖЕ

22 марта 1949 года генеральный секретарь Объединенных Наций Трюгве Ли назначил администратором по проведению плебисцита в Кашмире бывшего командующего американским военно-морским флотом на Тихом океане адмирала Нимица. Газета «Нью-Йорк геральд трибюн» 24 февраля 1950 года писала, что Нимицу назначено жалование в 45 тысяч долларов в год, что говорит о значении, которое придают его посту. Чтобы дать адмиралу возможность как можно скорее выехать в Кашмир, комиссия старалась ускорить претворение в жизнь предложений, связанных с перемирием. Комиссия ООН по Индии и Пакистану прибыла на полуостров Индостан в начале февраля 1949 года и немедленно приступила к разработке предложений по вопросу о перемирии.

Первые предложения, связанные с перемирием, были представлены Индии и Пакистану 15 апреля. Впоследствии они были изменены и вновь представлены 28 апреля. Условия перемирия разделялись на три части: *часть I* — линия прекращения огня; *часть II* — вывод войск; *часть III* — общие условия. Один из пунктов части I касался стратегически важных, но малонаселенных и гористых районов на севере:

«Поскольку индийское правительство неоднократно требовало предоставления ему права содержать гарнизоны в некоторых стратегических пунктах этого района, комиссия, стремясь пойти навстречу требованиям индийского правительства, предусматривает, что, при условии, если... комиссия или администратор по проведению плебисцита сочтут это необходимым для обороны данных районов, комиссия или администратор по проведению плебисцита — по совету наблюдателей или в соот-

еетствии с докладами индийского правительства — могут дать согласие на то, чтобы индийское правительство расположило свои гарнизоны к северу от линии прекращения огня» (Третий внеочередной доклад комиссии ООН по Индии и Пакистану, декабрь 1949 года.)

Часть II условий перемирия касалась вывода войск с территории княжества. Комиссия определила сроки вывода пакистанских и основной части индийских войск. В части III содержались пункты, которые устанавливали, что эвакуированной пакистанскими войсками территорией должны управлять «местные власти» под наблюдением комиссии. Комиссия в своем сопроводительном письме, адресованном правительствам Индии и Пакистана, заявила, что «по ее мнению, дальнейшее обсуждение не может дать плодотворных результатов. Исходя из этого комиссия предлагает безоговорочно согласиться на предложенные условия».

Отвечая на выдвинутые 18 мая 1949 года комиссией условия перемирия, индийское правительство вновь подтвердило свою позицию по вопросам: а) о расформировании и разоружении армии «Свободного Кашмира», а также свое отношение к выводу основной части индийских войск и б) свою точку зрения относительно будущего управления малонаселенными районами на севере. Оно указало в письме, что вопрос о разоружении и расформировании армии «Свободного Кашмира» нельзя оставить неразрешенным, чтобы в дальнейшем он не превратился в предмет угроз и споров. Поэтому следует убедить пакистанское правительство распустить и разоружить армию «Свободного Кашмира», состоящую из тридцати двух батальонов. Индийское правительство ясно заявило комиссии, что определение срока вывода индийских войск должно зависеть от того, как будет идти расформирование и разоружение этой армии. Что касается пункта «б», то в письме было указано, что, как уже писал премьер-министр 20 апреля 1948 года в письме, адресованном представителю комиссии, Индии в будущем должно быть разрешено держать войска в важных пунктах стратегических северных районов.

Позиция, занятая Пакистаном в отношении этих важных вопросов, коренным образом расходилась с точ-

кой зрения Индии. Зафрулла-хан придерживался мнения, что требование расформирования и разоружения тридцати двух батальонов армии «Свободного Кашмира» и передачи военного контроля над северными районами индийскому правительству, а управления ими — правительству Кашмира не соответствует положениям резолюции от 13 августа, и поэтому не может служить условием перемирия.

Ответы обоих правительств, по словам самой комиссии, не содержали принятия условий перемирия от 28 апреля. Такое положение могло привести к бесконечным отсрочкам назначения Нимица администратором Кашмира. Стараясь как можно скорее водворить Нимица в Кашмире, комиссия попыталась ускорить осуществление условий перемирия при помощи нового метода, применение которого было равносильно нарушению ею своих обязанностей. Большинство членов комиссии решило избрать путь арбитража.

С мая 1949 года в американской печати стали часто появляться заметки об ожидаемом вскоре прибытии на полуостров Индостан адмирала Нимица. Стало ясно, что американский делегат предложил арбитраж именно для того, чтобы дать адмиралу Нимицу возможность присвоить себе права верховного арбитра и, таким образом, облегчить ему путь в Кашмир в качестве его фактического правителя. В начале июля американская печать поместила сообщение, якобы исходившее из Лейк-Саксесса, что комиссия собирается вступить на путь арбитража. По странному совпадению через день после появления этого сообщения в американской печати делегат США в комиссии ООН по Индии и Пакистану, стараясь уговорить остальных членов комиссии согласиться с идеей разрешения вопроса о перемирии путем арбитража, фактически представил в комиссию свои первые предложения об арбитраже. Соображения, заставившие комиссию рассматривать путь арбитража как «единственно» возможное решение вопроса о перемирии, были полностью раскрыты чехословацким делегатом д-ром Хиле:

«...С другой стороны, предложение об арбитраже, выходящее за пределы полномочий комиссии, было отнюдь не случайным. Американский делегат добивался... арбитража, начиная с июня этого года, откровенно заявляя,

что он намерен настаивать на скорейшей посылке адмирала Нимица на полуостров Индостан в качестве арбитра. Комиссия, со своей стороны, склонилась к предложению об арбитраже, потому что не слишком верила в свою посредническую миссию, главным образом вследствие того, что в общем было ясно, как трудно будет провести в жизнь резолюцию от 13 августа». (Доклад д-ра Хиле Совету Безопасности, декабрь 1949 года.)

Д-р Хиле указал также в своем докладе:

«При достижении перемирия путем арбитража не исключена возможность того, что арбитр по вопросу о перемирии фактически может стать арбитром во всем конфликте».

Делегат Чехословакии опротестовал план американского делегата об арбитраже на том основании, что «на комиссии лежит моральная и юридическая обязанность организовать совместное политическое совещание представителей обоих правительств, прежде чем рассматривать какое-либо другое средство решения вопроса». (Там же.) Комиссия согласилась на предложение Чехословакии, но пыталась сорвать его, настаивая на том, что осуществление этого предложения должно зависеть от успеха происходившего в Карачи объединенного совещания военных представителей обоих правительств, созванного для установления постоянной демаркационной линии, на которой должны были быть прекращены военные действия. Чехословацкий делегат отказался согласиться с этим требованием, ибо считал, что нельзя ставить имеющее большое значение политическое совещание в зависимость от благоприятного результата военного совещания.

«Это серьезный политический вопрос, который должен рассматриваться на политической основе, без всякой связи с военными переговорами в Карачи, каковы бы ни были их результаты». (Там же.)

Но большинство членов комиссии продолжало придерживаться той точки зрения, что решение о созыве объединенного политического совещания представителей правительств Индии и Пакистана должно зависеть от исхода военных переговоров в Карачи.

К великому огорчению комиссии, военное совещание Карачи разработало согласованную формулу по вопросу об установлении демаркационной линии. После

успешного завершения совещания комиссия на утреннем заседании 29 июля приняла предложение чехословацкого делегата о созыве объединенного политического совещания представителей Индии и Пакистана. Американский делегат воздержался от голосования за это предложение. Но в тот же самый день на дневном заседании комиссия приняла также предложение американского делегата о процедуре арбитража, причем в качестве арбитра обоим правительствам была рекомендована кандидатура адмирала Нимица, который должен был быть назначен администратором по проведению плебисцита. Чехословацкий делегат воздержался от голосования за это предложение. Д-р Хиле заявил Совету Безопасности, что «в виде мотива для поспешного принятия предложения американского делегата об арбитраже выдвигались старательно подчеркивавшиеся опасения, что объединенное политическое совещание может закончиться провалом и для экономии времени необходимо иметь наготове новое предложение». (Там же.)

Правительства Индии и Пакистана согласились на предложение комиссии о созыве объединенного политического совещания. Оба правительства назначили делегации на совещание, была установлена дата его открытия — 22 августа — и избрано место встречи — город Дели. Но, к своему удивлению, они 18 августа узнали, что комиссия решила отменить совещание, к которому Индия и Пакистан деятельно готовились.

29 августа 1949 года Зафрулла-хан сообщил в Карачи председателю комиссии, что пакистанское правительство было удивлено тем, что комиссия приняла решение об отмене совещания. 30 августа представитель министерства иностранных дел, а через два дня и сам Пандит Неру заявили в Дели председателю комиссии, что индийское правительство удивлено и разочаровано решением комиссии отменить объединенное совещание. Д-р Хиле указал: «Эта позиция объяснялась их убеждением, что стороны, участвующие в споре, не обязательно должны придерживаться одинаковых мнений — собственно, поэтому и возникают сами споры, — но, чтобы добиться решения вопроса, они должны сесть вместе за стол и хотя бы начать обсуждение». (Доклад д-ра Хиле Совету Безопасности, декабрь 1949 года.) Что же касается при-

чин отмены совещания, то комиссия объяснила, что она обнаружила в ответах правительств Индии и Пакистана непреодолимые расхождения по вопросам о задачах и повестке дня совещания. Однако комиссия не упомянула о том, что «противоречивые точки зрения были прекрасно известны заранее не только комиссии, но и обоим правительствам». (Там же.) Хиле заявил большинству комиссии, что оно не имело права отменять совещание и что это могли сделать лишь два участвующих в совещании правительства.

Истинная причина, заставившая комиссию принять подобное решение, не могла долго оставаться скрытой от демократического общественного мнения. 23 августа индийское информационное агентство Пресс Траст опубликовало сообщение из главного штаба ООН в Лейк-Саксессе, что появилась перспектива выхода из тупика, «в котором находится в настоящее время комиссия по Кашмиру», путем «назначения адмирала Честера Нимица арбитром для установления условий перемирия между Индией и Пакистаном». Информационное агентство добавило при этом:

«Хотя и раньше строились предположения относительно возможного назначения адмирала Нимица в качестве арбитра, лица, интересующиеся делами Кашмира, обратили внимание на то, что «Нью-Йорк таймс» опубликовала заметку о Кашмире под заголовком «Требование назначения Нимица арбитром в Кашмир» и «Его назначение предлагает комиссия Объединенных Наций». (Газета «Трибюн», 24 августа 1949 года.)

Через неделю, 29 августа, комиссия действительно представила правительствам Индии и Пакистана меморандум по вопросу об арбитраже, в котором предлагала им «передать на арбитраж разногласия, существующие у них по всем вопросам, поднятым ими в связи с проведением в жизнь II части резолюции от 13 августа 1948 года». В качестве арбитра в споре рекомендовался адмирал Нимиц.

В связи с тем, что план об арбитраже был предан печатью широкой гласности и в таких тонах, которые были нежелательны для комиссии, комиссия обсудила этот вопрос на заседании 24 августа 1949 года. Она выразила недовольство по поводу появления в печати

подобного рода сообщений, единодушно считая это вмешательством в работу комиссии, подрывом ее престижа. Было решено послать председателю Совета Безопасности телеграмму с просьбой предложить генеральному секретарю ООН, чтобы тот опубликовал сообщение для печати, в котором было бы сказано, что комиссия сама решает, какие необходимо предпринять меры, и таким образом рассеять впечатление, что комиссия приняла решение по инициативе печати или каких-либо других источников. Но 26 августа один из служащих секретариата ООН Кордел скрыл переданный по телеграфу протест председателя комиссии, которым был в то время чехословацкий делегат, от председателя Совета Безопасности, функции которого исполнял тогда делегат Советского Союза. Телеграмма была единогласно одобрена и утверждена *всеми* членами комиссии, которые 4 сентября были уведомлены Корделом, что он не передал жалобы председателю Совета Безопасности. Посланные комиссии сэром Александром Кадоганом¹ и Трюгве Ли ответы, отклонившие жалобу, были сформулированы таким образом, что их можно было расценить как упрек по адресу комиссии. Трюгве Ли не сделал заявления для печати, как этого просила комиссия, по той причине, что одновременно должно было быть осуществлено вмешательство Трумэна и Эттли, которое стало возможным благодаря своевременной информации, исходящей от самой комиссии.

Предложение об арбитраже комиссия приняла на одном из своих секретных совещаний. Прежде чем передать его Индии и Пакистану, она представила его на рассмотрение правительств Соединенного королевства и США. Д-р Хиле заявил, что «дословный текст секретного меморандума об арбитраже попал в руки английских верховных комиссаров в Дели и Карачи одновременно или даже раньше, чем он был официально представлен индийскому правительству...» (Доклад д-ра Хиле Совету Безопасности, декабрь 1949 года.) Президент Трумэн и премьер-министр Эттли использовали его одновременно, чтобы оказать давление на индийское правительство.

¹ Английский представитель в Совете Безопасности, сменивший представителя СССР на посту председателя Совета.—
Прим. ред.

Через два дня после передачи комиссией правительствам Индии и Пакистана меморандума об арбитраже Трумэн и Эттли в письменной форме обратились к Пандит Неру и Лиакат Али-хану с требованием немедленно и безоговорочно принять меморандум. Их мотивы были ясны.

«Через Кашмир проходят четыре главных торговых пути в Центральную Азию. На расстоянии нескольких миль от его северной границы находится Советский Союз... И Великобритания и Соединенные Штаты учитывают положение, и этим объясняется демарш Трумэна — Эттли». (Газета «Тайм энд тайд», Лондон, 17 сентября 1949 года.)

Вмешательство Трумэна и Эттли вызвало в Кашмире и Индии глубокое возмущение. Пандит Неру сказал на собрании в Аллахабаде:

«Я удивлен вмешательством президента Трумэна и Эттли в кашмирский вопрос... Неправильно обходить основную причину конфликта. Такое положение вызывает у нас чувство беспокойства и тревоги». («Хиндустан таймс», 5 сентября 1949 года.)

Бакши Гулам Мохаммед охарактеризовал письма Трумэна — Эттли как «серьезное вмешательство в кашмирский конфликт» («Трибюн», 7 сентября 1949 года.) Ежегодное собрание Национальной конференции, состоявшееся в сентябре 1949 года, объявило предложение об арбитраже попыткой лишить народ Джамму и Кашмира права на самоопределение. Национальная конференция отнеслась к этому вмешательству с «подозрением и гневом».

Противодействие индийского правительства выдвинутому комиссией проекту арбитража и вмешательству Трумэна — Эттли расстроило непосредственные тактические планы Англии и Соединенных Штатов о назначении в Кашмир адмирала Нимица. Трагедия заключалась в том, что это противодействие было неполным и поэтому оставалась возможность для иностранного вмешательства в дела Кашмира в близком будущем. Вследствие того, что в вопросе о решении кашмирской проблемы индийское правительство продолжало полагаться на Соединенные Штаты и Англию, эти державы смогли продолжить попытки добиться своей цели, используя для этого другие способы и средства.

Глава тринадцатая

ГЕНЕРАЛ МАКНОТТОН ВЫХОДИТ НА СЦЕНУ

Четыре члена комиссии — США, Бельгия, Колумбия и Аргентина — представили доклад Совету Безопасности в декабре 1949 года. В докладе в качестве главных препятствий к решению спора перечислялись следующие проблемы: 1) положение армии «Свободного Кашмира»; 2) вывод регулярных войск из княжества и 3) оборона и будущая администрация северных районов. В этом докладе всесторонне анализировалось отношение правительств Индии и Пакистана к указанным трем проблемам, но обходились полным молчанием противоречивые обещания и взаимно исключаящие заверения, которые комиссия давала двум правительствам. Об этом не упоминалось даже мимоходом. В вопросе о демилитаризации члены комиссии пришли к выводу, что данную проблему следует решать на новой основе, «устраняющей все разногласия и охватывающей все вопросы, касающиеся окончательной дислокации вооруженных сил в княжестве Джамму и Кашмир». В отношении же вопроса о северных районах был сделан вывод, что «положение в северных районах сейчас таково, что размещение гарнизонов индийской армии в пунктах, помимо тех, которые заняты ею в настоящее время, привело бы к расширению военных действий правительством Индии...».

Комиссия, произвольные действия которой в отношении отмены совместного индо-пакистанского совещания, арбитража и т. д. были полностью разоблачены д-ром Хиле, рекомендовала Совету Безопасности упразднить орган в составе пяти членов и заменить его «одним лицом», пользующимся «широкими полномочиями». Это преследовало цель лишить голоса Чехословакию, делегат которой в комиссии последовательно разоблачал империалистические замыслы и боролся против них.

Д-р Хиле, представитель Чехословакии в комиссии ООН по Индии и Пакистану, представил в Совет Безопасности доклад меньшинства, о котором говорилось выше. Этот документ беспощадно разоблачал гнусные действия и заговоры комиссии, которые ставили целью осуществление коварных англо-американских планов, направленных против Кашмира и его национального движения. Чехословацкий делегат отмежевался от «вывода» комиссии относительно того, что провал ее миссии был вызван непримиримостью позиций двух правительств. В своем докладе он прямо указал, что причины провала «следует искать в деятельности самой комиссии с должным учетом существа всей проблемы Кашмира». Однако комиссия «по большей части подходила к своей задаче лишь с точки зрения технической стороны вопроса, будучи неспособной наблюдать и делать выводы на основе изучения всей политической подоплеки кашмирской проблемы». В докладе Хиле подробно говорилось о том, что комиссия не сумела конструктивно помочь положительному решению всей проблемы. Отмена совместного индо-пакистанского политического совещания, произвольное предложение об арбитраже, передача содержания секретного меморандума об арбитраже правительствам Соединенных Штатов Америки и Англии — все это было названо в качестве основных факторов, послуживших причиной провала посреднической роли комиссии.

По поводу двух вопросов — армии «Свободного Кашмира» и северных районов — д-р Хиле заявил, что комиссия, принимая резолюцию от 13 августа, «недооценила значения армии [«Свободного Кашмира»] и совершенно не учла положения, сложившегося в северных районах, и эти две проблемы впоследствии явились камнем преткновения для всей работы комиссии. В резолюции от 13 августа ничего не упоминалось об армии «Свободного Кашмира». А между тем она к весне 1949 года уже состояла из тридцати двух дисциплинированных и полностью вооруженных батальонов». Д-р Хиле продолжал:

«В результате этого факта, который находился в противоречии с частью I раздела «В» указанной резолюции, запрещающей обеим сторонам какое бы то ни было увеличение военного потенциала, положение коренным

образом изменилось и, таким образом, создалась новая проблема: что же по определению резолюции представляет собой «основная часть» индийской армии в Кашмире? Естественно, что это породило дальнейшие трудности в вопросе о разоружении армии «Свободного Кашмира» и регулировании вывода войск».

Чехословацкий делегат указывал в своем докладе, что в проблеме «северных районов» комиссия также проявила «недостаточную проницательность», что еще больше осложнило положение. В обеих резолюциях — от 13 августа 1948 года и от 5 января 1949 года — комиссия не упоминала об обстановке, сложившейся на «очень важной в стратегическом отношении территории к северу от Кашмира». Заметив этот серьезный недочет, правительство Индии сделало оговорку в отношении резолюции от 13 августа. Но, вместо того чтобы ликвидировать этот существенный недочет, комиссия написала премьер-министру Индии, что «данный вопрос может быть рассмотрен, когда будет претворена в жизнь резолюция от 13 августа 1948 года».

«Таким образом, это обязательство комиссии, которое, в силу ее ошибочного вывода, не представляло собой официальной части резолюции от 13 августа 1948 года, комиссия характеризует сейчас лишь как заявление о намерении изучить впоследствии положение на севере».

А тем временем пакистанская армия заняла эти стратегические районы, и комиссия была поставлена перед свершившимся фактом.

«Комиссия, столкнувшаяся впоследствии с существенно изменившимся положением в северных районах, должна признать, что, хотя оговорка правительства Индии от 20 августа 1948 года, быть может, и имеет юридическую силу, ее физически невозможно выполнить».

Д-р Хиле опроверг вывод, сделанный в докладе большинства, относительно негибкости комиссии в составе пяти членов:

«Отнюдь не недостаток гибкости, а скорее чрезмерная гибкость, свидетельством которой явились столь многочисленные и столь важные разъяснения, уточнения и т. д., в значительной степени способствовала подрыву авторитета комиссии как результат тщетной попытки одновременно угодить обеим сторонам в споре».

Д-р Хиле внес следующие рекомендации Совету Безопасности:

«1. На основании опыта прошлого совершенно ясно, что новый посреднический орган должен быть действительно независимым и не подвергаться никакому внешнему влиянию.

2. Комиссия, состоящей из представителей всех членов Совета Безопасности, будет дана гарантия полной независимости».

Таковы были два доклада, находившиеся перед Советом Безопасности, который занялся рассмотрением кашмирского вопроса 17 декабря 1949 года. Индийское общественное мнение было поражено, узнав, что на заседании Совета Безопасности индийский представитель совершенно не воспользовался докладом д-ра Хиле и даже вскользь не упомянул о нем.

Представитель Норвегии д-р Анре Сунде предложил обратиться к председателю Совета Безопасности с просьбой встретиться «неофициально с обеими сторонами и найти взаимно приемлемый способ решения кашмирской проблемы». Это предложение было поддержано английским и французским представителями и было принято подавляющим большинством голосов.

Председатель Совета Безопасности генерал Макнотгон (Канада) внес несколько предложений на рассмотрение представителей Индии и Пакистана. Основным смыслом этих предложений сводился к следующему:

«1. Необходимо разработать согласованную программу постепенного сокращения вооруженных сил по обеим сторонам от линии прекращения огня путем вывода и роспуска вооруженных сил такими стадиями, которые не возбуждали бы страха у населения по обеим сторонам от линии прекращения огня.

2. Программа демилитаризации должна включать вывод из княжества Джамму и Кашмир регулярных войск Пакистана и регулярных войск Индии, не требующихся для обеспечения безопасности и поддержания законности и порядка на индийской стороне от линии прекращения огня, а также сокращение путем роспуска всех местных вооруженных сил, включая на одной стороне вооруженные силы и милицию княжества Кашмир и на другой — армию Свободного Кашмира.

3. Управление северными районами должно и впредь осуществляться существующими там местными властями под наблюдением Организации Объединенных Наций.

4. После того как согласованная программа демилитаризации, являющейся подготовкой к проведению плебисцита, будет завершена и представитель Организации Объединенных Наций удостоверит это, администратор по проведению плебисцита должен будет тотчас же приступить к выполнению функций, установленных положениями резолюции комиссии ООН по Индии и Пакистану от 5 января 1948 года.

5. Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций должен назначить представителя для наблюдения за проведением демилитаризации».

Внимательное изучение предложений Макноттона говорит о том, что все заверения, данные комиссией правительству Индии, сводились на нет и на проверку оказывались недействительными. Во-первых, верховная власть правительства Джамму и Кашмира над областями, расположенными по другую сторону от линии прекращения огня, по существу отрицалась. Во-вторых, признавалось, что управление этим районом будет осуществляться «правительством» «Свободного Кашмира» («существующими местными властями»). В-третьих, предлагавшееся разоружение и роспуск армии «Свободного Кашмира» нейтрализовались аналогичным разоружением и роспуском вооруженных сил княжества и национальной милиции. В-четвертых, притязания Индии на контроль над северными районами в целях обороны и администрации полностью отвергались. Поэтому глава индийской делегации в ООН сэр Б. Н. Рау был прав, когда говорил, что «по существу эти предложения уничтожают или сводят на нет все заверения, на которые полагалось правительство Индии». Англия и Соединенные Штаты, направившие действия Макноттона, на этот раз открыто высказали свое мнение относительно армии «Свободного Кашмира» и северных районов, даже не пытаясь делать вид, что они выступают в защиту интересов Индии. Английский делегат сэр Александр Кадоган всячески подчеркивал разумность предложений Макноттона относительно северных районов:

«Что касается вопроса о северных районах, то на мое правительство произвело впечатление мнение, изложенное в параграфе 273 доклада комиссии, что вступление индийских войск в район, расположенный к северу от линии прекращения огня, почти неизбежно привело бы к возобновлению военных действий... Следует помнить, что все члены комиссии, за исключением одного [деlegates Чехословакии], считают, что правительство Индии должно при таких обстоятельствах проявить готовность отказаться от своего требования, которое во всяком случае должно быть рассмотрено заново».

Таким образом, эти державы показали свое подлинное лицо. В предложениях генерала Макноттона не было ни неискренних предложений, ни горячих, но уклончивых заверений, с которыми обычно выступала комиссия.

Для того чтобы понять причину подобного изменения англо-американской тактики, следует напомнить, что заверения, данные Индии комиссией, отнюдь не являлись результатом того, что она искренне верила в их разумность. На той стадии иностранного вмешательства необходимо было прибегнуть к этой хитрости, чтобы как-нибудь удовлетворить Индию и в дальнейшем завлечь ее в англо-американские сети. Однако этот неуклюжий трюк завлек комиссию в непроходимые джунгли осложнений, из которых она не могла выбраться даже при помощи метода арбитража. Генерал Макноттон, продолживший дело комиссии, стоял перед следующим выбором: он должен был либо приветствовать и снова повторить лживые заверения, данные комиссией Индии, либо категорически отвергнуть их. Возможность пойти по первому пути была безвозвратно упущена. Индийскому правительству нужно было сообщить голую правду и как-то добиться его согласия на скорейшее назначение администратора. В соответствии с этим генерал разработал формулу, коренным образом отличавшуюся от тех, которые ранее представляла комиссия.

В навязывании этих планов Индии империалисты рассчитывали на свое излюбленное, выработанное веками искусство нажима и шантажа. Бакши Гулям Мохаммед, бывший тогда заместителем премьер-министра Кашмира, сообщил, что Англия и США оказывают на Индию силь-

ный нажим, угрожая ей прекращением поставок нефти в случае, если формула Макноттона будет отвергнута.

«Англия и США угрожали Индии прекращением поставок нефти и многих других товаров, которые она получает от них,— заявил Бакши Гулям Мохаммед, выступая на митинге 7 марта.— Англо-американский блок хочет навязать свое решение Индии при помощи угроз и принуждения». («Индиян Ньюс Кроникл», 8 марта 1950 года.)

Однако тактика нажима на этот раз не оправдала себя. Правительство Индии отвергло формулу Макноттона о демилитаризации и воспротивилось рекомендации генерала, чтобы северные районы были оставлены под контролем властей «Свободного Кашмира».

При таком положении 14 марта 1950 года большинство в Совете Безопасности приняло резолюцию, внесенную от имени Соединенных Штатов, Англии, Норвегии и Кубы. Резолюция предусматривала роспуск комиссии и назначение вместо нее представителя Организации Объединенных Наций. Она призывала Индию и Пакистан в течение пяти месяцев подготовить и осуществить программу демилитаризации на основе предложений Макноттона. Эта резолюция была принята Индией с оговоркой в отношении предложений Макноттона.

На основании опыта работы комиссии ООН по Индии и Пакистану Соединенные Штаты и Англия знали, что, если полномочия представителя Организации Объединенных Наций будут ограничены определенными, ясно сформулированными предложениями и если этому представителю не будет предоставлено право производить изменения в его планах в соответствии с его требованиями, их конечная цель снова не будет достигнута. Поэтому в резолюции предусматривалось, что представитель ООН может предлагать Индии и Пакистану любые предложения, которые, по его мнению, «смогут привести к разрешению спора». Последующие события показали, что авторы этой резолюции имели в виду совершенно новую формулу.

Глава четырнадцатая

ОУЭН ДИКСОН ПРЕДЛАГАЕТ НОВУЮ ФОРМУЛУ

Державы англо-американского блока очень тщательно выбирали своего представителя. 10 июня 1950 года еженедельник «Острелиэн энд Нью-Зиланд уикли» так писал о сэре Оуэне Диксоне:

«В мае 1942 года парламент принял специальное решение, дававшее возможность сэру Оуэну, как судье, представлять Австралию в Вашингтоне в качестве чрезвычайного посланника и полномочного министра.

За два с половиной года, в течение которых сэр Оуэн представлял интересы своей страны в самом центре мировой дипломатии военного времени, он завоевал уважение и доверие вашингтонского государственного департамента и английского посольства. Его зрелые суждения, ум и честность обеспечили ему уважение его американских коллег и в значительной степени способствовали повышению престижа Австралии в американских кругах».

Еще до того как сэр Оуэн Диксон был назначен представителем Организации Объединенных Наций, в иностранной печати проскальзывали сообщения, раскрывавшие характер планов, вынашивавшихся Соединенными Штатами и Англией. 12 декабря 1949 года обозреватель Уолтер Липпман писал в газете «Вашингтон пост»:

«Отнюдь не невозможно урегулировать кашмирский спор методом, который можно назвать посредничеством, но который фактически будет арбитражем. Для начала нужно признать, что княжество Джамму и Кашмир не представляет собой национального или природного целого. Оно не является единой географической, лингвистической или религиозной общиной. По существу, это мозаика из различных районов...»

По моему мнению, из этого совершенно очевидно следует, что княжество Джамму и Кашмир можно и нужно разделить, чтобы добиться урегулирования».

После прибытия Диксона на полуостров Индостан 27 мая 1950 года характер этих планов был освещен английской и американской печатью с еще более поразительной точностью. Специальный корреспондент лондонской «Таймс» сообщал из Карачи:

«Если сэр Оуэн Диксон решит, что взгляды Индии и Пакистана несовместимы, но сочтет возможным попытаться найти решение кашмирского вопроса иными средствами, помимо общего плебисцита, у него останется одна или две возможности. Самой очевидной из них является *раздел или раздел, сочетаемый с плебисцитом в Кашмирской долине*»¹. («Таймс», 28 июля 1950 года.)

29 августа 1950 года газета «Нью-Йорк геральд трибюн» писала:

«Большинство американцев, видимо, склонно считать, что идеальным решением был бы полный вывод пакистанских и индийских войск, установление временной администрации Организации Объединенных Наций и скорейшее проведение плебисцита под наблюдением ООН».

Многие иностранные газеты, хорошо осведомленные о ходе событий, правильно осветили основные черты плана, который впоследствии защищал Диксон. Сама точность газетных сообщений наводит на мысль о том, что Диксон уже был проинструктирован правительствами Соединенных Штатов и Англии и что он получал от них указания².

Судя по сообщениям этих газет, новый план раздела, проведения плебисцита в некоторых районах и установления администрации Организации Объединенных Наций в Кашмире по своей структуре не отличался от прежних планов Соединенных Штатов и Англии. Единственное от-

¹ Одиннадцать дней спустя тот же корреспондент писал: «Полагают, что сэр Оуэн занялся сейчас изучением возможности раздела или такого решения, в котором раздел сочетался бы с проведением плебисцита в ограниченном районе или районах». («Таймс», 8 августа 1950 года.) — *Прим. автора.*

² Об этом сообщал также специальный корреспондент газеты «Бхарат» в Лондоне: «Насколько известно, перед отъездом сэра Оуэна Диксона на полуостров Индостан англо-американские представители и другие государственные деятели в ООН неофициально предложили ему новую компромиссную формулу для решения кашмирского спора». («Бхарат», Бомбей, 30 мая 1950 года.) — *Прим. автора.*

личие заключалось в том, что он предусматривал проведение плебисцита не на всей территории, а лишь в некоторых районах. Это, несомненно, представляло собой изменение, причем существенное изменение. Однако иностранная печать с грубой откровенностью писала, что не только основная цель Соединенных Штатов и Англии, а именно установление господства над Кашмирской долиной, оставалась неизменной, но и что достичь ее можно будет путем претворения в жизнь плана Диксона. Лондонская «Таймс» 6 мая 1950 года следующим образом высказалась по вопросу о Кашмире:

«Если бы дело дошло до раздела, Кашмирская долина представляла бы собой вопросительный знак. Здесь можно было бы провести плебисцит, однако он мог бы вызвать междоусобную войну под лозунгом «Коран против кафира (неверного)». Кроме того, существует возможность установления в Кашмирской долине междуцарствия, или нейтрального мандата на ближайшие пятьдесят лет, в течение которых люди смогли бы решить, куда они хотят идти. А если они, в конечном счете, решат, что не хотят идти ни на ту, ни на другую сторону, а предпочитают оставаться автономными, долина станет местом для проведения летних отпусков и для зимнего спорта, которым будет пользоваться весь мир. Быть может, это могло бы стать окончательным решением».

Газета «Глазго геральд» писала 25 августа 1950 года:

«Если проведение плебисцита окажется неосуществимым даже там [в Кашмирской долине], существует другая возможность: превращение этой долины в своего рода «свободную территорию» хотя бы до тех пор, пока не улягутся страсти во всем Кашмире».

До того как сэр Оуэн Диксон опубликовал свой план раздела, проведения плебисцита в ограниченном районе и установления контроля Организации Объединенных Наций над Кашмирской долиной, он возродил старые планы о проведении общего плебисцита и макноттоновскую формулу демилитаризации. Требование принять процедуру, которая уже была отвергнута, явно преследовало цель еще раз продемонстрировать перед мировым общественным мнением непримиримые точки зрения Индии, с одной стороны, и Пакистана вместе с посред-

ником — с другой, и таким образом оправдать включение в план предложения о разделе и частичном плебисците, для осуществления которого сэр Оуэн и был специально послан на полуостров Индостан. Внешнему миру нужно было показать, что разногласия носят столь глубокий и острый характер, что только раздел может ликвидировать «кашмирскую путаницу». Сам Диксон дал ясно понять это:

«Только в том случае, если я буду убежден, что добиться такого соглашения невозможно [как будто переговоры Макноттона не доказали этого с полной очевидностью.— В. К.] и что *все реальные возможности* исчерпаны, я должен буду обратиться к какой-то иной форме урегулирования, помимо проведения плебисцита *во всем княжестве*». (Доклад Оуэна Диксона Совету Безопасности.)

Посредник, оправдывая свой план раздела, намеревался в то же время подготовить почву, для того чтобы убедить Индию и Пакистан передать империалистам весь Кашмир целиком, и проделал это с ловкостью опытного империалистического дипломата. Он заявил, что поскольку Индия требовала, чтобы никакая другая власть, помимо власти кашмирского правительства, не признавалась на территории «Свободного Кашмира», администрация на этой территории должна осуществляться в соответствии с «законами и обычаями княжества, существовавшими до возникновения беспорядков», правителями округов, к каждому из которых будет прикомандирован чиновник ООН. Чиновники ООН [читай: англо-американские.— В. К.] получают «право надзора и будут предпринимать шаги, которые сочтут желательными». Что касается административной системы на северных территориях, то он предложил наделить всеми полномочиями политических агентов, представляющих там Организацию Объединенных Наций.

Диксон выдвинул следующие положения для тех районов княжества, которыми управляло правительство Национальной конференции: 1) чиновник ООН будет находиться при каждом правителе округа или будет прикомандирован к нему; 2) он будет наделен правом знакомиться со всеми административными мероприятиями и распоряжениями правителя округа и его подчиненных;

3) в обязанности чиновника ООН будет входить «наблюдение, инспектирование, опротестование и представление докладов»; 4) без предварительного письменного согласия чиновника ООН не должны даваться ордера на арест или приказы об аресте какого-либо лица, спущенные в соответствии с чрезвычайными полномочиями или каким-либо правом на задержание. Ни один чиновник правительства или администрации не должен облекаться правом производить аресты или заключать в тюрьму; все заключенные и арестованные на основании подобного ордера или приказа должны быть освобождены в течение семи дней после того, как администратор по проведению плебисцита официально назначит такую дату или срок.

Под предлогом ликвидации линии прекращения огня как политической границы и создания единого правительства для всего княжества Диксон внес три предложения, которые фактически содержали требование полного вытеснения правительства Джамму и Кашмира администрацией «Объединенных Наций» или замены его проимпериалистическим режимом. Эти три предложения предусматривали: «1. Сформирование коалиционного правительства, созданного либо в результате встречи шейха Абдуллы и верховного руководителя Свободного Кашмира Гулям Аббаса, либо путем передачи некоторых портфелей в распоряжение соответствующих партий. 2. Создание администрации для всего княжества, состоящей из надежных лиц, не занимающихся политикой, находящихся на высоких юридических или административных постах и пользующихся всеобщим доверием... *Председатель будет назначаться Организацией Объединенных Наций...* Нынешние министры будут и впредь занимать свои посты, однако они будут освобождены от своих обязанностей в течение соответствующего периода. 3. Третий план отличается от второго *только* в пунктах, касающихся состава административного органа, который *должен был состоять целиком из представителей Организации Объединенных Наций*».

Приведенный выше отчет о первоначальном плане Диксона свидетельствует о том, что он представлял собой не столько компромиссную формулу в щекотливом вопросе о демилитаризации, сколько основу для нового им-

периалистического плана — раздела и проведения плебисцита с установлением контроля «Организации Объединенных Наций» над Кашмирской долиной. Единственной новой чертой в этом первом плане Диксона, по сравнению с теми, которые были представлены после резолюции от 21 апреля, было открытое и категорическое требование замены кашмирского правительства администрацией «Организации Объединенных Наций». Если не предполагалось, что включение этого проекта в план общего плебисцита должно послужить *основой* будущего плана раздела, если цель состояла *исключительно* в том, чтобы решить техническую сторону вопроса о демилитаризации, который до сих пор тормозил всякий «прогресс», Диксону следовало бы подойти к этому сложному вопросу по-новому, не так, как подходил Макноттон, и тем самым попытаться ликвидировать тупик. Если при этом преследовалась *исключительно* цель добиться согласия Индии на империалистический план демилитаризации, тогда нужно было бы выработать новую формулу. Диксон же воспользовался планами своих предшественников, совершенно не меняя их. Для начала он уделил основное внимание вопросу установления контроля Организации Объединенных Наций над Кашмирской долиной, который он надеялся навязать Индии. Только после этого Диксон изложил свой новый план, разработанный в Вашингтоне и Лондоне, содержание которого так точно было предугадано империалистической печатью.

Когда первоначальный план и так называемые предложения о демилитаризации были отвергнуты, как Диксон и предполагал с самого начала, он представил свой *действительный* план. Основные моменты этого плана сводились к следующему: 1) плебисцит должен быть проведен порайонно, и судьба каждой части или района княжества должна быть решена в соответствии с результатами проведенного там голосования или 2) признавая несомненно (без проведения голосования), что население некоторых районов выскажется за присоединение к Индии, а население других — за присоединение к Пакистану, их судьбу следует решить в соответствии с этим и проведение плебисцита должно быть ограничено лишь районом, о котором нельзя сказать ничего определенного, а таковым, по мнению Диксона, являлась Кашмирская до-

лина и, «быть может, какая-либо близлежащая местность». Этот трюк с плебисцитом предполагалось пустить в ход для того, чтобы, как указывали газеты «Таймс» и «Глазго геральд», дать возможность Англии и Соединенным Штатам установить полный контроль над Кашмирской долиной. Сэр Оуэн Диксон писал в своем докладе:

«Фактически я решил, что проведу в ограниченном районе плебисцита [Кашмирской долине и определенном близлежащем районе] одно из мероприятий, которое я предлагал для всего княжества... Я намеревался добиться создания в ограниченном районе проведения плебисцита административного органа, состоящего из чиновников ООН. Во главе такого органа должен стоять администратор по проведению плебисцита. Этот орган будет осуществлять функции правительства в данном районе до тех пор, пока не будет назначено голосование». (Для чего, как откровенно писала «Таймс», потребуется «пять или десять лет». — В. К.)

«Мне казалось, — писал далее Диксон, — что угрозу свободе и справедливости проведения плебисцита не удастся устранить, если в административную иерархию княжества, поскольку она контролирует район проведения плебисцита, временно не будут введены чиновники Организации Объединенных Наций. Власть кабинета министров над остальной частью княжества не будет затронута. Обычная деятельность правительства в районе проведения плебисцита будет продолжаться без изменения, однако в районе проведения плебисцита администраторы Организации Объединенных Наций будут в данное время нести ответственность за работу механизма...»

Внимательное изучение различных положений второго плана Диксона показывает, что этот план не был простой переработкой прежних резолюций Совета Безопасности. Он отличался от этих резолюций — и в особенности от тех, которые были приняты после резолюции от 21 апреля, — не только той особенностью, что предусматривал замену общего плебисцита ограниченным, но также и тем, что кашмирское правительство предлагалось теперь заменить администрацией «Объединенных Наций», в которой адмирал Честер Нимиц должен был занять руководящий пост.

Чтобы понять смысл этого важного изменения, необходимо еще раз подчеркнуть, что от требования ликвидации кашмирского правительства, впервые выдвинутого в Совете Безопасности Уорреном Остином и Ноэль-Бэйкером, империалисты фактически не отказывались и после принятия резолюции от 21 апреля — оно было лишь завуалировано двусмысленной фразеологией резолюции комиссии. В то время Соединенным Штатам и Англии нужно было скрыть свои подлинные намерения и воздержаться от провозглашения их открыто, как это делалось, когда кашмирский вопрос впервые был поставлен на обсуждение Совета Безопасности. Тогда они боялись, что такой курс будет вызывать у индийского правительства все меньше и меньше желания принять основные пункты резолюции от 21 апреля, особенно в период, когда индийской армии было поручено изгнать захватчиков из княжества. Однако к тому времени, когда сэр Оуэн Диксон прибыл на полуостров Индостан, правительство Индии приняло основные положения резолюции от 21 апреля и изучало вопрос о методе их претворения в жизнь. Поэтому Диксон ухватился за представившуюся возможность и вновь включил в англо-американские документы о Кашмире первоначальное требование империалистов, которое индийское правительство считало умершим естественной смертью. Сэр Оуэн посмеялся над наивностью правительства Индии. Он напомнил Пандит Неру, что до сих пор он соглашался с главными предложениями в отношении этого основного вопроса, но что настало время, когда их нужно конкретизировать и претворить в жизнь.

«По моему мнению, Индия не понимает, что нужно сделать для того, чтобы определить, какова подлинная воля народа. Во всяком случае, Индия предлагает сделать совсем не то, что считаю необходимым я. Резолюция от 5 января 1949 года содержит несколько *довольно общих* положений о проведении плебисцита и предшествующих ему мероприятий, и в отношении этих более общих положений стороны смогли договориться. Однако для претворения в жизнь предложений такого рода должна быть согласована программа *практических действий и фактических мероприятий*. Без этого администратор по проведению плебисцита не может начать большую и трудную

работу по организации проведения голосования. Препятствием оказались *практические мероприятия*, а не более общие предложения». (Доклад Оуэна Диксона Совету Безопасности.)

Как Индия, так и Пакистан приняли принцип раздела и проведения плебисцита в ограниченном районе. Тем не менее основной план установления власти ООН в Кашмирской долине был отвергнут правительством Индии. И именно это побудило Диксона доложить Совету Безопасности о неудаче.

Глава пятнадцатая

КАШМИР — БАЗА ПРОТИВ НОВОГО КИТАЯ

Задолго до вторжения племен агент американской разведки Никол Смит приехал в Кашмир и всесторонне исследовал Ладакх, граничащий с Китайским Туркестаном. Он описывает свою поездку в книге «Золотые ворота в Тибет». Никол Смит работал для американского Управления стратегических служб во Франции, Сиаме, Китае, Индии и на Цейлоне. Он описал свою деятельность на острове Хайнань и в Китае в ранее вышедшей книге «Бирманская дорога». Впоследствии он был «заброшен на парашюте в Сиам в качестве агента Управления стратегических служб» («Нью-Йорк таймс», 29 июня 1949 года) и написал новую книгу — «В Сиам — царство подполья». Во время поездки в Кашмир и Ладакх Смита сопровождал «его друг Лорен Тателл, который делал киносъемки и фотоснимки». (Там же.) Майор Тателл во время второй мировой войны был командиром 5-го строевого подразделения кинооператоров на Тихом океане. Оба они жили в сринагарском лагере в пловучем доме «Даун»; их обслуживал Сидик Бадхиари, которого называли просто раджой. Они выехали из Сринагара в Америку в тот день, когда индийская армия вступила в Кашмир. Корреспондент «Нью-Йорк таймс» в Дели Роберт Трамбл писал тогда же:

«Один из самолетов гражданской авиации, который доставил сикхов в Сринагар, привез обратно в Дели двух американских исследователей — Никола Смита, писателя и лектора, проживающего в Нью-Йорке, Централ-Парк-Саут, 150, и Лорена Тателла, кинооператора из Чикаго...

Г-н Смит и г-н Тателл спасли 18 тысяч футов киноплёнки, заснятой в Кашмире и в Западном Тибете, но должны были бросить киноаппаратуру стоимостью в 6 тысяч долларов...

Во время длительных путешествий по Кашмиру в недавнее тревожное время г-н Смит нашел доказательства того, что местные правители могут воспользоваться беспорядками, чтобы отказаться от верности махарадже. В районе Ладакха... г-н Смит обнаружил широко распространенное стремление к независимости». («Нью-Йорк таймс», 28 октября 1947 года.)

На следующий день Трамбл добавил:

«Никол Смит, писатель и лектор, который приехал вчера из Сринагара, привез сообщение об определенной прорусской деятельности в Лехе — столице Кашмирской провинции Ладакх, которую он недавно посетил. Ладакх граничит с Китайским Туркестаном, который, как это также обнаружил г-н Смит, находится под сильным русским влиянием, хотя и является китайской провинцией». («Нью-Йорк таймс», 29 октября 1947 года.)

Никол Смит так описывал в книге «Золотые ворота в Тибет» цель своей поездки в Ладакх:

«...Я вынашивал заветную мысль... Во время второй мировой войны я часто летал на самолете «С-47» над горами *Восточного* Тибета и мрачно думал о том, что под нами на всех этих тысячах квадратных миль нет ни одного ровного места для посадки. Неужели район озера Пагонг тоже не подходит для посадочных площадок? Мне очень хотелось узнать это»¹.

Озеро Пагонг, находящееся частично в Тибете и частично в Ладакхе, имеет сорок миль в длину и от двух до четырех миль в ширину. Оно расположено на высоте 13 930 футов над уровнем моря. Этот район был исследован майором Лореном Тателлом самостоятельно, поскольку Никол Смит заболел. Однако его выводы были изложены Смитом:

«Наблюдения Лорена убедили его в том, что северная часть озера на протяжении, по меньшей мере, двадцати миль имеет минимальную ширину в две мили и что оно весьма глубоко даже вблизи от берега.

Лорен вынул из кармана небрежно набросанные им заметки. Он показал, что в этой части озера имеется участок, пригодный для оборудования взлетно-посадочной площадки; его длина — несколько миль. Он настаивал,

¹ Smith Nicol, *Golden Doorway to Tibet*, 1949, p. 234.

что там достаточно места для оборудования нескольких взлетно-посадочных площадок. Горы к северо-западу не так высоки, и самолет, поднявшись в воздух, может легко перелететь через них.

Мы смотрели друг на друга в молчании...»¹

Со временем стратегическое значение Кашмира для империалистов возросло еще более, особенно после создания в октябре 1949 года Китайской Народной Республики. Кашмир превратился теперь в плацдарм не только против Советского Союза, но и против китайской провинции Синьцзян. Кроме того, его можно было использовать как передовую базу для проникновения в Тибет, который в то время еще не входил в состав Китайской Народной Республики. Член парламента Маулана Саид Масуди подчеркнул этот момент, выступая на митинге в Дели:

«Другая сторона кашмирского вопроса состоит в том, что некоторые державы рассматривают его не с точки зрения интересов народа Кашмира, а в плане возможного использования этого княжества в качестве военной базы в новой мировой войне. Для них Кашмир благодаря его близости к Советской России, а также к Китаю является ценным стратегическим районом, и поэтому совершенно естественно, что во всяком предлагаемом решении кашмирского вопроса этот фактор превалирует в их соображениях». («Хиндустан таймс», 24 февраля 1953 года.)

Председатель Учредительного собрания Джамму и Кашмира Г. М. Садык заявил на профсоюзной конференции в Кашмире в 1951 году:

«Англичане и американцы руководствуются исключительно стремлением превратить Кашмир в военную базу против России, а также против нового Китая, и только по этой причине они занимаются проблемой Кашмира с таким усердием».

По этой же причине в мае 1949 года, когда действовавшие по указке американцев войска Чан Кай-ши были изгнаны из большинства районов континентального Китая и вопрос об их судьбе был окончательно решен, штаб генерала Макартура направил нескольких военных экспер-

¹ Smith Nicol, Golden Doorway to Tibet, p. 248.

тов в Кашмир под видом «наблюдателей» Организации Объединенных Наций. Корреспондент агентства Рейтер сообщал из Токио:

«Штаб верховного командующего войсками союзников генерала Дугласа Макартура сообщил, что семь офицеров американской армии были посланы отсюда в Дели в качестве наблюдателей за осуществлением перемирия в кашмирском споре». («Стейтсмен», 22 мая 1949 года.)

Впоследствии многие иностранные наблюдатели посетили северо-восточную провинцию Ладакх. Среди них были Маргарет Партон из газеты «Нью-Йорк геральд трибюн» и специальный корреспондент лондонской «Таймс».

После мирного освобождения Тибета в октябре 1950 года значение Кашмира для правителей Соединенных Штатов значительно увеличилось. Их интерес к Кашмиру становился все более явным. Через десять дней после вступления Народно-освободительной армии в Тибет корреспондент агентства Рейтер сообщал из Флэшинг Медоус:

«До сих пор на картах, которыми обычно пользовались, изображалась бывшая «Индийская империя». Сейчас требуются более крупные карты, отражающие связь Кашмира и окружающих его областей в четкой перспективе всего района Гималайских гор.

Это, пожалуй, объясняется сообщениями о том, что представители подвергнувшегося вторжению Тибета говорили о возможности передачи вопроса о Тибете в Совет Безопасности.

Те, кто был заинтересован в этом вопросе, отмечали, что Тибет имеет общую границу с Кашмиром в районе входящей в него провинции Ладакх, где проживает преимущественно буддийское население. Высказываются предположения, не может ли вступление коммунистических войск в соседний Тибет, расцениваемое в некоторых кругах как важное событие в холодной войне, привести к рассмотрению кашмирского вопроса в новом свете.

Признается, что пребывание войск коммунистического Китая в такой близости от Кашмира, Индии и Непала представляет собой новый фактор, однако нет никаких указаний на то, что основной подход к кашмирскому вопросу претерпит существенные изменения, если только

вопрос о Тибете каким-либо образом не будет поставлен перед Организацией Объединенных Наций.

Известно, что делегация Соединенных Штатов рассматривает весь вопрос о районах, находящихся у подножья Гималаев.

Хотя никто открыто не признает, что вопрос о Тибете изучается самостоятельно, существует твердое мнение, что на заднем плане появился новый фактор, который может в будущем бросить тень на Кашмир». («Хиндустан таймс», 4 ноября 1950 года.)

Американское агентство Юнайтед Пресс сообщало из Вашингтона о совещании по кашмирскому вопросу, в котором приняли участие государственный секретарь Дин Ачесон, помощник государственного секретаря (по делам Востока) Джордж Макги и министр иностранных дел Пакистана сэр Мохаммед Зафрулла. Это агентство передавало:

«Американский представитель не внес никаких конкретных предложений, ограничившись сообщением, что США заинтересованы в установлении стабильности в этом *стратегическом районе, который находится всего в нескольких милях от захваченного коммунистами Тибета и близ Непала, где народ пытается свергнуть нынешний режим*». («Санди ньюс оф Индия», Бомбей, 19 ноября 1950 года.)

Два с половиной месяца спустя то же агентство сообщало из Флэшинг Медоус:

«Кашмир всегда вызывал серьезное беспокойство в Организации Объединенных Наций, так же как и в западных странах, ибо положение там в течение трех лет таило угрозу всеобщей войны. *Однако значение этого вопроса возросло в последние месяцы, когда единство Азии перед лицом коммунистической угрозы стало одной из главных забот творцов политики на Западе...*

Кашмир граничит с красным Китаем, и в результате вступления коммунистов в Тибет он оказался обойденным с фланга. Граница Советской Таджикской республики находится менее чем в ста милях от северной части Кашмира и отделена от него узкой полосой афганской территории». («Гонконг дейли телеграф», 5 февраля 1951 года.)

3 мая 1952 года Роберт Трамбл сообщал из Дели:

«Положение в Азии в целом и, в частности, оккупация китайскими коммунистами соседнего Тибета сделали еще более настоятельной необходимость урегулировать кашмирский вопрос. Кашмир граничит с Тибетом и собственно Китаем, а восточная провинция Кашмира Ладакх имеет много общего с Тибетом». («Нью-Йорк таймс», 4 мая 1954 года.)

Таким образом, в связи с урегулированием тибетского вопроса путем мирных переговоров между Центральным народным правительством Китая и властями Лхасы северо-восточная провинция Кашмира Ладакх стала занимать важное место в военно-стратегических планах империалистов.

Кроме того, в связи с появлением нового Китая Индия в целом приобрела особое значение в глазах американцев. Соединенные Штаты рассматривали теперь Индию как единственного «устойчивого» союзника «свободного мира» в Азии. Правительство Соединенных Штатов стремилось привлечь Индию на свою сторону во всех важных политических и военных вопросах, возникавших на Дальнем Востоке. 16 октября 1949 года «Нью-Йорк таймс» писала:

«В течение тех месяцев, когда коммунистические армии быстро продвигались через Китай, надежды Вашингтона на создание демократического центра сплочения в Азии связывались с Индией — второй по величине азиатской страной — и с человеком, который определяет политику Индии, — премьер-министром Джавахарлалом Неру...

Соединенные Штаты ищут пути для восстановления влияния Запада, чтобы помешать дальнейшему распространению коммунизма на Дальнем Востоке. Для этой цели Вашингтон стремится заручиться поддержкой премьер-министра Неру — неофициального представителя большей части Юго-Восточной Азии».

27 октября Маргарет Партон писала в «Нью-Йорк геральд трибюн»:

«По мере того как коммунизм укрепляется в Китае и создается все большая угроза для Юго-Восточной Азии, Индия становится самым надежным оплотом демократии на Востоке...»

Потенциально она представляет собой наиболее крупную военную базу, оставшуюся у демократии. Ее людские ресурсы обширны. Она является источником угля, марганца, железа, слюды и некоторого количества нефти. Она имеет один из крупнейших в мире сталелитейных заводов».

Поэтому Соединенные Штаты были заинтересованы в Кашмире не только потому, что намеревались использовать его в будущем в качестве передовой базы для проникновения на территорию Синьцзяна и Тибета. С установлением в этом княжестве американского военного правления во главе с адмиралом Честером Нимицем его можно было бы использовать и для того, чтобы оказывать давление на Индию и заставить ее правительство безоговорочно поддерживать Соединенные Штаты во всех вопросах, имеющих политическое и военное значение, особенно в тех, которые касаются Дальнего Востока.

Эта сторона плана Соединенных Штатов была полностью вскрыта, когда президент Трумэн и премьер-министр Эттли обратились к Пандит Неру и Лиакат Алихану с письмом, в котором они настаивали на безоговорочном принятии предложения комиссии о посылке в Кашмир адмирала Честера Нимица в качестве верховного арбитра в споре. Хотя сам текст этих писем не был опубликован, иностранная пресса сообщала об их основном содержании и об обстоятельствах, при которых они были написаны. Американское агентство Юнайтед Пресс передавало из Вашингтона:

«Как полагают, президент Трумэн в письмах главам индийского и пакистанского правительств заявил, что продолжение спора из-за контроля над княжеством представляет собой угрозу миру во всей Юго-Восточной Азии...

Призыв президента Трумэна прозвучал в то время, когда группа высокопоставленных американских политических деятелей продолжала свои усилия по разработке новой политики сдерживания коммунизма в Азии. Ожидают, что одной из главных черт этой новой политики будет создание «зоны безопасности» вокруг коммунистического Китая путем стабилизации положения и укрепления демократии в граничащих

с Китаем районах»¹. («Хиндустан таймс», 1 сентября 1949 года.)

В начале января 1951 года в Лондоне была созвана конференция премьер-министров стран Содружества наций. В то время военный авантюризм Соединенных Штатов достиг наивысшего предела и таил в себе непосредственную угрозу новых бедствий на Востоке и во всем мире. Американские армии, игнорируя предупреждение Китайской Народной Республики, всех миролюбивых народов мира и даже некоторых правительств, дружелюбно настроенных к правителям Соединенных Штатов, перешли 38-ю параллель и вторглись в Северную Корею. Генерал Макартур публично заявлял о своем намерении напасть на Китай и распространить войну за пределы Кореи. Президент Трумэн уже грозил применить атомную бомбу против корейского народа. Силы войны в Соединенных Штатах открыто и настойчиво стремились к тому, чтобы новый пожар охватил всю Азию и весь мир.

Поэтому неудивительно, что правительство Соединенных Штатов оказало большой нажим на конференцию премьер-министров стран Содружества наций, требуя увеличения ассигнований на вооружение и настаивая на создании объединенного фронта против Китая. Оно хотело, чтобы конференция поставила своей главной задачей разработку согласованного плана создания Тихоокеанского блока с Индией в качестве основной базы, который был бы направлен против нового Китая и поднимающейся волны национально-освободительного движения народов Юго-Восточной Азии. 4 января 1951 года газета «Нью-Йорк таймс» писала:

¹ Монреальская газета «Дейли стар» писала 31 августа 1949 года, что в дипломатических кругах придавали особое значение этой акции, поскольку она была предпринята в то время, когда «высокопоставленная консультативная группа», возглавляемая послом по особым поручениям Филиппом Джессепом, «пытается разработать принципы новой политики в Азии после краха националистов в Китае». — политики, основной чертой которой является «поддержка демократических правительств вокруг Китая». Вашингтонский корреспондент лондонской «Таймс» также сообщал, что в Вашингтоне эта акция расценивалась как «первый шаг в разрабатываемой в настоящее время новой азиатской и дальневосточной политике борьбы против коммунизма». («Таймс», 1 сентября 1949 года.) — *Прим. автора.*

«Китай, осуществивший вторжение в Корею и Тибет и поддерживающий русскую политику, противопоставил себя всему земному шару, создав угрозу, всюду подстерегающую страны Содружества наций.

Поэтому оборона Азии — это основной и, можно сказать, жизненно важный предмет обсуждения».

Газета «Вашингтон пост» 2 января 1951 года объяснила, почему Соединенные Штаты придавали особое значение полуострову Индостан:

«Англия хотела бы, чтобы сильная Индия и сильный Пакистан присоединились к борьбе против распространения влияния китайских коммунистов в Азии.

Красные китайские войска уже находятся в Тибете, горы которого возвышаются над равнинами Индии... Англия считает, что азиатские страны должны возглавить борьбу против коммунизма в этой части мира...»

Два дня спустя эта же газета добавила:

«Географически Пакистан и Индия — самые близкие английские доминионы, и они могли бы оказать огромную помощь на Среднем Востоке, если бы не кашмирский вопрос.

По этой причине Вашингтон отступил от обычных дипломатических норм, предложив рассмотреть спор из-за Кашмира на конференции стран Содружества наций. По мнению американцев, ключ к обороне Среднего Востока находится в Индии и Пакистане...» («Вашингтон пост», 4 января 1951 года.)

Тот факт, что правительство Соединенных Штатов действительно в письменной форме обратилось к английскому правительству, предлагая ему включить кашмирский вопрос в повестку дня конференции, был признан также вашингтонским корреспондентом монреальской газеты «Дейли стар», который, в подтверждение своего сообщения об этом совершенно секретном послании, привел следующее заявление одного из американских официальных представителей:

«Крупные военные силы Индии и Пакистана в течение двух лет скованы в связи со спором из-за этой преимущественно мусульманской, но управляемой индусами провинции. Американские должностные лица считают, что такая ситуация ослабляет основу всего стратегиче-

ского планирования для Юго-Восточной Азии и Среднего Востока.

О стремлении Америки добиться обсуждения этой проблемы на лондонской конференции... сообщил представитель государственного департамента по связи с печатью Майкл Дж. Макдермотт». («Дейли стар», 9 января 1951 года.)

О том, какую цель преследовали Соединенные Штаты, добиваясь обсуждения кашмирского вопроса на конференции стран Содружества наций, писала и американская и английская печать. Так, 3 января 1951 года «Таймс» заявила:

«Невозможно исключить вопрос о Кашмире, ставший основным препятствием к сотрудничеству между Пакистаном и Индией, из повестки дня конференции, которая должна заниматься главным образом проблемами безопасности Юго-Восточной Азии. До тех пор пока кашмирский спор не будет урегулирован, все страны Содружества наций, так же как и Пакистан и Индия, будут испытывать серьезные трудности при разработке планов укрепления международной безопасности в Азии и на Среднем Востоке».

Журнал «Бизнес уик» писал 20 января 1951 года:

«Решение кашмирской проблемы — ключ к сотрудничеству Индии и Пакистана в обороне Среднего Востока и Юго-Восточной Азии. Вот почему министры стран Содружества наций вновь приложили отчаянные усилия решить этот спор»¹.

Таким образом, «решение» кашмирской проблемы считалось ключом к индо-пакистанскому сотрудничеству, которое было необходимо для осуществления направленных против народного Китая стратегических планов империалистов на Среднем Востоке и в Юго-Восточной Азии.

Когда в результате нажима Соединенных Штатов кашмирский вопрос удалось включить в повестку дня конференции премьер-министров, два сателлита Соединенных Штатов в Содружестве наций — Австралия и Новая Зеландия — предложили послать свои войска в

¹ Такие же объяснения давали лондонский журнал «Тайм энд тайд» 6 января и «Таймс» 8 января 1951 года. — *Прим. автора.*

Кашмир якобы для поддержания законности и порядка во время плебисцита. 17 января 1951 года «Гонконг дейли телеграф» опубликовала интервью пакистанского премьер-министра, данного им в Лондоне:

«На вопрос о том, какие страны Содружества наций послали бы войска в Кашмир, господин Лиакат Али-хан ответил: «Австралия, Новая Зеландия и, я думаю, другие страны Содружества наций... Мы так и не установили, какие именно страны должны были сделать это».

18 января 1951 года «Манчестер гардиан» писала:

«Премьер-министр Австралии господин Мензис заявил сегодня на пресс-конференции, что он был автором предложения относительно того, чтобы войска стран Содружества наций поддерживали порядок в стране во время проектируемого плебисцита».

О том, что эти иностранные войска фактически должны были быть переданы под непосредственный контроль Соединенных Штатов, заявил премьер-министр Канады Луи Сен-Лоран. Сообщая о полученном у него интервью, оттавский корреспондент газеты «Крисчен сайенс монитор» привел его заявление, в котором указывалось:

«...было внесено предложение, чтобы индийские и пакистанские войска, оккупирующие Кашмир, были заменены... смешанными группами войск других стран Содружества наций, *находящихся под руководством* организации Объединенных Наций». («Крисчен сайенс монитор», 17 января 1951 года; курсив мой.— В. К.).

Было внесено и иное предложение: распустить кашмирскую национальную милицию и предоставить адмиралу Честеру Нимицу право мобилизовать на местах войска для поддержания «законности и порядка». Однако эти предложения проамерикански настроенных премьер-министров Австралии и Новой Зеландии были отвергнуты Неру, который не согласился на оккупацию Кашмира их войсками.

Как указывалось в главе восьмой данной книги, Соединенные Штаты и Англия во время передачи кашмирского вопроса в Совет Безопасности предусматривали, что вступление иностранных войск в Кашмир должно последовать за успехом, которым, как предполагалось, увенчаются их попытки добиться скорейшего назначения в Кашмир администратора Объединенных Наций. Имен-

но по этой причине в то время, когда комиссия ООН по Индии и Пакистану, генерал Макноттон и сэр Оуэн Диксон пытались заставить Индию согласиться на назначение адмирала Честера Нимица, Индии и Пакистану не предъявляли требования допустить иностранные войска в Кашмир. Комиссия ООН по Индии и Пакистану дошла даже до того, что заявила однажды, будто Объединенные Нации не намеревались посылать иностранные войска в Кашмир. Когда сэр Мохаммед Зафрулла-хан спросил членов комиссии «намерены ли они пользоваться услугами международных или нейтральных войск»¹, председатель комиссии ответил:

«Как известно правительству Пакистана, Организация Объединенных Наций не имеет в своем распоряжении какой-либо международной армии. Использование нейтральных вооруженных сил не предусматривалось комиссией». (Ответ комиссии ООН по Индии и Пакистану на меморандум правительства Пакистана, датированный 19 августа 1948 года.)

Довод о том, что комиссия не предусматривала использования какой-либо «международной армии» в Кашмире, ибо Организация Объединенных Наций не имела в своем распоряжении никаких международных вооруженных сил, явно несостоятелен. Если это было действительной причиной того, что в резолюциях комиссии не предусматривалось использование «нейтральных войск», то как мог Совет Безопасности, являющийся органом ООН, обратиться в феврале 1951 года к Индии и Пакистану с призывом допустить в Кашмир вооруженные силы «государств — членов Организаций Объединенных Наций?...» Или как мог ставленник Организации Объединенных Наций Фрэнк Грэхэм спрашивать Индию и Пакистан 7 декабря 1951 года, согласны ли они на вступление этих войск в Кашмир? ².

Подлинная причина заключалась в том, что комиссия ООН по Индии и Пакистану не считала разумным и

¹ Меморандум правительства Пакистана, представленный комиссии ООН по Индии и Пакистану 19 августа 1948 года.

² Этот момент будет освещен в следующей главе. Здесь о нем упоминается лишь для того, чтобы проиллюстрировать анализируемый вопрос.— *Прим. автора.*

удобным с политической точки зрения раскрывать конечные цели Англии и США до тех пор, пока администратор прочно не обоснуется в Кашмире.

Однако переговоры на конференции премьер-министров стран Содружества наций показали, что предложение о вступлении в Кашмир австралийских и новозеландских войск было разглашено еще *до того*, как Соединенные Штаты добились назначения администратора Честера Нимица в Кашмир. Это было сделано потому, что Соединенные Штаты не могли скрыть план посылки в Кашмир своих войск или войск своих сателлитов в период, когда возник новый Китай, когда в Тибете стала невозможной подрывная деятельность иностранных держав и когда правители США серьезно готовились к вторжению в континентальный Китай. Это подтвердилось на следующем заседании Совета Безопасности в феврале 1951 года, на котором предложение о посылке иностранных войск в Кашмир было официально включено Соединенными Штатами и Англией в их проект резолюции по Кашмиру.

Глава шестнадцатая

ВМЕШАТЕЛЬСТВО АГЕНТА ПЕНТАГОНА

Заседание Генерального совета Национальной конференции состоялось в конце октября 1950 года. Совет категорически высказался против расчленения княжества и заявил, что единство и органическая однородность его населения не должны быть нарушены. К одному из самых положительных моментов заседания Генерального совета следует отнести принятие им заявления о том, что находящаяся под контролем Америки Организация Объединенных Наций не разрешила проблемы Кашмира, а только затянула ее в ущерб благосостоянию населения Кашмира и будущему его страны. В соответствии с этим Генеральный совет принял постановление созвать облеченное всей полнотой власти Учредительное собрание, избираемое на основе предоставляемого всему взрослому населению избирательного права, с целью определить будущее устройство княжества Джамму и Кашмир и решить вопрос о его присоединении к одному из двух доминионов. Кроме того, члены Совета договорились передать на рассмотрение Учредительного собрания вопрос о будущем монархии и о выплате компенсации за экспроприированные у помещиков земли.

Это прозвучало как прямой вызов Соединенным Штатам и Англии, замышлявшим превратить Кашмир в свою колонию и военно-стратегическую базу. 22 февраля 1951 года газета «Манчестер гардиан» писала:

«Совет Безопасности не мог благожелательно отнестись к созыву Учредительного собрания, ибо это противоречит принятому всеми заинтересованными сторонами принципу, а именно, что судьба Кашмира должна быть решена при помощи плебисцита, проведенного Организацией Объединенных наций».

Клод Пеппер — американский сенатор, председатель подкомитета сенатской комиссии по иностранным делам,

ведущего странами, расположенными между Бирмой и Средним Востоком, — грозил, что, «если две страны не сумеют дружески решить спор, Организации Объединенных Наций придется непосредственно заняться им надлежащим образом». («Доон», 20 октября 1950 года.)

Соединенные Штаты и Англия поспешили созвать заседание Совета Безопасности для обсуждения совместной резолюции по Кашмиру, внесенной их представителями (заседание Совета состоялось 21 февраля 1951 года). Основные пункты этой резолюции предусматривали:

«1. Возможность того, что любые *вооруженные силы*, необходимые для облегчения демилитаризации и проведения плебисцита, будут скомплектованы *государствами — членами Организации Объединенных Наций* или будут мобилизованы на месте.

2. Возможность того, что, хотя потребуется наблюдение за выполнением функций правительства в княжестве Джамму и Кашмир, это наблюдение будет осуществляться в различной степени в каждом районе.

3. Согласие на арбитраж во всех важнейших спорных вопросах. Такой арбитраж должен осуществляться арбитром или группой арбитров, назначаемых Международным судом, который будет консультироваться со сторонами».

В преамбуле к этой резолюции говорилось, что созыв Учредительного собрания, рекомендованный Генеральным советом Национальной конференции княжества Джамму и Кашмир с целью определить будущее устройство княжества и решить вопрос о его присоединении к одному из двух доминионов, «не представлял бы решения проблемы княжества в соответствии с указанным выше принципом». Внося эту резолюцию, сэр Глэдунин Джебб заявил:

«От имени своей делегации я обязан заявить, что нам кажется трудным примирить резолюцию Кашмирской Национальной конференции с согласованной формой урегулирования, и мое правительство испытывает некоторое беспокойство, как бы власти княжества Кашмир не предприняли независимых действий, которые явились бы вызовом авторитету Совета Безопасности и Организации Объединенных Наций в целом».

Совместная англо-американская резолюция предусматривала также назначение представителя Организации Объединенных Наций, который должен был отправиться на полуостров Индостан «для осуществления демилитаризации княжества Джамму и Кашмир» и «представления правительствам Индии и Пакистана подробных планов проведения плебисцита в этом княжестве...»

Глава индийской делегации Б. Н. Рау выступил против совместной англо-американской резолюции. Он заявил ее авторам, что правительство Индии не намерено принимать предложение о размещении иностранных войск в Кашмире.

«Мы не можем согласиться на ввод иностранных войск в княжество или в какую-либо другую часть Индии. Принимая во внимание положения резолюций от августа 1948 и января 1949 года, нет никаких оснований для использования иностранных войск или для специального набора рекрутов на местах каким-либо посторонним органом».

Проект англо-американской резолюции вызвал резкие возражения в Индии как со стороны печати, так и со стороны населения. В сообщении из Дели, датированном 24 февраля 1951 года, Роберт Трамбл так описывал отношение в Индии к этой резолюции:

«Трудно понять, как можно было ожидать, чтобы он [Неру] принял новое предложение о посылке иностранных войск или наборе новых местных войск для поддержания порядка в княжестве в период плебисцита.

Индийская печать редко была (а быть может, и никогда не была) столь единодушной, как в тот момент, когда она выступила против новой резолюции по кашмирскому вопросу, и редко употребляла такие резкие выражения. Нет сомнений в том, что печать в данном случае отражает мнение правительства, хотя последнее, быть может, на заседаниях в Лейк-Саксесе разговаривает более дипломатическим языком». («Нью-Йорк таймс», 25 февраля 1951 года.)

Встретив такое сопротивление, соавторы резолюции попытались «пойти навстречу» Индии. В связи с этим представители Англии и Соединенных Штатов 21 марта предложили пересмотренный проект резолюции, из которого были исключены статьи, касающиеся: 1) раз-

мещения иностранных войск и 2) осуществления различной степени наблюдения в различных районах. Пересмотренный проект содержал призыв к представителю Организации Объединенных Наций (заменившему Оуэна Диксона) провести демилитаризацию на основе резолюций комиссии ООН по Индии и Пакистану от 13 августа 1948 года и 5 января 1949 года.

30 марта 1951 года англо-американская резолюция была принята большинством Совета Безопасности.

Англо-американское большинство в Совете Безопасности назначило Фрэнка Грэхэма «представителем Организации Объединенных Наций в Индии и Пакистане». 3 апреля 1951 года «Нью-Йорк геральд трибюн» сообщила, что вначале на эту должность прочили генерала Дуайта Эйзенхауэра. Однако окончательный выбор, павший на Грэхэма, не был случайным. 2 мая 1951 года «Манчестер гардиан» писала:

«Он — великолепный образец американского либерала... Недавно он был советником министерства труда по вопросам людских резервов, используемых для нужд обороны. Тот факт, что президент хочет послать в Кашмир д-ра Грэхэма в такое критическое время, свидетельствует о том, какое значение он придает Кашмиру».

Грэхэма сопровождал штат сотрудников в составе двенадцати человек, большинство которых были американцы. В роли его военного советника выступал бывший командующий сухопутными силами США генерал Джекоб Деверс.

После 1951 года западные державы не считали разумным и удобным с политической точки зрения требовать полной ликвидации кашмирского правительства и замены его иностранной администрацией¹. Поэтому по настоянию Индии статья, касающаяся иностранного контроля над кашмирским правительством, была с готовностью изъята из пересмотренной совместной англо-американской резолюции от 30 марта 1951 года. Это было не простое исключение нескольких фраз, а явное свидетельство изменения тактики Соединенных Штатов и Англии.

¹ Факторы, способствовавшие такому изменению требования западных держав, подробно изложены в главе девятнадцатой.— *Прим. автора.*

Применяя новую тактику, США и Англия стремились, по возможности скорее ввести в должность администратора по проведению плебисцита адмирала Честера Нимица, а также увеличить число наблюдателей ООН до нескольких тысяч и снабдить их соответствующим оружием. При помощи этих двух тесно связанных маневров империалисты намеревались взять Кашмир под свой контроль, прямо не требуя ликвидации кашмирского правительства и замены его иностранной администрацией.

Тотчас же по приезде в Индию Фрэнк Грэхэм приступил к претворению в жизнь этих империалистических планов. Во время первого тура переговоров (с июня по сентябрь 1951 года) он сосредоточил основное внимание на вопросе демилитаризации, без решения которого Индию нельзя было склонить согласиться на назначение адмирала Честера Нимица администратором Кашмира. Широко известные двенадцать предложений Грэхэма преследовали именно эту цель.

Было совершенно очевидно, что грэхэмовская формула демилитаризации не могла быть основана ни на формуле Макноттона, ни на формуле Диксона, ибо обе они были уже отвергнуты Индией. Поэтому американский «посредник» изобрел «новый подход» к этой проблеме. Пункт 7 его двенадцати предложений предусматривал, что «по истечении периода демилитаризации на нынешней пакистанской стороне от линии прекращения огня останутся отряды народной милиции численностью... а на индийской стороне — отряды...¹. Премьер-министр Неру определил количество войск, которое, как этого требовало правительство Индии, должно было находиться на индийской стороне от линии прекращения огня, в одно соединение войск дорожно-комендантской службы и одну пехотную дивизию (обычную), состоящие из четырех бригад и четырех батальонов каждое. (Письмо премьер-министра Индии д-ру Фрэнку Грэхэму от 11 сентября 1952 года.) Правительство Индии согласилось, чтобы на пакистанской стороне от линии прекращения огня были размещены отряды народной милиции численностью в 4 тысячи человек. Премьер-министр Пакистана написал

¹ Пропуски в тексте должны были заполнить соответствующие правительства.— *Прим. автора.*

Грэхэму, что он хотел бы, чтобы на каждой стороне от линии прекращения огня оставалось не больше четырех пехотных батальонов с необходимым административно-обслуживающим персоналом. (Письмо премьер-министра Пакистана д-ру Грэхэму от 12 сентября 1952 года.)

На второй стадии переговоров (ноябрь—декабрь 1951 года), которые состоялись в Париже, Грэхэм разрешил не только вопрос о количестве войск, которые должны остаться на каждой стороне от линии прекращения огня, но и вопросы, касающиеся даты, когда правительство Индии должно санкционировать назначение администратора на должность, а также вопросы, связанные с увеличением числа наблюдателей ООН и размещением иностранных войск в Кашмире.

В вопроснике, переданном правительствам Индии и Пакистана 7 декабря 1951 года, Грэхэм спрашивал: а) можно ли увеличить число военных наблюдателей ООН, доведя его до уровня, который «будет сочтен необходимым Организацией Объединенных Наций» и двумя правительствами, б) можно ли разместить иностранные войска в Кашмире «для поддержания законности и порядка» на такой срок, который Организация Объединенных Наций сочтет необходимым и в) согласятся ли два правительства «санкционировать официальное назначение на должность администратора по проведению плебисцита не позже последнего дня периода демилитаризации».

Генерал Деверс указывал в своем первом плане, что число наблюдателей будет доведено до 800 офицеров и 600 солдат, которые будут снабжены «необходимыми джипами, вертолетами и средствами связи». Однако во втором плане (правительство Индии заявило, что этот план ни разу не был показан его представителю) это число конкретно не указывалось, но, по общему мнению, достигало нескольких тысяч.

В ответ на вопросы Грэхэма правительство Индии заявило: 1. Что касается предлагаемого числа наблюдателей, то вполне достаточно, если на индийской стороне от линии прекращения огня оно будет вдвое превышать число наблюдателей, находящихся там в настоящее время, тогда как на пакистанской стороне можно ограничиться посылкой 100—150 наблюдателей. 2. Замена

индийских войск иностранными войсками, вне зависимости от их состава, не может быть допущена ни в коем случае. 3. «Администратор до проведения плебисцита должен быть назначен, как только условия в княжестве по обеим сторонам от линии прекращения огня позволят приступить к подготовке проведения плебисцита».

Правительство Пакистана приняло пункты «а» и «б» вопросника, касающиеся увеличения числа военных наблюдателей и размещения иностранных войск. По поводу пункта «б» оно заявило:

«Правительство Пакистана хочет подчеркнуть важность официального назначения администратора по проведению плебисцита на должность как можно скорее... Следует надеяться, что он будет назначен на должность значительно раньше последнего дня демилитаризации».

Таким образом, в своих переговорах с Индией и Пакистаном Грэхэм стремился ускорить осуществление плана официального введения в должность администратора по проведению плебисцита «в определенный момент периода демилитаризации» и ввода в Кашмир либо регулярных войск империалистических стран, либо их военного персонала под видом «наблюдателей Организации Объединенных Наций».

Следует отметить, что Соединенные Штаты и Англия не настаивали тогда на ликвидации кашмирского правительства или на замене его иностранной администрацией. Непосредственный план достижения их конечной цели — включение Кашмира в их стратегическую орбиту — состоял тогда в том, чтобы добиться скорейшего назначения адмирала Нимица администратором по проведению плебисцита. Сам Грэхэм заявлял:

«Важнейшим вопросом сложной проблемы программы демилитаризации... будет назначение определенной даты официального введения в должность администратора по проведению плебисцита».

Важность плана отправки в Кашмир большого числа иностранных военных наблюдателей отмечали многие американские и английские газеты. «Вашингтон пост» писала 19 июля 1951 года:

«Для того чтобы добиться какого-либо решения, обе стороны должны отказаться от своих позиций и проявить готовность пойти на уступки. К сожалению, *отсутствуют*

полицейские силы Организации Объединенных Наций, которые охраняли бы Кашмир. Но разве нельзя было бы, при наличии подлинного стремления к соглашению, передать в распоряжение Организации Объединенных Наций небольшое количество войск Индии и Пакистана, которые поддерживали бы порядок во время проведения плебисцита? Не должно возникнуть никаких трудностей и при подборе группы нейтральных наблюдателей для надзора за проведением самого плебисцита».

«Манчестер гардиан» писала 8 ноября 1952 года:

«Недавно высказали предположение, что при нынешних обстоятельствах наилучшей гарантией послужило бы значительное увеличение штата наблюдателей, находящихся в распоряжении администратора по проведению плебисцита. Если бы плебисцит был проведен под их внимательным наблюдением и если бы войска, остающиеся по обе стороны от линии прекращения огня, были расквартированы в мало населенных районах, можно было бы убедить обе заинтересованные стороны в справедливости этой процедуры».

Вот на этой-то опасной для Кашмира стадии иностранного вмешательства советский делегат в Организации Объединенных Наций Яков Малик разоблачил махинации Англии и Соединенных Штатов и показал подлинный характер выработанных ими планов, вскрыв их агрессивную империалистическую природу и подчеркнув, что они отнюдь не преследуют цель разрешения кашмирского вопроса. Эти планы были рассчитаны на вмешательство Англии и Америки во внутренние дела Кашмира, на затягивание спора между Индией и Пакистаном, на превращение Кашмира — под предлогом оказания ему помощи через Организацию Объединенных Наций — в «подопечную территорию» Соединенных Штатов и Англии.

«Подобные планы в отношении Кашмира, — заявил Малик, — ставят целью добиться введения американо-английских войск на территорию Кашмира и превращения последнего в американо-английскую колонию и военно-стратегический плацдарм».

Советский делегат спросил у членов Совета Безопасности, кто уполномочил Грэхэма обратиться к правительствам Индии и Пакистана с вопросом, готовы ли они

согласиться на допуск вооруженных сил членов ООН в Кашмир, хотя это предложение было изъято из самой резолюции Совета Безопасности. Резолюция Совета Безопасности, определяющая полномочия представителя ООН, не наделяла его правом заниматься вопросом о вводе иностранных войск в Кашмир. Кто же, в таком случае, толкнул Грэхэма на этот шаг? Малик заявил:

«Совет Безопасности не уполномочивал его. Кто же, в таком случае, сделал это? Здесь возможен лишь один ответ: очевидно, господин Грэхэм получил санкцию непосредственно из Вашингтона, из Пентагона.

Отсюда следует, что господин Грэхэм как представитель Организации Объединенных Наций превысил свои полномочия и, проводя генеральную линию американо-английского блока, сделал все от него зависящее, чтобы подготовить почву для ввода в Кашмир американских и английских вооруженных сил под видом вооруженных сил Организации Объединенных Наций».

На основании этого советский делегат сделал вывод, что только вмешательство Соединенных Штатов и Англии во внутренние дела Кашмира «создает препятствия для решения кашмирского вопроса, не дает населению Кашмира самому решить свою судьбу на основе принципа самоопределения, предусмотренного Уставом ООН». Он заявил Совету Безопасности, что кашмирский вопрос можно решить, предоставив населению Кашмира возможность самому определить свою судьбу без всякого иностранного вмешательства.

Беспощадное разоблачение Яковом Маликом англо-американских замыслов, направленных против Кашмира, сорвало планы Глэдуина Джебба и Эрнеста Гросса. 26 января 1952 года газета «Пакистан таймс» писала:

«Разоблачение советским делегатом англо-американских целей в отношении Кашмира, видимо, оказало парализующее влияние на джентльменов, которые дали миру понять, что окончательный план подготавливается и будет вскоре представлен Совету Безопасности».

Это побудило председателя Совета Безопасности, которым в то время был представитель Франции, отложить обсуждение вопроса на неопределенный срок. Англо-американское большинство в Совете Безопасности обратилось к Грэхэму с просьбой вновь посетить полуостров

Индостан и возобновить переговоры с правительствами Индии и Пакистана.

Во время третьего тура переговоров (с февраля по март 1952 года) Грэхэм снова пытался добиться одобрения правительствами Индии и Пакистана его предложений о демилитаризации, с тем чтобы подготовить почву для скорейшей отправки в Кашмир военного администратора. Он начал со своего плана демилитаризации, ибо правительство Индии попрежнему придерживалось мнения, что дата официального введения администратора в должность может быть без труда согласована *при условии*, что будет достигнуто соглашение относительно масштабов демилитаризации и количества войск, которые останутся по окончании периода демилитаризации. Поэтому решение проблемы демилитаризации стало для Грэхэма неременным условием дальнейшего осуществления его планов.

Правительство Индии попрежнему придерживалось того мнения, что на каждой стороне от линии прекращения огня в конце периода демилитаризации должно остаться минимальное количество войск, а именно: на индийской стороне должны находиться войска индийской регулярной армии численностью в 21 тысячу человек и части милиции княжества численностью в 6 тысяч человек, а на пакистанской стороне — отряды народной милиции численностью в 4 тысячи человек. Индия предлагала, чтобы отряды народной милиции состояли из лиц, обычно проживающих на территории «Свободного Кашмира»; половину из них должны были составлять сторонники «Свободного Кашмира», а другую половину — лица, не являющиеся его сторонниками.

Пакистанское правительство, наоборот, соглашалось с Грэхэмом в отношении того, что после окончания периода демилитаризации по обеим сторонам от линии прекращения огня должно оставаться «наименьшее количество вооруженных сил, находившихся по обе стороны от линии прекращения огня на 1 января 1949 года».

При такой ситуации, когда Грэхэму не удалось навязать Индии и Пакистану свои планы демилитаризации, создавалась угроза бесконечной отсрочки установления даты официального назначения адмирала Честера Ни-

мица. Чтобы обойти эту трудность, Грэхэм разработал новую хитрую стратегию.

Американский представитель заявил, что, по его «твердому убеждению», помимо вопроса об окончательном количестве войск, — которому он до сих пор уделял все свое внимание — существуют *другие* факторы, имеющие отношение к демилитаризации, которые теперь нужно принять во внимание. Эти факторы, разъяснил Грэхэм, тесно связаны с проблемами, касающимися «подготовки плебисцита и обязанностей администратора по проведению плебисцита». Грэхэм заявил, что он не в состоянии сделать «продуманного заявления» по поводу всех этих факторов. Поэтому он потребовал, чтобы, кроме его гражданских и военных сотрудников, будущий администратор по проведению плебисцита также «участвовал вместе с ним в изучении и обсуждении общих проблем», якобы для того, чтобы рассматривать вопрос о демилитаризации в перспективе, способствующей его разрешению. Этот искусный маневр был рассчитан на то, чтобы протащить адмирала Нимица на полуостров Индостан через черный ход под предлогом, что, как писала 28 апреля 1952 года «Нью-Йорк таймс», он добавит свой «мудрый голос к переговорам», прежде чем будет найдено решение спорной проблемы демилитаризации. А. М. Розенталь писал в «Нью-Йорк таймс» 24 июля 1952 года:

«Совет Безопасности назначил адмирала флота Честера У. Нимица на пост администратора по проведению плебисцита, но тот так и не смог приступить к выполнению своих обязанностей. В своем последнем докладе [о котором здесь идет речь] д-р Грэхэм *осторожно намекнул*, что адмирала Нимица можно будет выпустить на сцену во время переговоров о демилитаризации...» (Курсив мой. — В. К.)

Если бы Индия и Пакистан поддались на такую хитрую уловку, это привело бы к тому, что американский адмирал обосновался в Кашмире, хотя формально его проезд был бы вызван другими причинами, и два правительства, а также население княжества Джамму и Кашмир были бы поставлены перед свершившимся фактом. Однако, к ужасу и разочарованию Грэхэма, это предложение было отвергнуто правительством Индии, и, таким

образом, непосредственная цель Грэхэма не была достигнута.

Фрэнк Грэхэм возобновил в Нью-Йорке переговоры с представителями Индии и Пакистана, которые продолжались с 29 мая по 16 июля 1952 года.

В этом (третьем) туре переговоров американский представитель не внес никаких новых предложений. Он лишь просил представителей Индии и Пакистана изложить свое мнение относительно количества войск, которое следует оставить на каждой стороне от линии прекращения огня по окончании периода демилитаризации, а также мнение по вопросу о претворении в жизнь резолюций комиссии ООН по Индии и Пакистану от 13 августа 1948 года и 5 января 1949 года¹.

На совместном совещании представителей Индии и Пакистана, состоявшемся 16 июля 1952 года в Нью-Йорке, Грэхэм внес пересмотренный проект своих двенадцати предложений, который он хотел обсудить с Индией и Пакистаном во время переговоров с участием министров. Два правительства приняли его предложение, и переговоры состоялись в Женеве с 26 августа по 10 сентября 1952 года. Как и во время прежних туров переговоров, Грэхэм поставил в центр своих предложений вопрос об официальном введении адмирала Нимица в должность администратора. В своем четвертом докладе Совету Безопасности он указывал:

«Основой объединенной программы демилитаризации и плебисцита является официальное введение в должность администратора по проведению плебисцита. Это составляло главную часть двенадцати предложений — первоначальных и пересмотренных».

Переговоры в Женеве (четвертый тур) происходили двумя стадиями. Первая началась с обсуждения пересмотренных предложений, параграф 7 которых предусматривал, что на пакистанской стороне от линии прекращения огня будут оставлены вооруженные силы численностью от 3 до 6 тысяч человек, а на индийской — войска индийской армии численностью от 12 до 18 тысяч человек. Грэхэм предложил попытаться наметить коли-

¹ Причины, в силу которых не было внесено никаких новых предложений, изложены в главе семнадцатой.— *Прим. автора.*

чество войск, оставляемых на каждой стороне от линии прекращения огня, в этих пределах. 2 сентября он предложил окончательную цифру в 6 тысяч человек, которые должны были остаться после окончания демилитаризации на пакистанской стороне от линии прекращения огня, и 18 тысяч — на индийской стороне. В том и в другом проекте предложений о демилитаризации эти цифры не включали отряды гилгитских скаутов и скаутов северных районов, остающихся на пакистанской стороне от линии прекращения огня, а также милицию княжества на индийской стороне от этой линии.

В ответ на предложения Грэхэма правительство Индии заявило, что, по его мнению, после окончания демилитаризации на индийской стороне от линии прекращения огня должны остаться войска численностью минимум в 28 тысяч человек. Однако в случае полного роспуска и разоружения армии «Свободного Кашмира» оно соглашалось сократить эту цифру на 7 тысяч, но ни в коем случае не ниже абсолютного минимума в 21 тысячу человек. Правительство Индии заявило, что оно ни при каких обстоятельствах не позволит включать в эти цифры милицию. Индийское правительство заявило также, что оно согласится на размещение отрядов народной милиции численностью в 4 тысячи человек на пакистанской стороне от линии прекращения огня. Оно придерживалось мнения, что предоставление «местным властям» права иметь в этом районе какие-либо вооруженные силы, которые были бы равноценны регулярным войскам, означало бы нарушение суверенитета правительства Джамму и Кашмира. По поводу официального введения в должность администратора по проведению плебисцита правительство Индии заявило, что он сможет приступить к исполнению своих функций лишь после завершения демилитаризации. Однако правительство Индии готово было согласиться на официальное введение администратора в должность в последний день периода демилитаризации при условии, что демилитаризация будет проведена в соответствии с планом и будет всесторонней.

Правительство Пакистана настаивало на том, что по окончании демилитаризации на каждой стороне от линии прекращения огня должно остаться лишь минимальное

количество войск, необходимое для поддержания законности и порядка (а в случае для Индии, согласно ее заявлению, и для обороны района), и что должна быть сохранена линия, на которой будет осуществлено прекращение огня; оно заявило также, что характер войск должен быть одинаковым по обе стороны от линии прекращения огня. Правительство Пакистана считало, что предложение Грэхэма о назначении администратора не позже последнего дня осуществления программы демилитаризации представляло собой уступку Индии. Тем не менее правительство Пакистана было готово принять его как часть двенадцати внесенных предложений.

Таким образом, Грэхэму снова не удалось навязать Индии и Пакистану свой план демилитаризации. Так началась вторая стадия совещания, на которой Грэхэм пытался разработать принципы, «основанные на требованиях каждой из заинтересованных сторон... которые могли бы затем послужить критерием для определения количества войск». (Четвертый доклад д-ра Фрэнка Грэхэма Организации Объединенных Наций.) В соответствии с этим на совместном индо-пакистанском совещании он внес новый проект предложения, параграф 7 которого предусматривал, что демилитаризация должна быть проведена таким образом, чтобы по ее окончании на пакистанской стороне от линии прекращения огня находилось минимальное количество войск, необходимых «для поддержания законности и порядка» и соблюдения соглашения о прекращении огня, а на индийской стороне — минимальное количество индийских войск и вооруженных сил княжества, необходимых «для поддержания законности и порядка» и соблюдения соглашения о перемирии. Но даже этого Грэхэму не удалось навязать Индии и Пакистану.

В начале ноября 1952 года было созвано заседание Совета Безопасности для обсуждения четвертого доклада Фрэнка Грэхэма. 6 ноября Соединенные Штаты и Англия внесли совместную резолюцию по кашмирскому вопросу, ставившую цель сделать обязательным для индийского и пакистанского правительств предложение о «немедленном вступлении в переговоры в штаб-квартире Организации Объединенных Наций, чтобы прийти к соглашению о конкретном количестве войск, которые

должны остаться на каждой стороне от линии прекращения огня по окончании демилитаризации. Вооруженные силы, остающиеся на пакистанской стороне от линии прекращения огня, должны быть определены в размерах от 3 до 6 тысяч человек; вооруженные силы, остающиеся на индийской стороне от линии прекращения огня, — от 12 до 18 тысяч человек».

Внесение совместной англо-американской резолюции и замечания по поводу этой резолюции, с которыми выступили английские и американские представители, послужили дальнейшим подтверждением того факта, что их главная и непосредственная цель состояла в том, чтобы добиться согласия Индии и Пакистана на назначение адмирала Нимица в Кашмир в ближайшее время. Внося эту резолюцию, сэр Глэдун Джебб заметил: «Можно надеяться, что в ближайшие месяцы мы станем свидетелями официального назначения и обоснования в Кашмире администратора по проведению плебисцита...» («Стейтсмен», 8 ноября 1952 года.) Кроме того, английский делегат весьма откровенно заявил, что Соединенные Штаты и Англия решили послать в Кашмир свои собственные войска или войска других империалистических держав:

«Он [сэр Глэдун Джебб] напомнил также об англо-американском предложении от февраля 1951 года, в котором указывалось, что в Кашмире, возможно, придется использовать *нейтральные войска*, чтобы облегчить демилитаризацию в случае, если у одной из сторон возникнут какие-либо опасения в отношении того, что конфликт может возобновиться». (Там же.)

Выступая по поводу англо-американской резолюции, советский представитель Зорин отметил, что четвертый доклад Грэхэма и прения, состоявшиеся в Совете Безопасности, не дали ничего нового для обсуждения или решения кашмирской проблемы. Он указал, что англо-американская политика в отношении Кашмира носит явно империалистический характер, и подчеркнул, что истинный смысл того, что Грэхэм подразумевал под «стратегической географией», был вскрыт командующим тихоокеанским флотом США адмиралом Артуром Рэдфордом после посещения им Карачи 12 ноября 1952 года. Как сообщала «Доон», бывшая тогда полуофициальным

органом, Рэдфорд заявил: «Пакистан занимает стратегическое положение и обязан играть важную роль во всеобщей борьбе против коммунизма». Комментируя визит Рэдфорда в Пакистан, газета «Доон» писала, что «американские военные планы предусматривают создание авиационных баз на территории Пакистана, находящейся в девяноста минутах полета от главных советских промышленных районов». Таково подлинное значение «стратегической географии», — сказал Зорин. Советский представитель обратил также внимание на то, что предложение о посылке иностранных войск в Кашмир, которое было категорически отвергнуто Индией, снова включено Грэхемом в его четвертый доклад:

«На этот раз неоднократно отклонявшееся предложение о войсках ООН преподносится в форме требования установления оперативного и административного контроля Организации Объединенных Наций над частью войск «Свободного Кашмира», осуществляемого через нейтральных или местных офицеров, с тем чтобы — по замыслу Грэхэма — изъять их из-под власти пакистанского верховного командования».

Индийское правительство возражало против англо-американской резолюции, ибо она ставила целью уравнять права Индии и Пакистана в Кашмире и сводила на нет все обязательства, данные Индии Советом Безопасности. Несмотря на возражения Индии, 23 декабря 1952 года эта резолюция была принята англо-американским большинством в Совете Безопасности.

В феврале 1953 года Фрэнк Грэхэм провел в Женеве пятый тур переговоров с Индией и Пакистаном.

14 февраля американский представитель внес предложение, чтобы после окончания демилитаризации на пакистанской стороне от линии прекращения огня остались вооруженные силы численностью в 6 тысяч человек, входившие ранее в состав армии «Свободного Кашмира», а на индийской стороне — войска индийской армии численностью в 21 тысячу человек, включая вооруженные силы княжества. Это предложение предусматривало также организацию на территории «Свободного Кашмира» из остатков «Свободной армии» войск численностью в 6 тысяч человек, которыми будут руководить местные офицеры, находящиеся в распоряжении местных властей

и осуществляющие руководство под наблюдением Организации Объединенных Наций». Эти войска не будут находиться под административным и оперативным контролем пакистанского верховного командования. Они не будут иметь артиллерии и танков.

Отвечая на предложение Грэхэма, правительство Индии заявило, что оно не может согласиться на то, чтобы в пределах территории «Свободного Кашмира» был оставлен какой-либо военный персонал. По мнению правительства Индии, функции по предотвращению всевозможных инцидентов на линии прекращения огня на стороне «Свободного Кашмира» успешно могли бы осуществлять отряды народной милиции численностью в 2 тысячи вооруженных и 2 тысячи невооруженных человек. Однако правительство Индии готово было согласиться на некоторое увеличение предлагаемой численности отрядов народной милиции и на снабжение ее вооруженной части тем оружием, которое будет сочтено необходимым для обеспечения надлежащего выполнения этой функции.

Пакистанское правительство считало, что предложение Грэхэма противоречит резолюции Совета Безопасности от 23 декабря 1952 года, поскольку численность личного состава вооруженных сил на индийской стороне от линии прекращения огня была произвольно увеличена без всякого оправдания до 21 тысячи человек.

Это предложение, так же как и прежние, отнюдь не преследовало цели решить кашмирскую проблему и ликвидировать спор, но было рассчитано на то, чтобы облегчить назначение адмирала Честера Нимица в Кашмир. В своем пятом докладе Совету Безопасности Грэхэм подчеркивал важность скорейшего официального введения администратора в должность:

«Сейчас наступило время, когда, при всем нашем интересе к вопросу о количестве и характере войск, мы должны переключить этот интерес в ином направлении и признать важность значения официального введения в должность администратора по проведению плебисцита...

Как бы ни была важна разница между количеством войск, она имеет меньшее значение, нежели разница между тем, будет ли официально введен в должность администратор по проведению плебисцита или нет. Из-

менение в ситуации, которое произойдет в результате такого простого факта как официальное введение администратора в должность, имеет самое серьезное значение для достижения великой цели самоопределения населения этого княжества в соответствии с соглашениями, достигнутыми между правительствами».

Кроме того, под предлогом передачи вооруженных сил «Свободного Кашмира» численностью в 6 тысяч человек под «наблюдение Организации Объединенных Наций» Грэхэм рассчитывал протащить в Кашмир через черный ход вооруженный персонал держав англо-американского блока.

Пятый доклад Грэхэма, который был представлен Организации Объединенных Наций 31 марта 1953 года, еще не обсуждался.

Глава семнадцатая

РЕЛИГИОЗНО-НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ ВЫДВИГАЮТ ЛОЗУНГ РАЗДЕЛА КНЯЖЕСТВА ДЖАММУ И КАШМИР

Одним из важнейших факторов, помогавших Соединенным Штатам и Англии в их маневрах по отношению к Кашмиру, было появление в нашей стране тенденции, угрожавшей оторвать Джамму от Кашмира. Эта тенденция, порожденная политикой и деятельностью партии Праджа паришад в Джамму, укреплялась и распространялась в Индии партиями Джан сангх, Хиन्दу махасабха и Акали.

В международном масштабе раздела княжества требовали именно те иностранные державы, которые стремились решить дальнейшую судьбу княжества Джамму и Кашмир в соответствии со своими военными и стратегическими планами. Идея расчленения территорий Джамму и Кашмира на искусственные части по принципу численного соотношения населения, принадлежащего к различным религиозным общинам, нашла свое выражение в докладе сэра Оуэна Диксона. После представления доклада Совету Безопасности Англия и США держали этот план в резерве, чтобы на определенной стадии развития кашмирского спора заставить Индию и Пакистан принять его. Даже после того как Диксон доложил Совету Безопасности о своей неудаче, эти державы прекрасно понимали исключительную выгодность этого плана. 24 августа 1950 года лондонская «Таймс» писала:

«Ценность проделанной сэром Оуэном Диксоном работы заключается в том, что она может направить деятельность Совета Безопасности по новым, более плодотворным путям».

Как указывалось в главе четырнадцатой, раздел княжества Джамму и Кашмир был задуман державами англо-американского блока как специальный маневр, рассчитанный на достижение их конечной цели в Кашмире.

Поэтому всякая тенденция к расчленению княжества, естественно, облегчала задачу этих держав в Кашмире.

В связи с этим будет уместно проанализировать события, приведшие к возникновению этой тенденции, и указать на характер тех сил, которые способствовали ее проявлению в Джамму и Кашмире, так же как и в остальной части Индии. Мы начнем с описания партии Праджа паришад, ее характера, программы и роли в политике княжества.

Как известно, деятельность этой организации ограничена провинцией Джамму и ее влияние распространяется главным образом на города. Это не случайно. Со времени установления власти племени догров Джамму был резиденцией правящей династии княжества Джамму и Кашмир. Земельной аристократии Джамму предоставлялись особые привилегии и prerogatives. Некоторым ее группам даровались без разбора огромные земельные участки в Кашмирской долине в качестве феодальных землевладений в порядке оплаты услуг, оказанных правящей династии. В то время как населению Кашмирской долины и Ладакха запрещалось вступать в армию княжества, это основное поприще государственной службы предоставлялось исключительно населению Джамму. В частности, сыновьям раджпутской знати выгодные должности в армии обеспечивались чуть ли не по праву рождения. Хотя характер феодальной экономики Джамму был таким же, как и в Кашмирской долине, правящей династии удалось создать в Джамму свою социальную базу и прочно закрепить там свои позиции. Поэтому именно в Джамму феодальная реакция нашла свой рупор в лице партии Праджа паришад.

Праджа паришад начала свою деятельность в 1931 году как часть движения Раштрия севак сангх¹ в Индии. Она стала вербовать индусскую молодежь из среды городской буржуазии и обучала ее пользоваться оружием. Лидер движения Раштрия севак сангх Голвалкар, посетивший Джамму в 1944 году, лично руководил деятельностью местных организаций союза. Он уехал из Джамму с солидной суммой денег, собранных отрядами

¹ Союз служителей государства.— *Прим. ред.*

Раштрия севак сангх в Джамму для своего «гуру дакшина»¹.

Члены партии Праджа паришад были безгранично преданы феодальной, социальной и экономической системе, господствовавшей в Джамму и в остальной части княжества, абсолютно верны и лояльны по отношению к своему правителю, который держал в рабстве четырехмиллионное население княжества. Движение Раштрия севак сангх в Джамму стало политическим рупором всех сторонников феодализма.

С увеличением числа помещиков в Джамму крестьянство племени догров стало подвергаться безжалостной эксплуатации со стороны помещиков и ростовщиков. Жизненный уровень трудящихся этой провинции, так же как и других частей княжества, невероятно снизился. Нищета душила страну. Крайняя нужда, глубокое невежество и страшные болезни были участью всего трудового населения. Однако в то время как правящая династия догров накапливала баснословные богатства и наживала огромные состояния на поте, слезах и крови трудящихся масс племени догров, Раштрия севак сангх ничего не сделало для облегчения тяжелого положения населения Джамму, не говоря уже о том, чтобы помочь ему организовать движение против самодержавия и феодализма. Наоборот, когда народ Кашмира начал борьбу за свержение махараджи, движение Раштрия севак сангх в Джамму полностью поддержало власти княжества. В 1946 году, когда в Кашмире развернулась мощная борьба против махараджи и феодализма, проводившаяся под лозунгом «Прочь из Кашмира!», движение Раштрия севак сангх выступило как главный сторонник правящей династии и как поборник жестоких репрессивных мер, проводившихся правительством княжества в отношении народного движения. В июне 1946 года союз Раштрия севак сангх в Джамму даже организовал демонстрации против Неру, который, несмотря на запрет властей, пыгался въехать на территорию княжества в Кохала. Союз выбросил лозунги: «Неру, уезжай обратно!» и «Руки прочь от Кашмира!». Добровольцы из Раштрия севак сангх произвели налет на митинг

¹ Вождя.— *Прим. ред.*

в Ранбирсингхпоре, на котором выступала г-жа Аруна Асаф Али; они бросали в нее камни, вырвали из ее рук флаг, а затем публично сожгли его.

После раздела полуострова Индостан движение Раштрия севак сангх выступало в защиту «независимости» княжества Джамму и Кашмир; союз советовал махарадже не присоединяться к Индийскому Союзу, а провозгласить себя независимым монархом. Это было сделано под непосредственным руководством Пандит Прем Ната Догра, руководителя движения Раштрия севак сангх в княжестве. По горькой иронии судьбы сейчас этот джентльмен является сторонником объединения княжества с Индией и усиленно ратует за «полное присоединение»!

После убийства Ганди движение Раштрия севак сангх было объявлено незаконным. Однако деятельность союза не прекратилась. Вскоре, в марте 1948 года, движение Раштрия севак сангх возникло вновь, но уже под новым названием — Праджа паришад. Руководство и кадры Праджа паришад остались прежними.

В конце 1948 года партия Праджа паришад начала кампанию за раздел Джамму и Кашмира по религиозно-общинному принципу. Требование раздела получило организованное выражение после прекращения военных действий, когда в английской печати намекнули, что для «решения» кашмирской проблемы нужно будет отдать индусские районы Кашмира Индии, а мусульманские — Пакистану. Не случайно наблюдатели Организации Объединенных Наций внимательно следили за процессиями и демонстрациями партии Праджа паришад, состоявшимися в марте 1949 года. Стремясь навязать раздел Кашмира по религиозно-общинному принципу, она направила все свои усилия на то, чтобы агитация против кашмирского правительства совпадала по времени с прибытием в Индию представителей ООН или с представлением ими своих докладов Совету Безопасности и прениями в самом Совете Безопасности. Когда сэр Оуэн Диксон прибыл в Кашмир, Праджа паришад выдвинула лозунг, требовавший проведения «зонального плебисцита». Приезд Грэхэма также был использован как повод для новой агитационной кампании

в Джамму. Гулям Мохаммед Бакши, бывший тогда заместителем премьер-министра княжества, заявил:

«Знаменательно, что периодическая агитация, проводившаяся партией Праджа паришад, неизменно совпала по времени с обсуждением кашмирского вопроса в Организации Объединенных Наций и с угрозами Пакистана начать «священную войну». («Хиндустан таймс», 1 декабря 1952 года.)

Праджа паришад требовала не только раздела Кашмира. В 1949 году она развернула кампанию, ставившую целью вынудить кашмирское правительство назначить махаражду Хари Сингха раджпрамукхом. Она требовала также, чтобы упразднение помещичьего землевладения не производилось без выплаты компенсации.

Кампания, проводимая партией Праджа паришад, развернулась с новой силой в первом квартале 1952 года, когда руководители Национальной конференции потребовали, чтобы объединение княжества Джамму и Кашмир с Индией касалось только вопросов обороны, иностранных дел и связи и чтобы в остальных вопросах княжеству была предоставлена автономия. Руководители Национальной конференции заявили также, что действие тех статей индийской Конституции, которые не имеют отношения к упомянутым трем вопросам, не должно распространяться на Кашмир. Эти заявления были сделаны в период, когда Учредительное собрание Джамму и Кашмира обсуждало доклад своего комитета по вопросам компенсации за землю, рекомендовавшего не выплачивать компенсации помещикам, у которых правительство отобрало землю в соответствии с законом о ликвидации системы крупного помещичьего землевладения.

Поскольку статья 31 индийской Конституции гласит, что крупная частная собственность не должна экспроприироваться без выплаты соответствующей компенсации, рекомендации комитета по вопросам компенсации за землю могли вступить в силу лишь в том случае, если бы княжеству Джамму и Кашмир была предоставлена полная внутренняя автономия, не ограниченная этой и аналогичными статьями индийской Конституции. Газета «Фри пресс джорнэл» писала 31 марта 1952 года в редакционной статье:

«Учредительное собрание Кашмира в своих рекомендациях указывало, что «как с точки зрения принципа, так и с точки зрения политики выплата компенсации за экспроприированную собственность нежелательна». Учредительное собрание считает, что выплата компенсации «причинила бы неисчислимый вред» и увековечила нынешнее несправедливое распределение богатств.

Это находится в прямом противоречии со статьей индийской Конституции, в которой говорится, что нельзя экспроприировать земельную собственность у помещика, не выплатив ему соответствующей компенсации. Такова основная разница между точкой зрения кашмирского Учредительного собрания и наших самоуверенных реформистов, стоящих у власти».

Поэтому, для того чтобы не отказаться от ликвидации помещичьего землевладения без выплаты компенсации, необходимо было добиться не полного, а *ограниченного* объединения с Индией. Обозреватель Ведетт писал в газете «Стейтсмен» 5 апреля 1952 года:

«Свобода от ограничительных положений, содержащихся в главе об «Основных правах», дала возможность правительству княжества заняться планом проведения земельной реформы, что оказалось бы невозможным, если бы объединение было полным».

Таким образом, эти заявления руководителей Национальной конференции неизбежно должны были вызвать сопротивление и подвергнуться нападкам со стороны феодальных сил как в самом княжестве, так и за его пределами. Представители феодальных кругов развернули по всей стране широкую кампанию, направленную против требования ограниченного объединения и рекомендаций Учредительного собрания в отношении ликвидации помещичьей собственности без выплаты компенсации. Больше всего они опасались того, что указанное решение кашмирского Учредительного собрания вызовет массовое стремление к проведению аналогичных реформ в Индии, необходимость которых была исключительно велика. Специальный корреспондент газеты «Амрита базар патрика» сообщал из Дели 31 марта 1952 года:

«По мнению политических наблюдателей в Дели, решение Учредительного собрания княжества Дхамму и

Кашмир о том, что компенсация за экспропрированную землю выплачиваться не будет... неизбежно вызовет широкие отклики по всей Индии.

Согласно сведениям из тех же источников, тот факт, что все семьдесят пять членов палаты бурно приветствовали энергичное выступление шейха Абдуллы в защиту плана экспроприации земли без соответствующей компенсации, также вызовет отголоски за пределами Индии». («Амрита базар патрика», 4 апреля 1952 года.)

Вслед за представлением доклада комитета по вопросам компенсации за землю представил свой доклад и комитет по основным принципам, который рекомендовал ликвидировать наследственную власть династии махараджи. Рекомендации комитета по основным принципам и последующее решение Учредительного собрания также встретили резкие возражения со стороны феодальных элементов в Индии. Характерными являются комментарии газеты «Амрита базар патрика», писавшей 16 июня 1952 года:

«Принцип наследственной власти был принят покойным Сардаром Пателем для того, чтобы избежать конфликтов и обеспечить спокойный переход от самодержавия к демократии. Если правительство Индии соглашается сейчас на нарушение этого принципа Учредительным собранием Кашмира... то оно вряд ли может ожидать, что население других штатов группы «В» будет попрежнему терпеть показной блеск этой власти в течение долгого времени. Вследствие этого правительство Индии окажется перед серьезной политической проблемой, и никто не может предсказать, как его отношение к ней отразится на всей стране в целом».

Кампания против требования ограниченного объединения и двух решений Учредительного собрания возглавлялась правыми лидерами феодально-общинной реакции в Индии д-ром Шьяма Прасадом Мукерджи, д-ром Кхаре, Тара Сингом и другими. Они не только с ожесточением выступили против частичного объединения, уничтожения монархии и экспроприации земельной собственности без выплаты компенсации, но и развернули по всей стране кампанию за полное объединение княжества Джамму и Кашмир с Индией и за распространение всех положений индийской Конституции на

княжество. Эти лидеры требовали, чтобы в противном случае Джамму и Ладакх (две области княжества, где проживает преимущественно немусульманское население) были объединены с Индией на правах штатов группы «В», а Кашмирской долине было предоставлено право выбрать свой собственный курс.

Так во всеиндийском масштабе возникло требование об отделении Джамму и Ладакха от Кашмирской долины, то есть требование расчленения территории княжества Джамму и Кашмир. Некоторые индийские газеты стали открыто рекомендовать раздел княжества в качестве «решения» кашмирской проблемы. Обозреватель газеты «Таймс оф Индия» Вивек писал 25 июня 1952 года:

«С каждым днем все более очевидной становится мудрость тех [Диксона и др.], кто предложил решить проблему Кашмира путем раздела. Предлагалось, чтобы за Пакистаном остались примерно западные и северные области, находящиеся сейчас в его руках, а за Индией — примерно районы Джамму и Ладакха... А затем в Кашмирской долине можно было бы быстро провести плебисцит, чтобы дать населению возможность решить, с кем оно хочет идти. Достаточное число наблюдателей Организации Объединенных Наций могло бы гарантировать свободное проведение плебисцита».

Требование отделения Джамму и Ладакха от Кашмирской долины вело не только к подрыву единства демократического движения населения этих районов, но и создавало благоприятную обстановку для иностранных интервентов, пытавшихся навязать княжеству свой план раздела и установления непосредственного контроля над Кашмирской долиной. Поэтому выставленное партией Джан сангх¹ требование расчленения княжества вызвало сочувственные отклики во многих иностранных империалистических кругах. Так, английский журнал «Экономист» писал 10 мая 1952 года:

«Этот довод [в пользу отделения Джамму и Ладакха от Кашмирской долины] очистил атмосферу и, быть может, подготовил почву для возврата к предложению

¹ Так называемая Народная партия — группа, выделившаяся из Раштрия севак сангх.— *Прим. ред.*

сэра Оуэна Диксона о том, что плебисцит должен быть проведен порайонно. Подобное мероприятие свело бы всю проблему к вопросу о Кашмирской долине, которая фактически и является яблоком раздора, и тогда эту проблему можно было бы рассматривать как особый случай — а это на самом деле так — и решать ее соответственно».

Начатая партией Джан сангх кампания за раздел княжества приняла особо угрожающий характер в связи с тем, что, согласно сообщениям, лидеры Национальной конференции шейх Абдулла и М. А. Бег высказались в поддержку требования о расчленении Кашмирской долины и за превращение ее, в конечном счете, в «независимое» княжество. В те дни у всех создалось впечатление, что шейх Абдулла и Бег настаивали на неполном объединении Кашмира с Индией не столько во имя сохранения *подлинной* автономии населения Кашмира, сколько для достижения своей конечной цели — добиться разрыва индо-кашмирских отношений. Именно по этой причине газета «Манчестер гардиан» писала 26 июня 1952 года:

«Ясно, что шейх Абдулла более или менее случайно затронул некоторые конституционные проблемы, которые, возможно, будет трудно решить. Присоединение Кашмира может оказать разрушающее влияние на Индийский Союз, вместо того чтобы укрепить его. Разве это не свидетельствует опять-таки о том, что единственно правильным решением вопроса о Кашмире был бы раздел?.. Раздел с проведением плебисцита в Кашмирской долине, несомненно, представляет собой решение, при помощи которого в этой чрезвычайно сложной и неприятной ситуации можно было бы обеспечить максимальную справедливость».

Империалистические державы в своих планах по использованию в собственных интересах выброшенного партией Джан сангх лозунга, содержавшего требование отрыва Джамму и Ладакха от Кашмира, делали ставку прежде всего на индо-кашмирский кризис, который религиозно-общинные реакционные силы Индии всячески обостряли, конечно, не без молчаливой поддержки шейха Абдуллы и М. А. Бега. Эти державы надеялись, что усиление кампании религиозно-националистических

партий за распространение всех положений индийской Конституции на княжество Джамму и Кашмир, а также за отделение Джамму и Ладакха вызовет кризис в отношениях между Индией и Кашмиром и подготовит почву для выхода Кашмирской долины из состава княжества и из Индийского Союза, что впоследствии создаст условия для превращения ее в территорию, на которой — под видом проведения плебисцита, осуществленного под наблюдением адмирала Нимица, или посредством опеки ООН — можно будет без особых трудностей установить прямое господство империалистов.

В июле 1952 года в Дели состоялось совещание руководителей правительств Кашмира и Индии. Требования руководства Национальной конференции Кашмира и кашмирского правительства оказались неприемлемыми для руководства партии Индийский национальный конгресс и его правительства в Индийском Союзе. Индийское правительство не могло согласиться с предложенной лидерами Национальной конференции программой свержения правящей династии и ликвидации помещичьего землевладения без выплаты компенсации. Однако, несмотря на активное сопротивление различных реакционных сил в стране и некоторых элементов в самом кабинете, правительство Индии сочло необходимым придерживаться позиции, занятой руководством Национальной конференции. Такая позиция индийского правительства была вызвана прежде всего тем, что решения кашмирского Учредительного собрания встретили широкую народную поддержку в Индии, а также опасениями, как бы отклонение требований Национальной конференции не ослабило позиций Индии при рассмотрении кашмирского вопроса в Организации Объединенных Наций.

Заключенное в Дели соглашение, которое стало известно под названием делейско-кашмирского, признавало некоторые другие требования руководства Национальной конференции, в частности право Учредительного собрания принять отдельную Конституцию и учредить флаг для Кашмира. Делейско-кашмирское соглашение означало большую победу не только населения Джамму и Кашмира, но и всего народа Индии, который мог теперь требовать ликвидации института раджпрамукхов и упразд-

нения помещичьего землевладения без выплаты компенсации в остальной части Индии.

Однако самым важным следствием упомянутого соглашения было то, что оно, хотя бы временно, предотвращало серьезную угрозу обострения индо-кашмирского кризиса и использования его в интересах империалистических держав. В припадке ярости «Нью-Йорк геральд трибюн» писала 25 июля 1952 года:

«Эта акция, несомненно, послужит новым серьезным препятствием на пути Организации Объединенных Наций, упорно стремящихся создать в Кашмире такие условия, которые позволили бы провести среди его населения справедливый плебисцит».

26 июля 1952 года «Нью-Йорк таймс» заявила:

«Д-р Фрэнк Грэхэм, выступающий в роли посредника от имени Организации Объединенных Наций, предложил, чтобы вопрос об индо-пакистанском тупике обсуждали не делегаты, а члены правительств».

Именно тогда премьер-министр Неру заявил индийскому парламенту, что Кашмир полностью присоединился к Индии как с точки зрения юридической, так и фактически и что он составляет часть Индии. Вряд ли это является надлежащим методом подготовки почвы для проведения плебисцита, который был впервые предложен самим премьер-министром Неру».

Империалистические державы возлагали столь большие надежды на то, что им удастся испортить отношения между Индией и Кашмиром путем обострения кризиса, что в тот период (май—июль 1952 года), во время состоявшихся в Нью-Йорке переговоров с представителями Индии и Пакистана, американский представитель Грэхэм не внес никаких новых предложений. Грэхэм вел эти переговоры в рамках своих уже отклоненных предложений о демилитаризации, ограничившись обсуждением значения таких терминов, как «большая часть», «вооруженные силы княжества» и т. д. Лишь после того как индийская печать сообщила в июле 1952 года о предстоящем заключении соглашения между правительствами Индии и Кашмира и об ослаблении в связи с этим кризиса, Грэхэм обнародовал 16 июля на совместном совещании индийских и пакистанских представителей в Нью-Йорке свой *пересмотренный проект* предложений о демилитаризации.

литаризации с целью добиться согласия Индии и Пакистана на скорейшее назначение адмирала Честера Ницца.

Делайско-кашмирское соглашение, олицетворявшее победу населения Джамму и Кашмира, явилось стимулом к расширению движения индийского народа за ликвидацию феодализма и самодержавия по всей стране. Даже среди членов самой партии Индийский национальный конгресс пример Кашмира породил новые надежды. На сессии Конгресса в Джайпуре в 1952 году члены Конгресса от штатов группы «В» пытались внести резолюцию об отмене института раджпрамукхов. Такое требование выдвигали некоторые члены Конгресса даже в самом парламенте. В союзе княжеств Восточного Пенджаба была созвана межпартийная конференция, потребовавшая ликвидации института раджпрамукхов и сумм, ассигнуемых на их личные расходы; в числе участников конференции были руководители Коммунистической партии, Народно-социалистической партии, партии Национальный конгресс и одного крыла партии Акали.

В обстановке нового подъема, который вызвал среди индийских прогрессивных сил пример Кашмира, партия Праджа паришад не могла открыто выступать за отмену решений Учредительного собрания о ликвидации монархии и помещичьего землевладения без выплаты компенсации. Поэтому она выдвинула новый лозунг: «Единый президент, единая конституция, единый флаг».

Первая часть лозунга относительно «единого президента» сводилась к требованию ликвидации выборного главы княжества Джамму и Кашмир и замены его раджпрамукхом, который подчинялся бы президенту Индийского Союза, как в других штатах группы «В». Таким образом, этот лозунг явно преследовал цель аннулировать указанное выше решение о свержении правящей династии. Хотя Праджа паришад стремилась замаскировать эту цель обманчивым лозунгом о «едином президенте», ее руководители неоднократно выбалтывали, что их главной задачей попрежнему остается восстановление династического правления махараджи. Специальный корреспондент газеты «Хиндустан таймс» сообщал 30 ноября 1952 года из Джамму:

«Во многих здешних кругах я часто слышал высказывания о том, что Праджа паришад в своей новой агитации, видимо, пользуется молчаливой, а в некоторых случаях и открытой поддержкой тех привилегированных кругов, которые на протяжении десятилетий процветали под покровительством феодальной монархии.

Представитель высшего руководства Праджа паришад без колебаний заявил мне, что он также стоит за восстановление махараджи Хари Сингха. Это был красноречивый комментарий к создавшейся ситуации». («Хиндустан таймс», 1 декабря 1952 года.)

Вторая часть лозунга, а именно «единая конституция», означала, что Учредительному собранию запрещено разрабатывать отдельную конституцию для Джамму и Кашмира; если же Учредительное собрание решится на это, то конституция Джамму и Кашмира должна быть точной копией индийской Конституции; никакие отклонения от основных положений последней недопустимы. Таким образом, требование о «единой конституции», несомненно, преследовало цель добиться распространения на княжество всех тех статей Конституции Индии, которые мешают индийскому народу упразднить помещичье землевладение без выплаты компенсации (статья 31) и уничтожить институт раджпрамукхов (статья 238). Следовательно, принятие второй части лозунга не только привело бы к восстановлению свергнутой правящей династии, но и сделало бы невозможным достижение главной цели — передачи земли крестьянам без выплаты компенсации помещикам.

Третья часть лозунга была рассчитана на то, чтобы заставить кашмирское правительство отказаться от принятого Учредительным собранием нового флага — этого символа борьбы народа Джамму и Кашмира против господства самодержавия и феодализма. Лидеры Праджа паришад не были искренни даже в этой части лозунга, требовавшего учреждения «единого флага» — флага Индийского Союза. Пока флаг махараджи являлся официальным флагом княжества Джамму и Кашмир, лозунг о «едином флаге» не выдвигался, и только после того, как он был заменен флагом, принятым Учредительным собранием, Праджа паришад провозгласила свой лозунг.

Таким образом, в конце ноября 1952 года Праджа паришад начала новую агитационную кампанию под лозунгом: «Единый президент, единая конституция, единый флаг». Знаменательно, что новые демонстрации были приурочены к моменту внесения в Совет Безопасности совместной англо-американской резолюции. Сэр Глэдун Джебб внес эту резолюцию в Совет Безопасности 6 ноября 1952 года, а 23 ноября Праджа паришад начала агитацию против кашмирского правительства.

Поэтому вполне объясним тот факт, что некоторые иностранные элементы проявляли к партии Праджа паришад повышенный интерес и оказывали ей поддержку. Корреспондент лондонской «Таймс» сообщал 23 января 1953 года из Джамму:

«В беседе с вашим корреспондентом заместитель премьер-министра Гулям Мохаммед Бакши заявил, что деятельность партии Праджа паришад вдохновляется наблюдателями ООН, а также США и Англией». («Таймс», 24 января 1953 года.)

В период, когда руководители Праджа паришад добивались восстановления свергнутой династии махараджи, используя для этого лозунги, призывавшие к полному присоединению Кашмира к Индии, требование отрыва Джамму и Ладакха от Кашмира снова поставило в центр внимания вопрос о разделе княжества. Д-р Шьяма Прасад Мукерджи развернул по всей Индии кампанию, проповедуя идею, что если положения индийской Конституции нельзя распространить на все княжество, то немусульманские районы Джамму и Ладакх следует отделить от Кашмира, распространив на них действие различных статей и положений Конституции Индии. Это требование снова вызвало сочувственные отклики в тех международных кругах, которые решили добиться расчленения княжества Джамму и Кашмир, чтобы, приравняв к рукам Кашмирскую долину, использовать ее в своих военных и стратегических целях. Во многих американских газетах появились статьи и сообщения, основная мысль которых сводилась к тому, что единство Джамму, Ладакха и Кашмирской долины недолговечно, что узы, объединяющие эти районы, вскоре ослабеют и эти районы распадутся. Кроме того, американская печать всячески стремилась подчеркнуть различия между

населением Джамму и Кашмира в языке, религии и т. д., чтобы доказать необходимость их отделения, то есть необходимость раздела княжества. Роберт Грамбл писал из Дели:

«В то время как Организация Объединенных Наций продолжает безуспешные попытки уладить спор между Индией и Пакистаном по вопросу о том, кому должно принадлежать княжество Джамму и Кашмир, недовольство в этом важном в стратегическом отношении северном княжестве проявляется почти ежедневно в виде демонстраций толпы, направленных против властей...

Географически и этнически Джамму относится к Северной Индийской равнине, тогда как остальная часть княжества, отделенная горами со снежными вершинами, населена другими этническими группами, исповедующими иные религии». («Нью-Йорк таймс», 2 февраля 1953 года.)

Таким образом, движение партии Праджа паришад преследовало далек идущие цели. Выступая в Дели по поводу пятой годовщины со дня смерти Ганди, Пандит Неру заявил:

«Это было гнусное и злонамеренное движение, и если бы ему позволили развиться, оно привело бы к расчленению княжества Джамму и Кашмир и принесло бы огромный вред борьбе Индии в ООН за Кашмир». («Хиндустан таймс», 31 января 1953 года.)

Выступая 20 марта в Мируте перед председателями и секретарями комитетов партии Индийский национальный конгресс в штате Уттар-Прадеш, Пандит Неру заявил, что эти «элементы своей деятельностью лишь ослабили позиции Индии в кашмирском вопросе, рассматриваемом Организацией Объединенных Наций». («Хиндустан таймс», 21 марта 1953 года.)

Угроза единству и целостности княжества, которую несло с собой движение партии Праджа паришад в Джамму, стала особенно серьезной, когда партия Джан сангх и ее руководитель д-р Шьяма Прасад Мукерджи предприняли попытку ввести в заблуждение индийское общественное мнение относительно подлинного значения и конечной цели лозунга «Единый президент, единая конституция, единый флаг». Руководитель Джан сангха, ведший повседневную кампанию за этот лозунг, добивался принятия его индийским народом, демагогически

заявляя, будто претворение этого лозунга в жизнь теснее сблизит Джамму и Кашмир с Индией, сохранит единство и целостность Индийского Союза.

Каждый индиец-патриот должен понять, что лозунг, выдвинутый партией Джан сангх, отнюдь не сблизит Кашмир и Индию. Княжество Джамму и Кашмир может теснее объединиться с Индией лишь в том случае, если стремление его населения к свободе и демократии не будет подавляться путем навязывания ему тех статей индийской Конституции, которые мешают самому индийскому народу сбросить с себя оковы феодализма. Пусть же приводимое ниже признание Пандит Неру, сделанное им на пресс-конференции в Дели после подписания дельско-кашмирского соглашения, откроет глаза тем, кто считает, будто распространение всех положений Конституции Индии на Кашмир разрешит кашмирскую проблему, теснее сблизит население Кашмира с Индией и выведет его на путь демократии:

«Один из корреспондентов спросил Неру, почему шейх Абдулла не может, как правители других княжеств, полностью принять индийскую Конституцию.

Неру. При всем моем уважении к индийской Конституции теперь я хотел бы ее изменить. Мы предполагаем сделать это со временем, но это сложный процесс...

Вопрос. Хотели бы вы изменить Конституцию таким образом, чтобы другие княжества в Индии могли провести земельную реформу, как это сделано в Кашмире?

Неру. Это одна из причин, в силу которых я хотел бы изменить ее». («Хиндустан стандард», 25 июля 1952 года.)

Почему же Конституцию, являющуюся ядом для Индии, нужно преподносить Кашмиру как некое лакомство? Не следует ли прямо поставить этот вопрос перед лидерами партии Джан сангх и не следует ли показать индийскому народу всю фальшь их утверждений относительно значения более тесного объединения Кашмира и Индии?

Поэтому укрепление индо-кашмирских отношений на основе принципа сохранения демократических завоеваний населения Джамму и Кашмира служит прямым вызовом политике империалистических держав.

Глава восемнадцатая

МАНЕВР С ПЛАНОМ СОЗДАНИЯ «НЕЗАВИСИМОГО» КАШМИРА

Изучение кашмирского вопроса было бы неполным, если бы мы не рассмотрели американский план создания «независимого» Кашмира. Недавно все газеты помещали на видных местах сообщения об этом плане, который вызвал большой интерес как в самой Индии, так и за границей. Надо иметь в виду, что появление этого плана не было неожиданностью. В 1948 году аргентинский делегат в Совете Безопасности д-р Хосе Арсе заявил:

«Следует учесть тот факт, что население Кашмира, вполне возможно, решит не присоединяться ни к Индии, ни к Пакистану и пожелает остаться независимым». («Таймс оф Индия», 6 февраля 1948 года.)

Основная цель и главные черты данного плана были разработаны еще в 1950 году. В конце этого года Объединенная группа начальников штабов американских вооруженных сил представила президенту Трумэну секретный доклад, содержащий рекомендации начать строительство авиационных баз в Кашмире и превратить его в «независимое» государство под опекой США. Через некоторое время влиятельные элементы в Соединенных Штатах и американская печать начали писать о кашмирском вопросе в таком духе, чтобы создалось впечатление, будто единственно возможным решением кашмирской проблемы является превращение Кашмира в «независимое» государство, а его «независимость» гарантировалась бы Организацией Объединенных Наций.

Выступая 13 декабря 1951 года на собрании членов кэмбриджского отделения «Ассоциации друзей Объединенных Наций», д-р Т. Спир из Селвин-колледжа заявил: «Превратите Кашмирскую долину в независимое государство, в азиатскую Швейцарию». И добавил, что в соответствии с его предложением «этому независимому государству должны быть предоставлены гарантии Организа-

цией Объединенных Наций и отдельно — Индией и Пакистаном». Спир разъяснил, что будет выделено необходимое количество «войск ООН, чтобы встретить любую неожиданность... налажены свободные торговые связи как с Индией, так и с Пакистаном, и установлен контроль Организации Объединенных Наций над всеми источниками каналов». («Кэмбридж дейли ньюс», 4 декабря 1951 года.)

Майкл Джеймс писал в «Нью-Йорк таймс» 3 февраля 1952 года:

«Конечно, можно и помечтать о том, чтобы порядок в княжестве в течение нескольких лет независимости как от Индии, так и от Пакистана поддерживала ООН. Создание свободного Кашмира будет частью этого плана: независимая страна, поддерживающая тесные экономические связи с Индией и Пакистаном, мирная страна, привлекающая свободный иностранный капитал для развития своих ресурсов,— настоящая восточная Швейцария».

Честер Боулс, бывший посол в Индии, посетивший в 1952 году Сринагар, также выступал в защиту плана создания «независимого» Кашмира и объяснил, почему он выгоден для Соединенных Штатов, имеющих военные и стратегические интересы в Азии. М. Сагателян писал в «Известиях» 26 февраля 1953 года:

«О стремлении империалистов США стать полными хозяевами в Кашмире свидетельствует и недавнее посещение Сринагара американским послом в Индии Честером Боулсом. Как сообщает итальянская газета «Аванти», в переговорах с представителями кашмирских реакционных группировок Боулс указал, что определение статуса Кашмира невозможно без ввода на его территорию «войск ООН». «Задача этих вооруженных сил,— прямо заявил Боулс,— заключается в том, чтобы обеспечить в будущем стабильность внутреннего положения независимого государства Кашмир, которое будет естественным образом тесно связано с политическими, дипломатическими и военными интересами американцев в Центральной и Южной Азии».

Прежде чем рассказать о том, как этот план совсем недавно принял более официальную и конкретную форму, следует подробнее проанализировать его значение.

План этот предусматривает произвольный раздел княжества Джамму и Кашмир на три зоны: 1) «Свободный Кашмир», то есть район, лежащий за линией прекращения огня; 2) Джамму и Ладакх — районы с преобладающим индусским и буддийским населением и 3) Кашмирская долина. По этому плану районы «Свободного Кашмира» отойдут к Пакистану, Джамму и Ладакх — к Индии, а Кашмирская долина будет превращена в «независимое» государство, чья «независимость» будет гарантирована Организацией Объединенных Наций, а также Индией и Пакистаном.

На основании изучения этих главных черт плана можно сделать следующие выводы.

Во-первых, княжество будет произвольно расчленено по религиозно-общинному принципу на три обособленные части. То обстоятельство, что после расчленения полуострова Индостан вспыхнула страшная националистическая резня, не оставляет ни малейших сомнений в том, что подобный раздел княжества может быть использован религиозно-националистическими и иными реакционными и подрывными элементами, так же как и их иностранными покровителями, для разжигания индо-мусульманской вражды в княжестве Джамму и Кашмир, а также в Индии и Пакистане.

Во-вторых, Кашмирская долина будет лишена хоть и ограниченных, но жизненно важных связей, существующих у нее с Индией, а население Кашмира будет отстранено от участия в основном потоке растущего народного движения в Индии и изолировано от его влияния.

В-третьих, хотя формально Кашмирская долина станет независимой, ее «независимость» будет «гарантирована» Организацией Объединенных Наций. Характер этой организации, роль, которую она играла в кашмирском споре, а также господство в ней правителей Соединенных Штатов — все это не оставляет ни малейших сомнений в том, что такая «гарантия» фактически приведет к размещению в Кашмирской долине американских вооруженных сил. Учитывая стратегическое положение Кашмира, можно прямо сказать, что правители Соединенных Штатов не упустят возможности построить свои военные базы в Кашмирской долине, как это было задумано в самом начале. Создание военных баз на территории такого района, как

Кашмир, где положение остается чрезвычайно неустойчивым, поставит под угрозу мир и суверенитет не только этой страны, но также Индии и Пакистана.

В-четвертых, «независимая» Кашмирская долина в политическом, военном и экономическом отношении окажется зависимой от США. Ее существование будет поставлено в зависимость от американской военной мощи и постоянного притока американских займов и американской «помощи». Малоразвитая, отсталая и чрезвычайно слабая экономика Кашмирской долины будет проглочена вездесущим долларом. Таким образом, последние остатки суверенитета Кашмира будут уничтожены Соединенными Штатами, его независимость и свобода погибнут.

Итак, в соответствии с американским планом создания «независимого» Кашмира, международный статус Кашмирской долины должен быть определен таким образом, чтобы она фактически оказалась не только в полной зависимости от военных и финансовых ресурсов Америки, но и целиком подчинялась ей как протекторат. Под видом обеспечения «независимости» Кашмира и его защиты от иностранной агрессии, под видом превращения Кашмира в «восточную Швейцарию» ему будет навязано прямое господство Соединенных Штатов через внешне безобидное посредничество контролируемой американцами Организации Объединенных Наций. Следовательно, так называемая «независимость» Кашмира, гарантированная Организацией Объединенных Наций, является всего лишь более «удобным» названием американского контроля над княжеством.

Нужно также учесть, что установление монопольного положения Соединенных Штатов в Кашмире, которое они могли бы обеспечить себе при помощи маневра с планом создания «независимого» Кашмира, послужило бы началом распространения непосредственного мощного американского влияния на остальную часть полуострова Индостан. Правители Соединенных Штатов неизменно стремились бы использовать этот оплот своего непосредственного влияния в качестве базы против народов Индии и Пакистана, против их движения за национальную независимость, демократию и мир. *В частности*, они попытались бы использовать непосредственный политический и военный контроль над Кашмиром для дальнейшего, более

действенного дипломатического и военно-стратегического проникновения в Индию. Кашмир, находящийся под господством Америки, мог быть использован для того, чтобы оказывать постоянный нажим на Индию с целью заставить ее безоговорочно поддерживать внешнюю политику Соединенных Штатов, то есть политику войны и агрессии. Таким образом, «независимый» Кашмир будет представлять серьезную угрозу для мира и национальной независимости Индии.

План создания «независимого» Кашмира был облечен в официальную форму вскоре после того, как Грэхэм представил Совету Безопасности свой последний (пятый) доклад, признав неудачу попыток добиться официального введения адмирала Нимица в должность администратора. В заключение своего доклада Грэхэм выразил такое пожелание:

«Вместо того чтобы представитель ООН и впредь докладывал Совету Безопасности о разногласиях, пусть руководители четырехсотмиллионного народа *с одобрения и при помощи Организации Объединенных Наций* сядут за один стол, начнут переговоры и доложат о соглашении по кашмирскому вопросу...» (Курсив мой. — В. К.)

Аналогичные пожелания выразили некоторые высокопоставленные американцы, побывавшие в Индии в тот период или несколько позже, как, например, Эдлай Стивенсон, Гарольд Стассен и государственный секретарь Джон Фостер Даллес, посетивший Индию в мае 1953 года во время своей поездки в район Индийского океана. Фостер Даллес посетил также Карачи. Как сообщали, во время переговоров с премьер-министрами Индии и Пакистана Даллес заявил, что на предстоящей в июне конференции в Лондоне, куда оба премьер-министра должны были приехать, чтобы присутствовать на коронации королевы, а также на конференции премьер-министров стран Содружества наций они должны приложить все усилия для достижения взаимно приемлемого урегулирования кашмирской проблемы.

Конечно, такое изменение в политике Соединенных Штатов отнюдь не означало, что правители США внезапно стали добиваться установления подлинного индо-пакистанского согласия и дружеских отношений между этими странами или же, что они хотели, чтобы кашмир-

ский спор был урегулирован демократическим и мирным путем в результате прямых переговоров между двумя странами без всякого иностранного вмешательства. Правители Соединенных Штатов, делая упор на то, что кашмирский вопрос должен быть решен путем переговоров между Индией и Пакистаном, все время имели в виду, что инициатива во время переговоров будет оставаться в их руках. Рекомендую начать переговоры между Индией и Пакистаном, Фрэнк Грэхэм заявил, что эти переговоры должны проводиться с одобрения и с помощью Организации Объединенных Наций. Поскольку правители США захватили инициативу в Организации Объединенных Наций, поскольку кашмирский вопрос был включен в повестку дня ООН, а представителями ООН в Кашмире являлись американские делегаты, американцы были уверены, что сумеют повлиять на ход предстоящего индо-пакистанского совещания по кашмирскому вопросу, учитывая, что на этом совещании Пакистан должен был быть представлен премьер-министром, на которого они надеялись воздействовать самым решительным образом.

Забота об установлении согласия между Индией и Пакистаном со стороны тех, кто ранее стремился усугубить разрыв между этими двумя странами и подстрекал их на ссоры, обуславливалась тремя основными причинами:

Во-первых, американские империалисты, потерпевшие неудачу со своим первоначальным планом создания организации обороны Среднего Востока, в которую предполагалось включить и Пакистан¹, пытались добиться той же цели путем объединения и координирования действий вооруженных сил Индии и Пакистана с вооруженными силами большинства средневосточных стран. Такое объединение вооруженных сил — а оно было необходимо для будущей войны против СССР, Китая и европейских стран народной демократии, а также для подавления национально-освободительной борьбы народов Азии и Африки — можно было осуществить лишь при условии, что

¹ Двумя факторами, способствовавшими этой неудаче, были активное сопротивление правительства Индии и серьезные подозрения, возникшие у народа Пакистана. — *Прим. автора.*

в нем примут участие Индия и Пакистан. Пауль Макдональд писал в токийской газете «Майнити»:

«Из всех разбросанных по всему миру военных объектов Соединенных Штатов ни одно не имеет такого стратегического значения, как авиационные базы в Пакистане... Соединенным Штатам нужны базы. Однако они не хотят вооружать Пакистан до тех пор, пока индо-пакистанские отношения не будут более прочными... Мистер Даллес посвятит значительную часть своего пребывания в Карачи изучению способов, которые могли бы обеспечить сближение между этими двумя беспокойными странами и подготовить почву для сделки». (Цитировано газетой «Хиндустан таймс», 19 мая 1953 года.)

Во-вторых, хотя империализм многого добился в прошлом, провоцируя разногласия и способствуя усилению напряженности в отношениях между Индией и Пакистаном, ему не удалось навязать *все* свои планы народам полуострова Индостан, и поэтому он пытался достичь этой цели при помощи установления так называемого индо-пакистанского единства.

В-третьих, американские правители, которым никак не удавалось ввести адмирала Нимица в должность администратора в Кашмире и послать свои войска на территорию княжества, рассчитывали, что новый план создания «независимого» Кашмира можно будет успешно осуществить на основе индо-пакистанского сотрудничества, ибо он ликвидировал возможность присоединения всего княжества к Индии или Пакистану и предусматривал «справедливое» распределение его территорий между двумя странами, в результате которого Кашмирская долина должна была перейти под господство империалистов. Именно это американские правители подразумевали под «взаимно приемлемым» и «полюбовным решением» кашмирского спора. Более того, они знали, что план создания «независимого» Кашмира нельзя открыто передать в Совет Безопасности и обсудить на его заседаниях до тех пор, пока Индия и Пакистан не дадут на это своего согласия, ибо, во-первых, подобный план вызвал бы возмущение общественного мнения полуострова Индостан, во-вторых, был бы полностью разоблачен Советским Союзом как дьявольский план навязывания Кашмирской долине американского господства и, в-тре-

тых, не встретил бы полной поддержки Англии, которая могла расценить его как американский план захвата монопольных позиций в Кашмире, что создало бы угрозу позициям Англии на полуострове Индостан.

После поездки Джона Фостера Даллеса в Индию и Пакистан эта цель Соединенных Штатов перестала быть секретом. Даллес обсуждал кашмирский вопрос с двумя премьер-министрами и, как сообщали, в общих чертах изложил им суть «дружественного урегулирования». Выступая по радио в Вашингтоне, Даллес сказал:

«Нельзя думать об оказании американской помощи, не думая в то же время о том, что эти страны не должны растрачивать свои усилия на ссоры друг с другом и отвлекать свои ресурсы на возможное их использование друг против друга.

Это касается спора между Индией и Пакистаном из-за Кашмира... Мы старались тактично, но твердо дать понять, что США, как друг обеих стран, надеются на то, что будет установлено согласие, которое сделало бы более полезной ту экономическую помощь, которую мы оказываем». («Хиндустан таймс», 3 июня 1953 года.)

О характере плана, предложенного Даллесом, совершенно недвусмысленно свидетельствовали также сообщения, появившиеся в пакистанской, индийской и американской печати. 24 мая 1953 года Манзурул Хак послал из Карачи газете «Таймс оф Индия» следующую корреспонденцию:

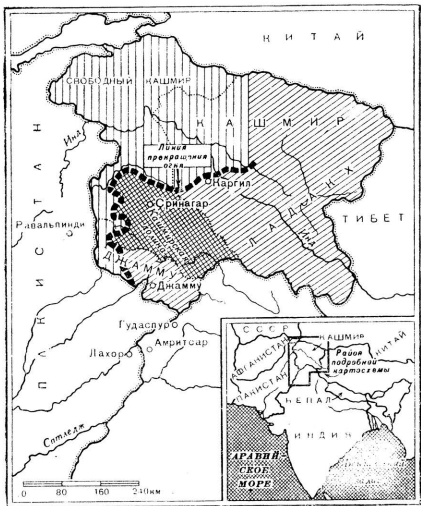
«Как сообщают, во время состоявшихся здесь вчера и сегодня переговоров между Даллесом и Мохаммедом Али был достигнут известный прогресс на пути решения индо-пакистанского спора из-за Кашмира.

По мнению наблюдателей, Соединенные Штаты в скором времени попытаются по-новому подойти к решению кашмирской проблемы. Возможно, что метод решения будет противоречить духу резолюций комиссии ООН по Индии и Пакистану и что в его основу будут положены непосредственные переговоры между двумя странами, как это предлагал д-р Грэхэм в своем последнем докладе Совету Безопасности. Однако нет никаких сведений, какую форму может принять подобное решение: ограниченного плебисцита, раздела или даже установления опеки перед плебисцитом». («Таймс оф Индия», 25 мая 1953 года.)

26 мая 1953 года д-р Кришналал Шридхарани сообщил из Дели газете «Амрита базар патрика», что в качестве возможных решений обсуждается вопрос об ограниченном плебисците, опеке и т. д. 26 мая 1953 года «Хиндустан таймс» писала в своем еженедельном обзоре «Политический дневник», что урегулирование кашмирской проблемы возможно на «политической основе». Выходящий в Дели еженедельник «Уикли мессадж» писал 29 мая 1953 года, что переговоры между Неру и Даллесом по кашмирскому вопросу касаются главным образом вполне определенного предложения, которое было передано и господину Али. Еженедельник излагал также суть предложенного американцами плана в отношении Кашмира:

«... Княжество будет разделено на три зоны: первая зона должна быть более тесно и непосредственно объединена с Индией; вторая зона, состоящая из области Гилгит на севере и «свободных» территорий на границах Западного Пенджаба, должна быть конституционно передана Пакистану. Третья зона — самая важная зона и самая ценная часть княжества, а именно Кашмирская долина — должна быть на некоторый период интернационализирована; она будет находиться под контролем администрации ООН, устанавливаемой в порядке подготовки плебисцита. В противном случае, если Индия или Пакистан не согласятся на то, чтобы влияние ООН было столь открытым, для Кашмирской долины нужно будет создать полунезависимое правительство под руководством шейха Абдуллы и Гулям Аббаса. Независимость этого правительства должна быть гарантирована на период, скажем, в десять лет правительствами Индии и Пакистана, пока оно не сделает окончательного выбора, то есть желает ли оно объединиться с Индией или еще с каким-либо из соседних государств, либо предпочитает видеть Кашмирскую долину своего рода международной зоной между двумя государствами». («Уикли мессадж», 29 мая 1953 года.)

Самым достоверным подтверждением того факта, что Джон Фостер Даллес передал премьер-министрам Индии и Пакистана новый план создания «независимого» Кашмира, явилась корреспонденция Роберта Трамбла, посланная им в газету «Нью-Йорк таймс» из Дели 4 июля

Карта княжества Джамму и Кашмир, помещенная в газете «Нью-Йорк таймс» от 5 июля 1953 года. На карте показаны зоны, на которые должно было быть разделено княжество в соответствии с предложенным США планом раздела Кашмира.

1953 года. Трамбл сообщал этой газете, что новое предложение о «решении» кашмирского спора предусматривает «особый статус для Кашмирской долины — быть может, независимость, гарантированную обеими странами, и раздел остальной части княжества по линиям, занимаемым сейчас противостоящими друг другу армиями в соответствии с соглашением о прекращении огня». («Нью-Йорк таймс», 5 июля 1953 года.)

Трамбл добавил при этом:

«Здесь ходят слухи, что государственный секретарь Соединенных Штатов Джон Фостер Даллес поддерживает такое решение этого давнишнего спора». («Нью-Йорк таймс», 5 июля 1953 года.)

В тот же день эта полуофициальная американская газета поместила карту княжества Джамму и Кашмир с изображением зон, на которые будет разделена его территория; Кашмирская долина значилась там как независимое княжество.

После того как сообщение Трамбла было помещено на страницах газеты, «Нью-Йорк таймс» продолжала публиковать материалы о новом плане. 6 июля в редакционной статье она изложила основные черты американского плана, охарактеризовав Кашмирскую долину как «богатейшую и самую желанную часть княжества». 12 июля, снова изложив суть этого плана, она сделала такой вывод:

«Хотя эти две страны и прежде бывали близки к соглашению, многие наблюдатели считают, что на этот раз соглашение действительно будет заключено».

Таким образом, правители Соединенных Штатов наметили план раздела Кашмира и облекли его в официальную и конкретную форму. Кроме того, они начали кампанию с целью добиться согласия правительств Индии и Кашмира с предложенным ими планом. Но этим дело не ограничилось. Они попытались также привлечь на свою сторону и прибрать к рукам часть руководства самой Национальной конференции. Чтобы полностью разобраться в этом предательском маневре Америки, необходимо проанализировать факторы, побудившие часть руководства Национальной конференции принять инспирированный американцами лозунг создания «независимого» Кашмира и выступить в его защиту.

Глава девятнадцатая

ШЕЙХ АБДУЛЛА И АМЕРИКАНСКИЙ ПЛАН СОЗДАНИЯ «НЕЗАВИСИМОГО» КАШМИРА

В течение нескольких последних лет Национальная конференция была главным руководителем кашмирского народного движения против самодержавия и феодализма. Национальная конференция имеет богатое прошлое, полное жертв и борьбы, у нее прекрасные боевые антиимпериалистические традиции. Национальная конференция играла видную роль в мобилизации кашмирского народа на борьбу против спровоцированного англичанами вторжения племен и в руководстве народным движением, охватившим Кашмир в 1947 году. Ее программа «Новый Кашмир» рассматривается сейчас как единственная программа освободительного движения всего населения Джамму и Кашмира.

Со времени создания Национальной конференции шейх Абдулла был ее признанным руководителем. Славные традиции национального движения и видная руководящая роль, которую сам шейх Абдулла играл в этом движении, помогли ему еще в 1947 году разгадать агрессивный характер планов Англии и Соединенных Штатов в отношении Кашмира. Он говорил тогда:

«Рам Чандра Как [бывший в то время премьер-министром Кашмира] был орудием в руках англичан и действовал здесь по их указке. Международные события свидетельствуют о том, что ведется подготовка к третьей мировой войне. Америка и Англия готовятся совместно выступить против России. В эти дни они поспешно разрабатывают планы, подчиненные именно этой цели. Возможно, что Кашмир станет очень важным полем боя в этой войне... Рам Чандра Кака сделали орудием претворения в жизнь упомянутых планов. Он правил Кашмиром, преследуя эту цель». («Хидмат» — официальный орган Кашмирской национальной конференции, 9 октября 1947 года.)

В апреле 1948 года, по возвращении в Кашмир из Соединенных Штатов, шейх Абдулла заявил на заседании Генерального совета Национальной конференции:

«Большинство членов [Совета Безопасности] рассматривают Кашмир лишь как соседа России и, следовательно, как важную базу в планах по окружению России для будущей агрессии». («Хидмат», 28 апреля 1948 года.)

Шейх Абдулла сказал, что «странная позиция, которую заняли империалистические державы, убедила его в том, что из переговоров ничего не выйдет, и поэтому он просил Айянгара вообще снять этот вопрос». (Там же.)

Когда в октябре 1947 года руководство Национальной конференции пришло к власти, его правительство осуществило ряд демократических, прогрессивных реформ. Первая серия реформ предусматривала снижение арендной платы на 30—50 процентов, отсрочку взимания долгов с сельского и городского населения и защиту земледельца от выселения с земли. Вторая серия реформ преследовала еще более далеко идущие цели, чем первая: она предусматривала упразднение помещичьего землевладения без выплаты компенсации и сокращение задолженности задыхавшихся от непомерной арендной платы крестьян, а также обнищавших ремесленников, рабочих и мелких служащих. Кроме того, правительство Национальной конференции и Учредительное собрание Джамму и Кашмира устранили от власти старого ненавистного махараджу.

Однако на практике правительство Национальной конференции во главе с шейхом Абдуллой само свело на нет результаты этих реформ. Правительство потерпело неудачу потому, что оно не до конца провело в жизнь им же самим выработанные реформы. Оно не разрешило создать крестьянские союзы и сельские комитеты для демократического и всестороннего осуществления намеченного плана. Вместо этого оно оставило инициативу проведения реформ в руках продажной, вырождающейся и бездушной бюрократии, наживавшейся на крупных взятках с крестьян. Стоило только крестьянам развернуть какую-либо самостоятельную деятельность (например, в Бадгам Техсиле в Кашмирской долине), как правительство немедленно применяло против них репрессивные меры. Бюрократия

держала в своих руках всю экономику деревни. Крестьянина принуждали отдавать значительную часть своего урожая в виде «пожертвований» в фонд проводимых правительством «сборов». Кроме сельской администрации существовал еще один механизм-кровопийца — «кооперативный магазин», самый ненавистный институт в сельских местностях. Он обманывал крестьянина, обкрадывал его при помощи искусственной нехватки важнейших товаров, создаваемой жадными до прибылей руководителями кооператива. Мало того, сам земельный закон был составлен таким образом, что бедные и безземельные крестьяне не получили необходимого им количества земли. И, наконец, правительство так и не решило вопроса о дешевом и достаточном кредите, в результате чего крестьяне часто впадали в отчаяние.

В больших и малых городах правительство Национальной конференции не сумело разрешить насущных проблем, стоявших перед населением. Ремесленники, мелкая буржуазия, торговцы, доходы которых были исключительно низки, страдали от высоких цен и нищеты. Все больше и больше людей пополняло армию безработных. Правительство не только не разрешило эти проблемы, имевшие важное значение для населения, но поощряло спекуляцию, продажность, кумовство и хищническое разбазаривание национальных ресурсов.

Все эти факторы привели к изоляции правительства шейха Абдуллы от народа. И, что еще хуже, неспособность этого правительства поднять кашмирский народ на борьбу против планов Англии и США путем организации единого массового движения еще больше усугубила эту изоляцию.

Однако шейх Абдулла не извлек урока из своих ошибок и промахов. Как руководитель, создавший и возглавивший в свое время мощную массовую организацию, он должен был полностью доверять народу, устранить все причины, вызывавшие недовольство народа, и снова организовать массовое народное движение. А вместо этого шейх Абдулла пытался скрыть свои неудачи, отвлечь внимание масс от этих неудач и их истинных причин.

Во имя спасения своих узких интересов группа шейха Абдуллы в Национальной конференции пыталась ввести в заблуждение народ, отвлекая его внимание лозунгом,

призывавшим к созданию «независимого» Кашмира. Даже некоторые американцы признавали этот факт. Роберт Трамбл писал из Дели в «Нью-Йорк таймс»:

«Как сообщают, шейх Абдулла склоняется сейчас к независимому статусу, ибо это разрешило бы многие вставшие перед ним проблемы — как политические, так и финансовые, — и тем самым усилило бы оказываемую ему лично поддержку, которая сейчас, видимо, ослабевает». («Нью-Йорк таймс», 5 июля 1953 года.)

Проследим, как шейх Абдулла и возглавляемая им небольшая группа стали на позиции принятия и защиты плана создания «независимого» Кашмира, который — они об этом знали — был предложен государственным департаментом США.

В мае 1949 года шейх Абдулла дал интервью корреспонденту газет «Обсервер» и «Скотсмен» Майклу Дэвидсону. Дэвидсон писал:

«На-днях Абдулла сказал мне: «Ни с Индией, ни с Пакистаном мы не будем иметь мира». Внезапно отказавшись от своей политики включения Кашмира в Индийский Союз, он потребовал, чтобы независимость Кашмира была гарантирована не только двумя доминионами, но также *Организацией Объединенных Наций*. «Если пенджабцы из Пунча или патаны из Гилгита хотят избрать Пакистан, пусть делают это, — сказал он. — Но для кашмирцев, вся экономика которых зависит от того, будут ли приезжающие со всего полуострова Индостан пользоваться правом свободного доступа в Кашмир и будут ли изготовленные в Кашмире предметы роскоши свободно поступать на «богатые рынки мира», единственным решением, пожалуй, было бы принятие какой-либо формы независимости от этих двух доминионов». (Цитировано монреальской газетой «Дейли стар», 6 мая 1949 года.)

Такое же мнение шейх Абдулла высказал Уорду Прайсу, представлявшему «Дейли мейл» и ротермивскую группу газет.

В конце 1949 года шейх Абдулла вторично поехал в Соединенные Штаты. Зная о его неудачах и о том, что шейх Абдулла изолирован от народа, зная о его ориентации на план создания «независимого» Кашмира, американские правители решили привлечь его на свою сторону. Был установлен контакт между шейхом Абдуллой и деле-

гатом Югославии в Совете Безопасности Беблером. Беблер внес предложение о создании «независимого» Кашмира и назначил встречу шейха Абдуллы с руководителем «Свободного Кашмира» Сардаром Ибрагимом. Однако эта встреча не состоялась. Был установлен также контакт шейха Абдуллы с делегацией Саудовской Аравии, которая тоже рисовала перед ним заманчивую картину «независимого» Кашмира. В то время американцы не считали разумным самим начинать переговоры.

Приехав в Кашмир, Лой Гендерсон¹ установил тесный контакт с шейхом Абдуллой. Он прожужжал ему уши планом создания «независимого» Кашмира, расписывая все те «выгоды», которые повлечет за собой его принятие, то есть долларовые займы и помощь.

После поездки Лоя Гендерсона в Кашмир американская и английская печать впервые в истории кашмирского спора начала поддерживать и восхвалять шейха Абдуллу и его правительство. Газеты, которые все время говорили о нем с презрением и ненавистью, внезапно стали осыпать его похвалами. Развернув широкую пропагандистскую кампанию, иностранная печать в хвалебных тонах стала писать о достижениях правительства шейха Абдуллы, о том, что шейх имеет большое влияние на народ, что ему присуще тонкое понимание обязанностей народного вождя! Деннис Уорнер 29 августа 1951 года писал в газете «Дейли телеграф» следующее:

«С течением времени успехи самозванного временного правительства шейха Абдуллы и влияние этих успехов на население Кашмира становятся факторами, которые нельзя ни игнорировать, ни ликвидировать. За три с половиной года его режим освободил страну от деспотического правления махараджи и благодаря земельной реформе, привлек на свою сторону тысячи крестьян».

Гарольд Милкс писал 28 октября 1951 года в газете «Вашингтон пост»:

«Спросите любого сельского жителя в Кашмире, за что он выступает: за присоединение к Индии или к Пакистану, и весьма вероятно, что он ответит: «Я за шейха саиба...» Шейха Абдуллу называют то властным и

¹ Посол США в Индии.— *Прим. ред.*

безжалостным политиканом, то благожелательным национальным вождем. Кем бы он ни был, кашмирское крестьянство на его стороне».

Специальный корреспондент газеты «Манчестер гардиан» сообщал из Сринагара:

«Приезшему бросается в глаза, каким влиянием пользуется шейх Мохаммед Абдулла среди населения, даже среди тех людей, которые хотят присоединения к Пакистану... Влияние шейха — не новость. На протяжении последних двадцати лет он был известен в своей стране как защитник бедноты, и пользовался популярностью благодаря своей упорной борьбе против самодержавного правления — борьбе, за которую его восемь раз бросали в тюрьму. Его честность никогда не ставилась под сомнение. Вы редко встретите здесь полицейских, и народ беспрепятственно критикует правительство. Сам шейх свободно смешивается с толпой». («Манчестер гардиан», 18 октября 1952 года.)

Вот в такой-то обстановке американский представитель Фрэнк Грэхэм и решил попытаться счастья. Все прежние представители ООН относились неблагоприятно к правительству шейха Абдуллы и порой требовали его замены администрацией, состоящей целиком из иностранцев, или каким-либо другим органом, находящимся под их контролем. Однако на протяжении всего периода, прошедшего со времени назначения Грэхэма представителем ООН в Кашмире (март 1951 года) и до посылки им своего последнего доклада Совету Безопасности (31 марта 1953 года), ни американский, ни английский делегаты в Совете Безопасности, ни даже сам Грэхэм ни разу не отзывались о правительстве шейха Абдуллы в недружественном или критическом тоне и не требовали его замены иностранной администрацией. Переговоры между Гендерсоном и Абдуллой явно приносили плоды. Империалисты, прибегая к этому трюку, не отказывались от своей основной цели — установления своего сюзеренитета над Кашмиром и вовлечения его в орбиту своих военно-стратегических планов. Они рассчитывали, что отказ от прежней недружелюбной позиции по отношению к шейху Абдулле и прославление его в печати смягчит отношение к ним шейха и благожелательно настроит его к их будущим предложениям о создании «независимого» Кашмира.

Насколько обоснованными были эти расчеты, стало ясно после того, как правительство шейха Абдуллы обрушилось на студенческую демонстрацию в Джамму, организованную 30 июня 1951 года в знак протеста против приезда Грэхэма в княжество. По сообщению газеты «Хиндустан таймс» от 30 июня 1951 года, во время демонстрации было арестовано много студентов, против которых полиция возбудила уголовное дело. До этого момента кашмирское правительство ни разу со дня своего прихода к власти не применяло репрессивных мер против какой-либо народной антиимпериалистической демонстрации. Подобные действия правительства шейха являлись свидетельством успеха, которого американские империалисты добились в Кашмире.

Когда в июле 1951 года в Сринагаре было получено известие, что несколько сот казахов, среди которых было много офицеров гоминьдановской армии, следуют из Синьцзяна по направлению к Ладакху, шейх Абдулла приложил все усилия к тому, чтобы принять их и разместить в Кашмирской долине. Газета «Таймс оф Индия» писала 8 октября 1951 года, что вскоре после вступления казахов в долину шейх Абдулла отправился в Сонамарг, близ Зоджила, чтобы лично встретить их. Впоследствии он посетил казахов в Сринагаре и распределял среди них вещи, пожертвованные Обществом американской помощи Европе.

4 апреля 1953 года д-р Эдмондс писал в лондонскую «Таймс», что казахов размещают и питают «вполне сносно благодаря великодушной помощи американских друзей и сотрудничеству правительства шейха Абдуллы». Шейх Абдулла, безусловно, хотел сделать дружественный жест по отношению к американцам. Его поддержка и постоянная помощь казахам не остались незамеченными американскими газетами, которые стали относиться к нему еще теплее. Так, например, «Нью-Йорк таймс» 3 февраля 1952 года поместила его фотографию под заголовком: «Шейх Мохаммед Абдулла, захвативший власть в кашмирском правительстве, руководит распределением земли среди крестьян: реформа, завоевавшая ему популярность среди всех, кроме помещиков».

5 ноября 1951 года шейх Абдулла заявил в своей вступительной речи в Учредительном собрании:

«Нужно обсудить вопрос о третьем возможном для нас пути. Мы должны подумать о том, чтобы стать *восточной Швейцарией*, держаться обособленно от обеих сторон, но иметь с ними дружественные отношения. Это может показаться привлекательным, ибо, видимо, подготавливает почву для ликвидации нынешнего тупика. Кроме того, для нас, как для туристской страны, это может иметь некоторые очевидные преимущества».

Правда, шейх Абдулла не сказал, что курс на «независимость» практически осуществим; он лишь указал на него Учредительному собранию как на один из трех возможных вариантов. Однако единственная причина, в силу которой он отверг его, заключалась в том, что независимость Кашмира будет трудно защитить, *«если мы не найдем сильных гарантов среди соседних стран»*. Иными словами, это означало, что подобный план мог быть принят, если такие гарантии были бы даны Индией и Пакистаном и, конечно, Организацией Объединенных Наций, ибо без гарантии ООН гарантии двух соседних, но враждующих стран не могли считаться эффективными. Шейх Абдулла не разоблачил истинного характера плана предоставления «независимости» как плана порабощения Кашмира американцами и не отверг его на этом основании. Такое упущение не было случайным. Корреспондент «Нью-Йорк таймс» в Пакистане Майкл Джеймс, который находился тогда в Сринагаре и в течение нескольких часов интервьюировал шейха Абдуллу, писал:

«Были сделаны намеки на то, что после того как Учредительное собрание начнет функционировать, можно будет организовать оппозицию против присоединения к Индии и создать народное движение за независимость». («Нью-Йорк таймс», 1 ноября 1951 года.)

Более того, для многих явилось неожиданностью, что шейх Абдулла, высказавшись в своем выступлении против предложения о посылке в Кашмир войск стран Содружества наций, ни словом не обмолвился о другом предложении, то есть о посылке туда войск стран — членов Организации Объединенных Наций, а в создавшейся международной обстановке и в связи с характером ООН это означало, что в Кашмир были бы введены войска США и их сателлитов.

В январе 1952 года шейх Абдулла поехал в Париж, где встретился с некоторыми представителями западных держав в Совете Безопасности. Политический обозреватель газеты «Хиндустан таймс» писал потом, что прямой контакт шейха Абдуллы с руководством ООН был установлен сперва в Нью-Йорке (куда Абдулла ездил в начале 1950 года), а затем в Париже. В обоих случаях его ознакомили с идеей предоставления Кашмирской долине «независимости» под эгидой ООН. Были избраны наблюдатели ООН для надзора и перекраивания страны. Контакт с шейхом Абдуллой поддерживался через небольшую группу его чиновников; одним из них, как сообщают, был служащий Кашмирского университета Ашаи, часто посещавший дом учителя-миссионера д-ра Фила Эдмонса, который во время церковных служб регулярно сообщал представителям ООН о реакции шейха Абдуллы на их предложения.

Когда шейх Абдулла в феврале 1952 года вернулся из Европы, было замечено, что он стал значительно терпимее относиться к империалистическим державам, особенно к Соединенным Штатам, и к их попыткам вмешаться в дела Кашмира. Прибыв в Бомбей, он заявил в своем выступлении, что те, кто утверждает, будто пора снять кашмирский вопрос с повестки дня Организации Объединенных Наций, дают волю чувствам и «не понимают трудных сторон этого вопроса». («Хинду», 14 февраля 1952 года.) Касаясь отношения Совета Безопасности к кашмирскому вопросу, шейх Абдулла сказал, что оно носит более примирительный характер в том смысле, что, по мнению *всех* членов Совета, решение будет достигнуто путем посредничества. Он заявил также, что *все* члены Совета твердо намерены найти решение кашмирской проблемы. На другом собрании в Бомбее он заявил, что кашмирскую проблему нельзя снять с повестки дня Организации Объединенных Наций, ибо ООН представляет собой «международный форум, который превращен многими странами в арену для пропаганды». («Хиндустан стандарт», 16 февраля 1952 года.)

25 марта 1952 года шейх Абдулла заявил кашмирскому Учредительному собранию:

«Подход различных стран к изучению кашмирского вопроса претерпел значительные изменения. Эти страны

начали теперь изучать его в реалистическом духе, и за- веса искажений, скрывавшая до сих пор основную про- блему, начала приподниматься».

Характеризуя свое отношение к Соединенным Шта- там, шейх Абдулла заявил:

«Как жаль, что такая великая страна, как США, в своем стремлении заручиться доброжелательным отно- шением английского правительства, оказывает поддерж- ку, не имея при этом никаких колониальных интересов, непопулярным идеям. Если такая политика поддержки неправого дела будет осуществляться и впредь, малые нации, борющиеся за освобождение от колониального угнетения Англией и другими странами, скоро потеряют веру в способность Соединенных Штатов защищать принципы демократии. Америка может завоевать себе друзей в Азии не при помощи филантропии, а лишь про- являя активный интерес и горячее сочувствие к их сво- бode и прогрессу». (Речь в Учредительном собрании по поводу англо-американской резолюции от 6 ноября 1952 года.)

Речь шейха Абдуллы в кашмирском Учредительном собрании свидетельствовала о том, что он серьезно поду- мывал о «независимом» Кашмире.

«Представим себе на минуту, что народ не согласится на это присоединение. В результате создастся положение, которое отнюдь не будет означать, что Кашмир станет частью Пакистана. Нет, это не произойдет, не может произойти, как по юридическим, так и по консти- туционным причинам. А произойдет то, что княжество *вновь обретет статус, который оно имело непосредствен- но перед присоединением*. Не будем заблуждаться на этот счет». (Речь в Учредительном собрании 23 марта 1952 года.)

Вот в такой обстановке и при таких обстоятельствах шейх Абдулла произнес в апреле 1952 года в Ранбир- сингхпоре свою широко известную речь. Эта речь послужи- ла завершением целого ряда речей, с которыми вы- ступали шейх Абдулла и министр государственных до- ходов М. А. Бег. Оба они делали упор на различия между Кашмиром и Индией. Поэтому активная под- держка заинтересованными иностранными элементами сепаратистских требований шейха Абдуллы не вызвала

удивления. Лондонская «Таймс» (еженедельное издание) писала 8 мая 1952 года:

«Если Дели и Карачи проявляли в прошлом склонность считать, что шейх Абдулла и его партия Национальная конференция являлись послушным орудием, которое можно было использовать для укрепления связей между Кашмиром и Индией, то сейчас пришло время пересмотреть эту точку зрения. Шейх дал ясно понять, что он так же решительно противится господству Индии, как и подчинению Пакистану. Он требует суверенной власти для кашмирского Учредительного собрания без ограничения его прав Конституцией Индийского Союза... Такая позиция обладает большой притягательной силой для кашмирцев по обе стороны от линии прекращения огня, и если это движение чисто кашмирского национализма разрастется, Индии, Пакистану и Объединенным Нациям, вполне возможно, придется изменить свое мнение относительно того, какой следующий шаг нужно предпринять».

«Нью-Йорк таймс», «Манчестер гардиан» и некоторые другие американские и английские газеты высказывались в том же духе.

В то же время шейх Абдулла даже не пытался вести политическую борьбу против движения партии Праджа паришад, которое подкрепляло свои идеи открытыми националистически-общинными и антикашмирскими лозунгами и выдвигало на первый план отделение Кашмирской долины и расчленение княжества. Вместо того чтобы устранить причины недовольства населения Джамму — а движение партии Праджа паришад стремилось добиться поддержки населением Джамму своего призыва к полному объединению с Индией, — шейх утверждал, что это движение служит показателем силы общинно-религиозных организаций в Индии и что Джамму не следует сохранять своих связей с Кашмирской долиной. Фактически он хотел использовать агитацию Праджа паришад как довод в пользу выдвинутого им впоследствии требования об отделении Кашмирской долины. Шейх Абдулла неоднократно заявлял, что, если население Джамму хочет отделиться от Кашмира, оно имеет полную возможность сделать это. Такая позиция была на руку не только националистическим, реакционным лиде-

рам партии Праджа паришад, но и американским правителям, которые стремились навязать раздел Джамму и Кашмира.

Положение стало особенно угрожающим, когда шейх Абдулла в своих частных интервью американским корреспондентам начал призывать к превращению Кашмирской долины в «независимое государство». Корреспондент газеты «Крисчен сайенс монитор» Гордон Грэхэм писал:

«Несмотря на всю свою дружбу с Индией, шейх Абдулла лоялен в первую очередь по отношению к Кашмиру. Сам шейх и его народ твердо придерживаются мнения, что Кашмир — это отнюдь не государство, которое плывет по воле волн и ищет страну, где оно могло бы стать на якорь, но что Кашмир сам по себе является страной, находящейся в процессе самоопределения.

Учитывая, что на севере находится Советская Россия и коммунистический Тибет, шейх Абдулла считает, что в будущем Кашмиру нужно проводить политику равнения на кого-либо, а не политику объединения, и что ему следует сохранить максимальную степень независимости, совместимую с безопасностью. Пожалуй, он мечтает о том, что в один прекрасный день Кашмир превратится в восточную Швейцарию не только по внешнему сходству, которое уже весьма заметно, но также и в смысле нейтралитета, гарантируемого всеми окружающими его странами». («Крисчен сайенс монитор», 13 декабря 1952 года.)

Кое-кто из ближайших помощников шейха 'Абдуллы и некоторые представители его правительства в беседах с американскими корреспондентами также выдвигали идею независимости. Так, корреспондент «Нью-Йорк таймс» Майкл Джеймс, сообщая о своем разговоре с одним из высокопоставленных представителей кашмирского правительства, писал:

«Хотя по причинам, которые совершенно ясны всем, кто находится в этой части мира, я не могу назвать имя беседовавшего со мной человека, пожалуй, можно без риска сообщить, что в беседах с приезжающими сюда корреспондентами часто говорят — даже представители правительства шейха Абдуллы — о полной независимости». («Нью-Йорк таймс», 3 февраля 1952 года.)

Джеймс добавил, что хотя эти элементы «в глубине сердца лелеют надежду на независимость, они понимают в то же время, что, если только ООН не совершит какого-либо чуда, независимость эта еще очень и очень далека».

В начале мая 1953 года, когда новый американский план создания «независимого» Кашмира обсуждался в официальных кругах, в Кашмир приехал Эдлай Стивенсон. Он встречался с шейхом Абдуллой в Сринагаре 1, 2 и 3 мая; их последняя беседа продолжалась семь часов. Весьма знаменательно, что шейх Абдулла не допускал на эти беседы даже своих самых надежных и близких помощников. Стивенсон отказался сообщить корреспондентам в Дели что-либо о цели своей поездки в Кашмир и о характере переговоров с шейхом Абдуллой. Его молчание было по меньшей мере весьма загадочным. Комментируя поездку Стивенсона в Кашмир, «Манчестер гардиан» писала 17 августа 1953 года:

«Во время своей поездки по всему миру мистер Стивенсон посетил Кашмир и, видимо, выслушал мнение, что наилучшим статусом для Кашмира могла бы быть независимость как от Индии, так и от Пакистана. Он упомянул об этом по возвращении в Дели, что, видимо, вызвало у некоторых людей опасения, не намерен ли шейх Абдулла сепаратно вступить в отношения с Вашингтоном»¹.

Как указывала 15 сентября 1953 года газета «Таймс оф Индия», в отчете, представленном американскому посольству в Дели, Эдлай Стивенсон сообщал, что шейх Абдулла высказал ему «осторожное предположение» относительно того, что «независимый статус мог бы быть альтернативным решением». Корреспондентам в Сринагаре Стивенсон заявил, что «навязанное и насильственное решение кашмирского вопроса — это не решение, ибо на первом плане должны стоять интересы кашмирцев». Согласно сообщениям, он заявил также, что кашмирский вопрос будет автоматически решен, если желание населения Кашмира будет принято во внимание. Совершенно очевидно, что Эдлай Стивенсон не проявлял заботы о населении Кашмира или подлинного сочувствия к

¹ Газета добавляла, что Стивенсон, возможно, непреднамеренно способствовал падению шейха Абдуллы.— *Прим. автора.*

нему. Он лишь выражал вслух, хотя и на дипломатическом языке, свое мнение относительно «независимости» Кашмира. Характерно, что шейх Абдулла высказал свою точку зрения перед крестьянами в Лолабе (Кашмир) примерно в то же время, почти в тех же выражениях и в том же тоне.

Основные предложения Вашингтона относительно плана создания «независимого» Кашмира были сделаны через Эдлая Стивенсона. Полагают, что именно после его зондажа и благоприятной реакции шейха Абдуллы Даллес передал свои предложения премьер-министру Индии.

После окончания переговоров между Стивенсоном и Абдуллой из Сринагара начали поступать тревожные сообщения. На заседании рабочего комитета Национальной конференции, которое было создано шейхом Абдуллой сразу же после отъезда Стивенсона из Кашмира, шейх сообщил, что изменил свое прежнее мнение относительно частичного объединения с Индией. Он поразил своих коллег, отрекшись от делейского соглашения и от плана объединения княжества с Индией. 18 мая он представил рабочему комитету план создания «независимого» Кашмира и настаивал на безоговорочном принятии этого плана всеми его членами. Однако в рабочем комитете его постигла полная неудача.

После заседания рабочего комитета шейх Абдулла пытался вызвать недовольство политикой дальнейшего объединения с Индией. Одновременно он продолжал выступать с публичными заявлениями о том, что Кашмир должен быть независимым как от Индии, так и от Пакистана.

Его первая публичная речь после посещения Кашмира Эдлаем Стивенсоном была произнесена 12 июня 1953 года. Выступая в Сринагаре на собрании мусульман, шейх Абдулла нарисовал радужную картину урегулирования кашмирского спора, но одновременно осудил план частичного присоединения Кашмира к Индии. В речи по радио на празднике разговения 14 июля 1953 года он изложил перед народом три возможных решения проблемы: присоединение к Индии; присоединение к Пакистану; независимость и дружеские отношения с обеими этими странами. 22 июня 1953 года на митинге

членов Национальной конференции шейх заявил, что возражает против присоединения к Индии. 26 июня на другом собрании членов Национальной конференции он сказал, что кашмирскую проблему нельзя решить лишь при помощи лозунгов, призывающих к присоединению к Индии или Пакистану. «Мы неоднократно давали понять, что Кашмир не желает стать придатком Индии или Пакистана», — заявил шейх Абдулла и добавил, что основа индо-кашмирских отношений подорвана. Выступая в день мучеников, 13 июля, он сказал:

«Положение Кашмира таково, что он нуждается в хорошем отношении и со стороны Индии и со стороны Пакистана. Поэтому нам нужно добиваться такого решения, которое было бы почетным для Кашмира и приемлемым для обеих этих стран. Нет никакой необходимости в том, чтобы наше княжество превращалось в придаток Индии или Пакистана». («Хидмат», 15 июля 1953 года.)

24 июля 1953 года шейх Абдулла еще раз заявил на собрании членов Национальной конференции, что основа для присоединения Кашмира к Индии подорвана. Затем он добавил: «Я не хочу единства только между Кашмиром и Индией. Я хочу единства между Кашмиром, Индией и Пакистаном». (Там же, 28 июля 1953 года.) По его словам, это станет возможным *лишь в том случае*, если Кашмир будет превращен в «независимое» государство. 31 июля 1953 года, выступая перед крестьянами в Гандербале (Кашмир), шейх Абдулла сказал:

«Обе эти страны [Индия и Пакистан] — наши соседи и расположены у наших границ. Естественно, что прогресс и процветание Кашмира зависят от их доброжелательности. Мы должны дружить с обеими странами. Только при таких условиях мы обеспечим себе достойную жизнь. Недружественное отношение к Индии, Пакистану или к ним обоим не принесет населению Кашмира ничего хорошего». (Там же, 21 августа 1953 года.)

Шейх Абдулла явно использовал стремление народа Кашмира к установлению подлинно дружеских индо-пакистанских отношений и его желание поскорее урегулировать кашмирский спор для популяризации выдвигавшегося американцами плана создания «независимого» Кашмира. Характерно, что в тот период, когда он произносил эти речи, первый секретарь американского посоль-

ства в Дели Ричард Лич поддерживал с ним регулярную связь. Контакт Лича с шейхом Абдуллой был установлен Честером Боулсом летом 1952 года, когда бывший посол отправился в Кашмир и вел длительные переговоры с кашмирским премьером. Кроме того, в начале мая 1953 года шейха Абдуллу связали с представителем организации «Моральное перевооружение» д-ром Бухманом. Группа деятелей организации «Моральное перевооружение» находилась в Сринагаре в течение двух месяцев. Кроме того, в этот период тесные и регулярные связи с шейхом Абдуллой поддерживали такие иностранцы, как г-н и г-жа Адамс из американского посольства в Дели, д-р и г-жа Берг из журнала «Лайф», г-н и г-жа Джо Дэвид Браун из журнала «Тайм», д-р Фил Эдмондс, Милтон Кларк, г-жа Стейнбери и преподобный Шенкс. Деятельность некоторых из них в княжестве Джамму и Кашмир будет описана в следующей главе. За два дня до своего выступления с важной политической речью в Гандербале шейх Абдулла встретился с сержантом Джоном Денном из штаба наблюдателей ООН. Американский посол в Индии Джордж Аллен должен был приехать в Сринагар в течение первой недели августа 1953 года, однако ходили слухи, что он отменил эту поездку по «совету» из Дели.

Характерно также, что тогда как шейх Абдулла выступал в своих публичных речах в поддержку независимости, большинство его коллег публично предостерегало народ относительно характера нового американского маневра в Кашмире и связанных с ним опасностей. По сообщению газеты «Таймс оф Индия», председатель Учредительного собрания Кашмира Г. М. Садык заявил 18 июля 1953 года в Бадгаме (Кашмир), что «независимый» Кашмир всегда будет находиться под угрозой иностранного вторжения и станет объектом международных интриг. Бакши Гулям Мохаммед, бывший тогда заместителем премьер-министра княжества, заявил 25 июля 1953 года на митинге в Кулгаме (Кашмир):

«В своей политике объединения с Индией мы руководствовались конечной целью нашего движения, его народным характером, его социальной и экономической программой и его антифеодальными и антиимпериалистическими традициями. Всякий, кто поднимает голос за

отказ от этой политики [очевидно, ссылка на шейха Абдуллу], кто выступает с угрозами и вводит в заблуждение и кто заставляет нас вступить в какие-то иные отношения [то есть провозгласить «независимый» Кашмир], в конечном счете толкает нас в пропасть экономического банкротства и политического рабства... Раздел княжества по национально-общинному принципу и расчленение одной из его частей [то есть Кашмирской долины] подготавливает почву для иностранного вмешательства, междоусобной борьбы и экономического разорения». («Хидмат», 31 июля 1953 года.)

Вст в такой-то обстановке и при таких опасных обстоятельствах 9 августа 1953 года шейх Абдулла был смещен и арестован. Американская печать поместила сообщения об этой акции кашмирского правительства под кричащими заголовками. Этот акт правительства Кашмира вызвал у американских правителей припадок бешенства. Они поняли, что их махинации полностью разоблачены и своевременно расстроены. 15 августа 1953 года Гордон Грэхэм писал в газете «Крисчен сайенс монитор»:

«[Недавнее смещение и арест кашмирского премьера шейха Абдуллы]... означают, что всякая возможность обеспечения независимости Кашмира как решения этой проблемы практически ликвидирована. Шейх Абдулла слишком часто и слишком свободно говорил о склонности Индии к превращению его страны в «восточную Швейцарию», то есть в нейтральное государство... Кроме того, его привычка более свободно обсуждать свои идеи о независимости с приезжими иностранцами, нежели с индийцами и кашмирцами, навлекла на него обвинения в «потворстве иностранным державам и их поддержке».

11 августа 1953 года «Нью-Йорк геральд трибюн» писала в передовой статье, что «значение насильственного свержения правительства шейха Мохаммеда Абдуллы выходит далеко за пределы этого маленького княжества». Деятельность наблюдателей ООН и некоторых иностранных дипломатов после событий 9 августа послужила дальнейшим подтверждением того, что американские правители действительно готовили дьявольский заговор против свободы и мира кашмирского народа — заговор, который был *во-время ликвидирован*.

Глава двадцатая

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАБЛЮДАТЕЛЕЙ ООН И ДРУГИХ ИНОСТРАННЫХ АГЕНТОВ В КАШМИРЕ

После передачи кашмирского вопроса в Совет Безопасности первым иностранным органом, обосновавшимся в Кашмире, была комиссия ООН по Индии и Пакистану. Англо-американское большинство в Совете Безопасности вначале планировало, что эта комиссия будет состоять из трех членов. Одного члена должна была избрать Индия, другого — Пакистан. Индия выбрала Чехословакию, Пакистан — Аргентину. Впоследствии число членов комиссии ООН по Индии и Пакистану было доведено до пяти. В резолюции Совета Безопасности от 21 апреля говорилось, что если члены комиссии, избранные Индией и Пакистаном, не смогут в течение десяти дней договориться о третьем члене, он должен быть избран председателем Совета Безопасности, которым в то время был делегат Франции. При помощи этого положения резолюции Соединенным Штатам удалось пробраться в комиссию. Двумя остальными членами Совет Безопасности избрал Бельгию и Колумбию — обе они зависели от Соединенных Штатов. Таким образом, Соединенные Штаты прочно окопались в комиссии.

Вскоре после своего прибытия на полуостров комиссия ООН по Индии и Пакистану приступила к военному обследованию Кашмира. 24 июля 1948 года лондонская «Таймс» писала:

«Комиссия получила также разрешение от индийского правительства послать подкомиссию в составе двух человек — майора американской армии и его заместителя — бельгийца [который служил в индийской армии во время прошлой войны] для предварительного обследования военного положения».

Это обследование проводили военный советник при американском члене комиссии Фрэнсис М. Смит, его заместитель бельгиец Гарри Грэффе и представитель сек-

ретариата комиссии англичанин Ричард Саймондс. 6 сентября 1948 года «Нью-Йорк геральд трибюн» сообщила, что комиссия ООН по Индии и Пакистану отправила экспедиции во внутренние районы Кашмира для тщательного экономического и политического обследования этих районов.

Когда комиссия ООН по Индии и Пакистану проводила обследование Кашмира, она обратилась по телеграфу к генеральному секретарю Организации Объединенных Наций с просьбой прикомандировать к ней военных наблюдателей и военного советника в чине генерала. Военным советником комиссии был назначен генерал-лейтенант Морис Дельвуа. Он прибыл в Кашмир 2 января 1949 года, то есть через день после прекращения военных действий. Вскоре после его приезда в Кашмир туда же прибыла большая группа военных наблюдателей ООН. К февралю 1949 года генеральный секретарь Трюгве Ли послал в Кашмир 36 наблюдателей, из них 17 — из Соединенных Штатов, 6 — из Мексики, 5 — из Бельгии, 4 — из Канады и 4 — из Норвегии. 24 июня 1949 года Трюгве Ли сообщил, что комиссия ООН по Индии и Пакистану просит прислать еще 24 военных наблюдателя. 6 декабря он сообщил в Париже, что в Кашмире, кроме членов секретариата ООН и персонала «полевой службы», находится 55 наблюдателей.

В настоящее время группа военных наблюдателей ООН состоит из 50 офицеров, не считая главного военного наблюдателя и заместителя главного военного наблюдателя. Из этих 52 офицеров 24 американца, 8 австралийцев, 6 канадцев, 4 бельгийца, 2 шведа, 3 новозеландца, 2 датчанина, 2 чилийца и 1 уругваец. Среди наблюдателей ООН имеются военные различных рангов, начиная от генералов и кончая сержантами, а именно: 2 генерала, 4 полковника, 13 подполковников, 20 майоров, 4 капитана, 1 капитан первого ранга, 1 капитан второго ранга, 2 офицера комендантской службы (бельгийцы), 1 лейтенант и 4 сержанта. Им помогают сотрудники секретариата ООН и персонал «полевой службы». Последних насчитывается сейчас 43 человека, в том числе 6 англичан, 4 шведа, 4 голландца, 3 филиппинца, 3 костариканца, 3 американца, 3 бельгийца, 2 норвежца, 2 француза, 2 грека, 2 датчанина и по одному человеку от Египта,

Канады, Новой Зеландии, Израиля, Колумбии, Ливана, Мексики, Сирии и Гондураса.

Большинство офицеров — американцы. Остальные — австралийцы, канадцы и небольшое число офицеров из других стран (перечисленных выше). В основном это либо американские сателлиты, либо страны, ориентирующиеся на Америку. Члены трех основных групп наблюдателей — это американцы, австралийцы и канадцы. Каждая группа имеет своего старшего офицера. Вся группа в целом находится под руководством главного военного наблюдателя. Первым главным военным наблюдателем был генерал-лейтенант Морис Дельвуа. В январе 1950 года его сменил канадец бригадир Г. Г. Энгл. В ноябре 1950 года на этот пост был назначен австралийский генерал-майор Р. Г. Нимо. Летом 1953 года, когда Нимо уехал в отпуск, этот пост был занят бельгийцем генерал-майором Б. Л. де Риддером, который прибыл в Сринагар 10 августа 1953 года. Нимо вернулся в ноябре 1953 года, но де Риддер остался как заместитель главного военного наблюдателя.

Среди военных наблюдателей было несколько высокопоставленных специалистов по вопросам стратегии из военных департаментов соответствующих правительств. В 1951 году в Кашмир прибыл полковник Джордж Э. Силли, а также военный советник Диксона генерал Кортни Г. Ходжес — отставной офицер американской армии. Силли был штабным офицером в штабе генерала Макатура. Сейчас он занимает высокий пост в одном из департаментов Пентагона. Майор Хоук — капитан американской авиации. Подполковник Моллерсвард служил в королевской кавалерии Швеции и участвовал в русско-финской войне 1939 года в качестве «добровольца» на стороне Финляндии. Многие наблюдатели во время второй мировой войны служили в Китае. Некоторые из военных наблюдателей знают русский и китайский языки.

Штаб группы военных наблюдателей ООН помещается летом в Сринагаре, а зимой в Равальпинди. В штабе находится 6 человек: 5 старших офицеров — 1 полковник, 2 подполковника и 2 майора, а также 1 сержант. Из этих 6 человек — 3 американца, 2 канадца и 1 австралиец. Группа военных наблюдателей

ООН имеет также центр связи в Дели, где работают американский капитан первого ранга и австралийский полковник. К этому центру прикомандированы 2 офицера связи. Кроме того, центр связи имеется и в Карачи, а в Равальпинди находится вспомогательная группа связи. По одному штабному отделению имеется в Дхамму и Сринагаре; в первом работают американский полковник и канадский майор, во втором — австралийский полковник.

Группа военных наблюдателей ООН распределила свой персонал между тринадцатью секторами, охватывающими все княжество, включая районы, оккупированные Пакистаном. Территории на индийской стороне от линии прекращения огня группа военных наблюдателей ООН разбила для ведения «полевой работы» на восемь секторов: Акхнур, Дхамму, Мендхар, Наушера, Пунч, Сринагар, Тангдхар и Ури, а территории на пакистанской стороне — на пять секторов: Бхимбер, Домел, Котли, Равалкот и Сялкот. К десяти из этих тринадцати секторов прикомандированы старшие американские офицеры.

Группа военных наблюдателей ООН разбита на отряды полевых наблюдателей, каждый из которых состоит из двух и более человек. Эти отряды обычно размещаются напротив друг друга по обеим сторонам от линии прекращения огня. Каждый наблюдатель меняет свой участок раз в три месяца и попеременно несет службу при пакистанской и индийской армиях. Отряды снабжены радиопередатчиками и радиоприемниками и таким образом поддерживают регулярную связь со штабом главного военного наблюдателя. В распоряжении группы военных наблюдателей ООН имеются американские «джипы», выкрашенные в белый цвет. Группе наблюдателей придан самолет «Дакота» с экипажем американских военных летчиков, который совершает регулярные полеты между Сринагаром, Равальпинди и Дели; он обеспечивает быструю связь и используется как транспортное средство персоналом ООН.

Этот самолет используют также и для других целей. Об этом стало известно в связи с двумя случаями. Первый раз, когда кашмирское правительство обратило внимание правительства Индии на то, что один из сотрудни-

ков группы военных наблюдателей ООН 7 сентября 1949 года доставил в Сринагар на самолете без надлежащего разрешения, контрабандным путем, подполковника военно-воздушных сил У. Г. Смита. («Хиндустан таймс», 7 октября 1949 года.) (Смит стоял во главе английских военно-воздушных сил в Маурипуре в Карачи.) Во второй раз, когда военный советник комиссии ООН по Индии и Пакистану генерал-лейтенант Морис Дельвуа похитил в Сринагаре семь ящиков с драгоценностями, прицеп к «джипу» и сундуки с теплой одеждой и доставил все это на самолете ООН в Равальпинди¹. («Хиндустан таймс», 10 октября 1949 года.) Ящики принадлежали князю А. Р. Эффенди, которого правительство Кашмира заклеило как вражеского агента за то, что он помогал правительству «Свободного Кашмира». Как сообщала 6 октября 1949 года газета «Хиндустан таймс» Пандит Неру заявил в индийском парламенте 5 октября 1949 года, что правительство Индии информировало комиссию ООН по Индии и Пакистану, что считает «дело Дельвуа серьезным вопросом». Дельвуа признался в хищении и через месяц уехал из Индостана.

Вскоре после прибытия в Кашмир военные наблюдатели организовали экспедиции во внутреннюю часть Кашмирской долины и в отдаленные районы. Они исколесили всю страну вдоль и поперек, изучили каждый дюйм ее территории. Большинство наблюдателей умели фотографировать, пользовались дорогими специальными аппаратами с мощными линзами. Больше всего они интересовались топографией. Под видом наблюдения за прекращением огня они изучали и даже сейчас продолжают изучать рельеф страны. Они фотографировали мосты, холмы, ущелья, водопады, электростанции и т. д. Было замечено, что один военный наблюдатель — майор Морис Браун (в прошлом офицер военно-воздушных сил Британской Индии, который после раздела страны уехал в

¹ В письме к генералу Дельвуа Бакши Гулям Мохаммед писал: «Недавно ко мне поступили сообщения, что вы взяли на себя задачу помогать некоторым лицам в Пакистане в ущерб нам... 20-го числа текущего месяца вы взяли семь ящиков, помещенных Эффенди в банк Ллойда, и доставили их самолетом в Пакистан». («Хиндустан таймс», 10 октября 1949 года.) — *Прим. автора.*

Новую Зеландию и впоследствии попал в Кашмир в роли наблюдателя ООН), совершая поездку по важным в стратегическом отношении районам Каргил, Лех и Гилгит, систематически получал фотоматериалы от акционерного общества «Кодак» в Бомбее.

Многие наблюдатели совершали подозрительные поездки к границам на севере и северо-востоке. Американский наблюдатель майор Лэнс Рад отправился в Лех — столицу Ладакха, который граничит с народным Китаем. Лэнс Рад составил доклад о стратегическом значении Ладакха. Недавно он был переведен в Пентагон. Другой американский военный наблюдатель в сопровождении бывшего гоминьядановского генерала Далал-хана ездил в 1952 году до самой кашмирско-китайской границы, которая не имеет ничего общего с линией прекращения огня. Об этом сообщил 14 августа 1952 года в кашмирском Учредительном собрании один из руководителей Национальной конференции Джамму Кришан Дев Сетхи.

Военные наблюдатели не только производят топографическое обследование Кашмира, его границ, имеющих важное стратегическое значение долин и горного хинтерланда, но и организуют «кампании нашептываний», пропагандируя идею превращения Кашмира в «интернационализированную» зону. Они соблазняют народ заманчивой картиной долларовых займов и помощи. Поскольку сами они не в состоянии развернуть подобные кампании в широком масштабе, они стремятся подкупить и приручить некоторые слои населения для осуществления этой гнусной цели.

Наблюдатели ООН контрабандой доставляют на своих самолетах через линию прекращения огня товары и бесплатно раздают их населению, переманивая его на свою сторону. Вначале, когда в Кашмире не хватало соли, они систематически контрабандным путем доставляли в Кашмир большое количество соли в футлярах от пишущих машинок. На своих самолетах и «джипах» они вывозят из Кашмира ткани, отрезки на костюмы, купленные в войсковых лавках индийской армии, и т. д. Сообщали, что «контрабандными операциями» ведает канадский полковник С. Д. Иве — офицер разведки в группе военных наблюдателей ООН.

Шпионская и другая подрывная деятельность группы военных наблюдателей ООН осуществляется через многочисленных агентов. Главный из них — австралиец д-р Фил Эдмондс, руководитель школы Тиндейла и христианских церквей, который разъезжает из одного конца Кашмира в другой.

В прошлом д-р Эдмондс был офицером английской разведки. В Кашмир он приехал много лет назад в качестве христианского миссионера. Он был первым иностранцем в Кашмире, с которым Оуэн Диксон имел продолжительную беседу. Д-р Эдмондс взял себе в секретари г-жу Скотт — жену офицера военной администрации группы военных наблюдателей ООН майора Скотта. Когда Скотт уехал, вместо него был назначен подполковник Мэрфи, и г-жа Мэрфи заняла место г-жи Скотт как секретарь Эдмондса. Эдмондс играл роль главного связующего звена между американцами и шейхом Абдуллой. Под покровительством бывшего кашмирского премьер-министра он пользовался такими привилегиями, которые после 1947 года мало кто из иностранцев имел в Кашмире.

Наблюдатели ООН поддерживают тесные отношения с церквями, которые служат для них важными пунктами связи. Сеть американских пресвитерианских церквей разбросана по всему Кашмиру — от китайской границы до Джамму: в Лехе, Киштаваре, Будравахе, Дода, Батоте, Удхемпоре и Джамму. Все они, за исключением церквей в Джамму и Батоте, появились недавно. В северо-западном районе Кашмира также имеются церкви в Анантнаге, Сринагаре, Сопоро, Бандипоре, Гураисе и Каргиле. Все эти церкви контролируются церковью Всех святых в Сринагаре. Не без оснований д-р Эдмондс перевел из Сринагара индийского приходского священника церкви Всех святых преподобного А. Н. Дасса и заменил его священником из Англии, неким Спарром из церковного миссионерского общества. Ранее Спарр был священником в гоминьдановском Китае. После освобождения Китая он вместе со своей женой был арестован как американский агент. Работу агента группы военных наблюдателей ООН выполняет гречанка леди Эллен Ставердес из компании «Кашмир хеллен фабрикс». (Далгейт, Сринагар.) Она близкая приятельница

г-жи Белл Эдмондс, работавшей ранее в Армии спасения.

Три основных группы наблюдателей, а именно американцы, австралийцы и канадцы, поддерживают непосредственный контакт с посольствами своих стран, что дает им возможность посылать своим правительствам секретные доклады. Эти доклады отсылаются сперва с дипломатической почтой в Дели, а затем соответствующим посольствам.

Подрывная деятельность военных наблюдателей развернулась еще шире после смещения шейха Абдуллы. Специальный корреспондент агентства Пресс Траст оф Индия сообщал 16 августа 1953 года из Сринагара, что в день смещения Абдуллы наблюдатели ООН, находившиеся вблизи линии прекращения огня, бросились в Сринагар, вместо того чтобы оставаться на своих постах. Далее, некоторые наблюдатели отказались выехать к месту назначения с шоферами, которых выделила для них индийская армия: они оставили их и вели «джипы» сами. После секретного совещания в штабе главного военного наблюдателя восемнадцать наблюдателей разъехались по всей Кашмирской долине. Особенно много их было в Сринагаре, где они открыто пытались вызвать беспорядки. Наблюдатели раздавали некоторым людям деньги, сея недовольство и стараясь настроить народ против нового правительства.

Через два дня после ареста шейха Абдуллы один из наблюдателей поехал в Тангмарг и закрыл там все ларьки и магазины. По сообщению газеты «Таймс оф Индия» от 15 августа 1953 года, 14 августа 1953 года представитель кашмирского правительства заявил, что накануне ночью в деревне Кулгам, в сорока милях от Сринагара, видели, как наблюдатель ООН подстрекал людей на открытое выступление и снимал их при вспышке магния. Полагают, что этим наблюдателем был полковник Джонсон. В другой раз, добавил представитель правительства, в подобной роли выступал американский наблюдатель майор Э. Р. Хоук. В местечке, находящемся в семи милях от Сринагара, Хоук потребовал, чтобы исполнявший служебные обязанности полицейский офицер предъявил документы. Узнав, что этот офицер был заместителем главного инспектора полиции, майор Хоук извинился и ретировался.

Деятельность военных наблюдателей приняла столь угрожающий характер, что 11 августа 1953 года кашмирское правительство опубликовало предупреждение, заявив, что они могут лишиться предоставленной им дипломатической неприкосновенности, если и впредь будут проявлять «чрезмерный интерес к внутренним делам княжества». Сообщая об этом представителям печати в Сринагаре, член кашмирского правительства указал, что некоторые наблюдатели ООН в Кашмирской долине, вместо того чтобы патрулировать вдоль линии прекращения огня, бросились в Сринагар. Штаб наблюдателей превратился в «центр интриг». Власти Кашмира издали распоряжение захватывать автомашины Организации Объединенных Наций в случае обнаружения их в тех местах, где они не должны быть. Как сообщал 12 августа из Сринагара политический обозреватель «Хиндустан таймс», имеются также подозрения относительно того, что в некоторых пунктах Кашмира установлены мощные радиопередатчики ООН.

После смещения шейха Абдуллы, помимо наблюдателей ООН, подрывной деятельностью занимались и многие другие иностранцы. По сообщению той же газеты от 16 августа 1953 года, полиция сделала предупреждение австралийцу Реджинальду Сатерленду, который разъезжал по Анантангу, проявляя подозрительную любознательность, и делал фотоснимки полицейского участка и стратегических объектов в городе. 11 августа 1953 года кашмирское правительство издало приказ о высылке Эдны Беллфонтейн (старой высокопоставленной иностранной шпионки) на том основании, что она «действовала и намеревалась действовать методами, наносящими ущерб безопасности и спокойствию княжества». («Хиндустан таймс», 13 августа 1953 года.) Газета «Таймс оф Индия» в номере от 17 августа 1953 года сообщала, что во время обыска в доме Эдны Беллфонтейн полиция обнаружила несколько компрометирующих документов, в том числе письмо от Эдлая Стивенсона, написанное после его возвращения из Кашмира в Карачи. В 1949 году г-жа Беллфонтейн занималась шпионской деятельностью в Непале. После того как ее выслали из Кашмира, она поселилась в Пакистане и якобы руководила каким-то «торговым предприятием» в Равальпинди.

Другим крупным иностранным центром подрывной деятельности и шпионажа в Кашмире является группа гомильдановских офицеров, бежавших из Синьцзяна. Полезно будет напомнить, что они обосновались в Кашмире после освобождения Синьцзяна. Особенно много их прибыло в Кашмир после того, как Народно-освободительная армия изловила знаменитого гангстера Османа Батора и ликвидировала шпионскую банду, состоявшую из американского консула в Дихуа Дж. Холла Пэкстона, вице-консула Дугласа С. Макирнана и английского консула Дм. Фокса Холмса. Пэкстон впоследствии бежал на территорию Кашмира, а за ним через некоторое время последовали казахи.

В июле 1951 года до Сринагара дошли известия, что несколько сот казахов следуют по направлению к Ладакху. Среди них были офицеры гомильдановской армии, в прошлом дислоцировавшейся в Синьцзяне, и много высокопоставленных гражданских должностных лиц прежнего реакционного правительства, которые боролись против освободительных сил. Генеральный секретарь этого правительства Иса Юсуф Эффенди уже прибыл в Кашмир. 8 августа 1951 года лондонская «Таймс» сообщала из Сринагара, что правительство шейха Абдуллы предоставило право убежища казахским беженцам. 4 сентября 1951 года эта газета писала, что часть казахов, просивших предоставить им убежище в Кашмире, — это «бежавшие остатки партизанского отряда националистического лидера Али Бега численностью в пятьсот человек». Когда континентальный Китай был освобожден, Бег «ушел в пустыню» севернее столицы Синьцзяна — Урумчи (Дихуа). 22 сентября 1951 года лондонская «Таймс» сообщала, что еще сто семьдесят пять беженцев приближаются к границам Кашмира. Во главе их стоял бригадир Далал-хан (сын министра финансов прежнего синьцзянского правительства), в прошлом командир казахского кавалерийского полка гомильдановской армии. Пандит Неру заявил в парламенте 21 сентября, что точное число казахов, вступивших на территорию княжества, неизвестно, но, согласно приблизительным оценкам, оно составляет около четырехсот пятидесяти человек. Когда казахи вступили на территорию Кашмира, у них было отобрано 19 винтовок, 2 автомата,

2 пулемета Брен, 8 гранат и 349 патронов для винтовок. («Амрита базар патрика», 23 сентября 1951 года.)

С приходом в Кашмир казахов в Сринагаре оказалось много гоминьдановских агентов и офицеров; наиболее известными среди них были бригадир Далал-хан, Иса Юсуф Эффенди, секретарь Туркестанской ассоциации в Китае Мулви Касим Диамулла и бывший заместитель губернатора Синьцзяна Мохаммед Амин Богра. В 1952 году Далал-хан отправился в Ладакх (где он находится и сейчас) и в сопровождении американского военного наблюдателя добрался до кашмирско-китайской границы.

В Кашмире о казахах заботилось правительство шейха Абдуллы. Он сам лично проявлял исключительный интерес к их устройству и частенько навещался в их караван-сарай. 27 марта 1953 года он сообщил в Учредительном собрании, что правительство Индии прислало 50 тысяч рупий в качестве помощи казахам. Значительная часть помощи поступала от различных организаций в Соединенных Штатах, главным образом от Ассоциации помощи Китаю, Национального совета христианских церквей и Международного церковного общества. Помощь поступала через Китайский банк в Нью-Йорке. Всевозможные поддерживаемые гоминьдановцами организации на Формозе вносили щедрые пожертвования в «фонд помощи» казахам. Американец Милтон Кларк работал среди казахов как «антрополог». Он действовал в Сринагаре под видом научного работника Гарвардского университета и Средневосточного института Соединенных Штатов. Однако политикой и шпионажем он интересовался гораздо больше, нежели научно-исследовательской работой. Кларк установил тесный контакт с группой гоминьдановских офицеров в Сринагаре. Когда Эдлай Стивенсон находился в Кашмире, Кларк нанес ему несколько визитов. Об устройстве казахов заботилось также американское посольство в Дели, особенно атташе посольства г-жа Эвелин Херси, ведавшая работой по повышению социального благосостояния. Американская помощь поступала через д-ра Эдмондса, который был связан с Доналдом Рью из индийского комитета Национального совета церквей; его штаб-квартира находилась в Мируте.

Пребывание на территории Кашмира большого числа гоминьядановских шпионов и агентов было не случайным: все это предусматривалось американскими планами относительно Кашмира. 4 апреля 1953 года д-р Эдмондс направил в лондонскую «Таймс» письмо, в котором указывал, что казахи решили остаться в Кашмире потому, что там они находятся ближе к своей родине, а также в надежде на то, что им скорее удастся сыграть известную роль при возвращении, когда придет время.

Автор статьи, помещенной 2 мая 1953 года в американском журнале «Репортер», приводит следующее высказывание одного из руководителей отряда казахов: «Мы покинули свои дома во имя тех же принципов, за которые Соединенные Штаты борются сейчас во всем мире, и мы просим оказать нам помощь».

Поэтому не случайно Эдлай Стивенсон 2 мая 1953 года, во время своего «кругосветного» путешествия, посетил лагерь казахов. Стивенсон выступил перед казахами и сказал, что питает «глубокое уважение к людям, которые любят свободу настолько, что ничего не страшатся». Он заявил, что американцы оценили «героизм и мужество, проявленные казахами...» («Стейтсмен», 3 мая 1953 года.) Эдлай Стивенсон осмотрел лагерь казахов и был представлен Филом Эдмондсом и Милтоном Кларком находившимся в Сринагаре гоминьядановским офицерам.

За последние шесть лет Кашмир посетили также многие американские дипломаты и разведчики. В августе 1953 года индийская пресса широко комментировала деятельность Лоя Гендерсона, Честера Боулса, Эдлая Стивенсона, Ричарда С. Лича, г-жи Херси и ряда других лиц в Кашмире. Бывший руководитель американского Управления стратегических служб генерал Уильям Джоузеф Доновен, ныне специальный консультант руководителя Управления взаимного обеспечения безопасности, приехал в Кашмир во время поездки по Дальнему Востоку в 1951 году. Он жил в Сринагаре в качестве гостя бывшего премьер-министра Кашмира. Агентство Синьхуа сообщало, что ему было поручено «пристроить» агентов разведки, эвакуированных из континентального Китая. В Сринагаре он встретился с несколькими гоминьядановскими офицерами. Примерно в то же время в Кашмир

приехал американский специалист по Дальнему Востоку Оуэн Латтимор. Особенно частыми стали визиты американских дипломатов в Кашмир в 1952—1953 годах, когда наиболее активно велась кампания за создание «независимого» Кашмира. Значение этих визитов вскрыл премьер-министр княжества Джамму и Кашмир Бакши Гулям Мохаммед, который заявил на заседании Учредительного собрания 5 мая 1953 года:

«Предпринятые в это время поездки некоторых иностранных дипломатов и государственных деятелей послужили дальнейшим стимулом для такой подрывной деятельности. Все открыто говорили о том, что «независимому» Кашмиру будет оказана помощь».

Из этих иностранных дипломатов первый секретарь американского посольства в Дели Ричард С. Лич развернул особенно опасную деятельность. После визита Эдлая Стивенсона в Кашмир Лич является главным лицом, оказывающим влияние на шейха Абдуллу. Он присутствовал на митинге в Сринагаре в день мучеников, 13 июля 1953 года, на котором шейх Абдулла выдвинул перед народом план создания «независимого» Кашмира. Во время митинга Лич и другие сотрудники американского посольства в Дели, в частности г-н и г-жа Адамс, стояли на трибуне рядом с шейхом Абдуллой. Утром 9 августа 1953 года, когда было объявлено о смещении шейха Абдуллы с поста премьер-министра, Лич поехал в Гулмарг (где Абдулла отдыхал перед арестом), чтобы поговорить с ним в последнюю минуту. Однако по пути туда Лич был перехвачен кашмирской полицией.

На протяжении последних шести лет многие европейцы и американцы посетили Кашмир как туристы, охотники, ботаники, альпинисты и артисты. Полагают, что одних только американцев там побывало около 6 тысяч человек. Иностранцами туристами были главным образом лица, собиравшие разведывательные данные, а также военные эксперты, профессиональные фотграфы, офицеры в отставке и профессиональные «антикоммунисты». Один из таких «посетителей» — Джеральд Хэнли — даже умудрился пробраться в кашмирское правительство в качестве чиновника по особым поручениям министерства информации и радиовещания. В прошлой войне Хэнли, майор английской армии, служил в Бирме

и Южной Африке. Он работал также сотрудником Би-би-си. «Джерри» — как называли его коллеги в Сринагаре — являлся близким другом Милтона Кларка и нескольких наблюдателей ООН, у которых он получал большую часть сведений. Интересно отметить, что, будучи одним из руководителей информационной службы кашмирского правительства, Хэнли всячески стремился популяризировать через официальные издания биографии тех кашмирцев, которые заслужили восхищение английских вице-королей и главнокомандующих своей «службой саибам».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В предыдущих главах говорится о том, что со времени установления английского правления в Индии Кашмир неизменно играл видную роль в стратегических и военных планах империализма. Сейчас империалисты стремятся захватить эту прекрасную страну, чтобы использовать ее в качестве базы против Советского Союза и Китая, против народов Индии и Пакистана. Иностранные державы использовали кашмирский вопрос также для обострения индо-пакистанского конфликта. Временной переориентации американской политики на установление индо-пакистанского «взаимопонимания», видимо, пришел конец, особенно после ликвидации последнего американского заговора в Кашмире.

На иностранное вмешательство в Кашмире неоднократно указывал премьер-министр Индии. Тотчас же после совещания с Джоном Фостером Даллесом Пандит Неру заявил на митинге, состоявшемся 26 мая 1953 года в Дели, что чем больше иностранцы вмешиваются в кашмирскую проблему, тем сложнее она становится.

Кашмирскую проблему можно решить лишь после того, как будет положен конец вмешательству Англии и США, действующих под прикрытием ООН. Для этого необходимо снять кашмирский вопрос с повестки дня Организации Объединенных Наций и изгнать с территории Кашмира находящихся там наблюдателей ООН и других агентов иностранного империализма.

Кашмирский спор можно решить лишь путем индо-пакистанских переговоров, не полагаясь на иностранное «посредничество». Поэтому все сторонники мира на полуострове Индостан приветствовали совместное коммюнике премьер-министров Индии и Пакистана, опубликованное в Дели 20 августа 1953 года. Как указывалось

в коммюнике, два премьер-министра придерживаются твердого мнения, что кашмирский спор должен быть урегулирован в соответствии с желанием населения княжества, в целях повышения его благосостояния и с наименьшим ущербом для спокойствия его народа. В коммюнике говорилось далее, что самый правильный метод выявления воли народа заключается в проведении справедливого и беспристрастного плебисцита. Премьер-министры договорились также о том, что те вопросы, в отношении которых в прошлом не было достигнуто соглашения, должны впредь решаться *непосредственно* Индией и Пакистаном. С этой целью предлагалось создать комитеты военных и других экспертов, которые консультировали бы двух премьер-министров. Население всего Индостана с удовлетворением встретило сообщение о том, что администратором по проведению плебисцита не будет назначен ни адмирал Нимиц, ни какое-либо другое лицо из англо-американского лагеря. В августе 1953 года печать сообщала, что администратором будет представитель какой-либо азиатской или малой европейской страны.

Индо-пакистанское соглашение от 20 августа 1953 года — это первое соглашение по кашмирскому вопросу, которое не предусматривает никакого иностранного «посредничества». Поэтому оно служит первым шагом на пути к урегулированию кашмирского спора и восстановлению добрососедских отношений между Индией и Пакистаном.

Самая важная задача народов Индии, Пакистана и Кашмира заключается в том, чтобы добиться прекращения иностранного вмешательства в дела Кашмира, дабы спасти эту прекрасную страну от участи Кореи. Они должны потребовать прекратить вмешательство также и для того, чтобы население Джамму и Кашмира могло решить свою дальнейшую судьбу свободно, без всякого внешнего нажима и запугиваний.

В этой связи большая ответственность лежит на самом населении Джамму и Кашмира. Оно может спасти свою чудесную страну и свои домашние очаги лишь в том случае, если организует мощное движение протеста против происков империалистов, за полное осуществление своей заветной программы «Нового Кашмира». Оно

должно охранять уже достигнутые завоевания, имеющие жизненно важное значение, и бороться за дальнейшие успехи. Только единство демократического движения населения Кашмира, Ладакха и племени догра, выкованное в борьбе против программы и политики религиозно-общинных партий в провинции Джамму и Кашмирской долине, может спасти Кашмир от превращения его во вторую Корею.

Хорошим предзнаменованием для народов всего полуострова Индостан служит лозунг «Кашмир не превратится в новую Корею!», принятый национальным движением Кашмира. Если нам удастся уберечь Кашмир от охватившего его пламени, мы, несомненно, внесем важный вклад в дело укрепления мира в Азии и во всем мире.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Когда эта книга сдавалась в печать, в мировой прессе появились сообщения, что США начали переговоры с Пакистаном о заключении пакта о военном союзе и помощи, а также о создании на пакистанской территории авиационных баз. Редакционная статья газеты «Нью-Йорк таймс» от 5 ноября 1953 года, посвященная проектируемому пакту, получила широкую известность, и правительство Пакистана официально опубликовало ее в Карачи как важный информационный документ. Кроме того, из сообщений, появившихся в печати различных стран, явствовало, что Соединенные Штаты добиваются тесного военного сотрудничества Пакистана с Турцией — младшим партнером организации Северо-атлантического договора.

После поездки главнокомандующего пакистанской армией и генерал-губернатора Пакистана в Соединенные Штаты американская печать регулярно комментировала эти события. Корреспонденции Роберта Трамбла, Джона Каллахэна и Уолтера Вагнера информационной службе «Нью-Йорк таймс» дают достаточно ясное представление о том, как далеко зашли указанные выше переговоры о заключении намечаемого военного пакта. Выступления различных американских деятелей за последние два месяца проливают новый свет на эти события.

Доказательства достоверности сообщений, появляющихся в печати различных стран, имеются и в самом Пакистане. Как сообщают, пакистанский министр по делам меньшинств заявил 10 декабря 1953 года в Калькутте, что вопрос об американской военной помощи Пакистану обсуждался между главами двух правительств. Согласно сообщениям, сэр Мохаммед Зафрулла-хан заявил представителям печати в Нью-Йорке, что пакистан-

ская армия будет получать помощь и снаряжение от правительства Соединенных Штатов.

5 ноября 1953 года газета «Нью-Йорк таймс» писала в редакционной статье, что попытки договориться о создании региональной системы обороны на Среднем Востоке пока что не увенчались успехом. По мнению газеты, этой цели можно было бы достичь путем заключения военного союза между Соединенными Штатами и Пакистаном. Военный обозреватель «Нью-Йорк таймс» Хэнсон Болдуин также признал, что военная помощь Пакистану «могла бы означать начало создания жизнеспособной обороны Среднего Востока». Газета положила начало обсуждению вопроса об американско-пакистанском военном союзе в американской печати, которая стала уделять ему много внимания.

В американской печати появились также карты и схемы баз в Пакистане. Кроме того, обсуждался вопрос о создании в Пакистане в соответствии с программой американской помощи армии численностью в один миллион человек.

События последних двух месяцев подтверждают, что проектируемый пакт служит дальнейшим развитием американской политики создания военных баз вокруг Советского Союза и народного Китая. Американская печать и официальные американские представители неоднократно указывали на выгодное стратегическое положение Пакистана и на его непосредственную близость к крупным советским населенным пунктам. В одной из недавних статей журнал «Ньюсуик» писал, что Пакистан находится очень близко от Советского Союза, расположенного по другую сторону Хайберского прохода. Близ Карачи имеются два первоклассных гражданских и несколько военных аэродромов, которые могут принимать тяжелые самолеты. Пакистан можно было бы быстро превратить в военный бастион.

На военное значение Пакистана в планах Соединенных Штатов по завоеванию мирового господства указывала также газета «Нью-Йорк геральд трибюн», которая писала, что Соединенные Штаты стремятся заполнить «стратегический вакуум» между Адана в Турции и Сингапуром в Юго-Восточной Азии и создать в этом районе базы, с тем чтобы советские промышленные центры,

расположенные южнее Урала, находились в пределах досягаемости бомбардировщиков, действующих с этих баз.

Председатель Объединенной группы начальников штабов американских вооруженных сил адмирал Рэдфорд, посетивший Карачи 12 ноября 1952 года, совершил длительную поездку к северо-западным границам Пакистана. После этой поездки «Доон» приводила его заявление о том, что «Пакистан занимает стратегическое положение и должен играть важную роль во всеобщей борьбе против коммунизма». Комментируя поездку Рэдфорда в Пакистан, та же пакистанская газета писала, что американские военные планы в этом районе предусматривают создание авиационных баз на пакистанской территории в полутора часах полета от главных советских промышленных центров. Именно для этой цели американские дипломаты, государственные деятели и военные специалисты на протяжении последних двух лет один за другим ездили в Пакистан. В 1951 году американский посол Авра Уорен совершил несколько показательных поездок в северную часть Пакистана. Потом в Пакистан приезжали Гарольд Стассен, посол Джессеп, помощник государственного секретаря Макги и несколько сенаторов. Затем последовали визиты адмирала Рэдфорда и адмирала Райта из тихоокеанского флота. Райт посетил Хайберский проход и другие важные в стратегическом отношении районы Пакистана. Только с учетом вышесказанного может быть правильно понято значение заключения американо-пакистанского военного пакта.

Вступая в военный союз с правительством Соединенных Штатов, правящие круги Пакистана связывают свою судьбу с силами войны и агрессии и ставят под угрозу мир, безопасность и независимость своей страны.

Особенно сильную угрозу американо-пакистанский военный пакт будет представлять для мира и независимости Индии. Китайская газета «Жэньминьжибао» писала, что, поскольку восточная и западная части Пакистана охватывают Индию с двух сторон, создание американских баз на территории Пакистана означало бы создание баз на двух флангах Индии. А если увенчается успехом американский план создания военных баз в

португальской колонии Гоа (в Индии) и в Тринкомали (на Цейлоне), Индия окажется в политическом и военном окружении. По существу, одна из главных целей проектируемого военного союза заключается в том, чтобы окружить Индию военными базами и вынудить ее под нажимом извне безоговорочно присоединиться к американскому лагерю войны и агрессии. Таким образом, этот военный союз не только приведет к расширению сети американских военных баз, не только приблизит «холодную войну» к самому порогу Индии, но и поставит под угрозу ее суверенитет и национальную независимость. Если правителям Соединенных Штатов удастся при помощи шантажа вынудить индийское правительство поддерживать американскую внешнюю политику, если они сумеют добиться осуществления своих целей в отношении Индии, — свобода нашей страны будет уничтожена, экономическое положение индийского народа ухудшится и его борьба за демократию и независимость будет безжалостно подавляться.

Нельзя отвести растущую угрозу, исходящую от Соединенных Штатов, полагаясь на британский империализм. Ее можно отвести лишь путем активной и всесторонней мобилизации народных сил с помощью мощного движения за мир. Однако эту угрозу нельзя будет окончательно ликвидировать до тех пор, пока Индия полностью не освободится от британского ярма и феодализма.

Последствия заключения военного пакта между Пакистаном и Соединенными Штатами будут очень серьезными для пакистанского народа. Вся его страна превратится в базу Соединенных Штатов. Печать сообщает, что в ближайшем будущем в Пакистан начнут прибывать эсминцы и другие военные корабли, реактивные самолеты и миллионы фунтов стерлингов, предназначенных для установки современного оборудования на пакистанских аэродромах. Ясно, что вместе с такой огромной военной машиной придут также тысячи американских военных специалистов и техников. Таким образом, Пакистан фактически будет оккупирован иностранной державой. Поэтому проектируемый военный союз вызывает законную тревогу во всем Пакистане и встречает сопротивление со стороны народа и определенной части прессы.

Отрадно видеть, что различные слои пакистанского народа выражают протест против американского плана закабаления их страны.

Последствия американо-пакистанского военного союза для Кашмира будут еще более серьезными. Как указывалось в нашей книге, правители Соединенных Штатов преследуют в отношении Кашмира две взаимосвязанные цели: во-первых, использовать его как военную базу против Советского Союза и народного Китая; во-вторых, использовать его в качестве плацдарма для оказания непосредственного политического и военного влияния на Индию и ее правительство. Во имя достижения этих двух целей США и начали кампанию за создание «независимого» Кашмира, склонив шейха Абдуллу принять и поддержать их план. В августе 1953 года даллесовский план создания «независимого» Кашмира был сорван, американская дипломатия получила резкий отпор.

Вскоре после срыва плана создания «независимого» Кашмира правительство Соединенных Штатов направило свои усилия на осуществление нового варианта военного сотрудничества с Пакистаном, ибо оно рассчитывало, что сможет использовать это сотрудничество для дальнейшего, более энергичного вмешательства в дела Кашмира и для того, чтобы при помощи шантажа заставить индийское правительство придерживаться американского курса внешней политики.

Той цели, которой правители Соединенных Штатов рассчитывали достичь путем создания «независимого» Кашмира, теперь предполагается добиться путем захвата Пакистана и превращения его в огромную военную базу. Результатом этого военного союза было бы также превращение районов «Свободного Кашмира» в американские базы. Важной в стратегическом отношении территории Гилгита министерство обороны Соединенных Штатов уже сейчас уделяет особое внимание. Таким образом, американские базы предполагается создать на самой территории княжества Джамму и Кашмир. Это не только приведет к дальнейшему порабощению населения «Свободного Кашмира», но и создаст серьезную угрозу миру, независимости и свободе кашмирского народа, проживающего на индийской стороне от линии прекращения огня.

Кроме того, американо-пакистанский военный пакт вобьет клин между Индией и Пакистаном. Он затруднит урегулирование кашмирского вопроса путем переговоров; страны прибегнут к насилию и запугиванию как методу разрешения спора. Он подготовит почву для дальнейшей американской агрессии в Кашмире, для его захвата и превращения в военно-стратегический опорный пункт.

Таким образом, сейчас Кашмиру снова угрожает опасность — общая для народа всего полуострова. Единство и солидарность народов Кашмира, Пакистана и Индии, в конечном счете, сорвут новый американский заговор против полуострова Индостан.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От издательства	3
От автора	5
Введение	7
Глава первая. Английское правительство создает княжество на севере	15
Глава вторая. Кашмир в русско-британском антагонизме XIX столетия	25
Глава третья. Октябрьская революция и английская политика по отношению к Кашмиру	40
Глава четвертая. Кашмир — военная база против СССР	46
Глава пятая. Наступление на народное движение в Кашмире	54
Глава шестая. Расчленение Индии и последующие события	63
Глава седьмая. Вторжение и сопротивление	71
Глава восьмая. Маунтбэттен выдвигает план вмешательства Объединенных Наций. Новая стратегия	81
Глава девятая. Совет Безопасности излагает свои доводы	92
Глава десятая. Англия и Америка разрабатывают план	100
Глава одиннадцатая. Комиссия разрабатывает план	111
Глава двенадцатая. Трумэн и Эттли настаивают на арбитраже	128
Глава тринадцатая. Генерал Макноттон выходит на сцену	136
Глава четырнадцатая. Оуэн Диксон предлагает новую формулу	143
Глава пятнадцатая. Кашмир — база против нового Китая	152
Глава шестнадцатая. Вмешательство агента Пентагона	155

Глава семнадцатая. Религиозно-националистические партии выдвигают лозунг раздела княжества Джамму и Кашмир	183
Глава восемнадцатая. Маневр с планом создания «независимого» Кашмира	199
Глава девятнадцатая. Шейх Абдулла и американский план создания «независимого» Кашмира	210
Глава двадцатая. Несколько замечаний о деятельности наблюдателей ООН и других иностранных агентов в Кашмире	227
Заключение	241
Послесловие	244

К у м а р
АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЙ ЗАГОВОР
ПРОТИВ КАШМИРА

Редактор *Б. В. ПОСПЕЛОВ*

Технический редактор *Н. А. Новлева*

Корректоры *И. А. Булгаков* и *Р. Я. Новик*

А 08570 Сдано в производство 4, IX 1954 г.

Подписано к печати 14/ XII 1954 г.

Бумага 84×108^{1/2}—4 бум. л. 12,9 печ. л.

12,9 уч.-изд. л. Изд. № 7/2489. Цена 4 р. 75 к.

Зак. 6335

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Ново-Алексеевская, 52

Центр. типография МО СССР
им. К. Е. Ворошилова

4 р. 75 к.

В. Кумар—АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЙ ЗАГОВОР ПРОТИВ КАШМИРА